

Г. И. НЕВОЛЬКО

ПРОЛОГИ

НОВОЙ СИСТЕМЫ НАУЧНОГО ОБЪЯСНИТЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ—

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

г. Чернягов, 1995 г.

Г. И. НЕВОЛЬКО

ПРОЛОГИ

НОВОЙ

СИСТЕМЫ
НАУЧНОГО
ОБЪЯСНИТЕЛЬНОГО
ЗНАНИЯ—

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

г. Чернигов, 1995 г.

ISBN 5—7707—0657—0.

(С) Г. И. НЕВОЛЬКО

О содержании этой книги.

Это пятая часть текста «Прологи новой системы научного объяснительного знания», который состоит из шести частей и которым излагается развитие новой системы научного объяснительного знания из нынешней старой и ограниченной системы. В ней продолжается очищение старой гносеологии от ошибочного и ограничивающего научно-объяснительное познание и продолжается дальнейшее развитие предварительного содержания новой системы научного объяснительного знания: в результате этого глубже, точнее и во многом по-новому раскрываются, решаются и объясняются, помимо прочих, нижеследующие вопросы.

Неречевое и речевое мышление, развитие языка и возможности более подробного, более дифференцированного обучения и управления. О роли общественной системы и ее слагающих индивидов в процессе развития познания и его форм. Продолжение уяснения сути, проявлений, локализации, отображательных пригодностей и свойств, и развития того всеобщего и исходного, из чего складывается любое содержание любых представлений, мыслей, понятий или идей, а также процесса мышления и логики. Определение и дальнейшее уяснение опыта и знания, их сущности, происхождения и развития, их отображательных пригодностей и возможностей. О переходе опыта в знание и знания в опыт. Практика и ее управление при помощи процессов и результатов восприятий, представлений и мышления и роль ее в процессе познания или преобразования реальной действительности. Критика преувеличений социальной природы знания в ущерб роли человеческих индивидов. Объяснение и доказательство того, что дальнейшее развитие и обновление знания происходит в мышлении индивидов и достигается активным творческим и достаточно напряженным мышлением, что высшие формы мышления развиваются из низших форм, сопровождаются последними и от них не отрываются, что всякое знание живого организма развивается в нем и не выходит из него, не перестав быть знанием. Уяснение сути

того, чем составляется любое содержание любого представления, знания, или идеи. Уяснение сути мысленных элементов и возможностей того, что они и структуры их множеств могут брать на себя соответствие со структурами элементов предмета познания, могут отображать собой любой предмет познания, в том числе и объективные и находящиеся далеко за пределами познающего их организма. Продолжение уяснения источника и возможностей произведения нового истинного знания неречевыми формами познания. Выяснение неограниченности отображательных свойств и пригодностей смыслового содержания представлений истинно отображать реальную действительность, познающуюся вообще. Об упрежденной и интегральной истинности знания. Истина и истинность. Логическая и фактическая истинность, прагматизм и пр. Различение мыслей и реальных, в них отображающихся, как существенный признак немонистического материализма. Конкретность истины. Дальнейшее уяснение ограниченностей восприятий и возможностей их преодоления мышлением. Про типы мышления. Интеллектуальные эмоции. Об авторитетах. Инакомыслие и прогресс познания. Согласно мнению большинства. О влиянии особенностей органов чувств на истинность и возможности познания. Умонаглядность, отображательная функция смысло-представлений, пустые слова и мысли и пр. О познании будущих состояний предмета. О познаваемости объективного. Рассудочность и разумность. Чувственное, эмпирическое и рациональное, индивидуальное и общественное, унаследование и творчество нового в познании.

ГЛАВА I

§ 1. Уяснение форм и путей дальнейшего развития познания

Исходя из предшествующего и продвигаясь в свете и с помощью его продолжим дальнейшее уяснение как уже человеком достигнутых, актуально проявляющихся и использующихся познавательных способностей, так и выявление, уяснение и освоение новых, потенциальных способностей и возможностей человеческого разума к познанию, продолжим познание тенденций и возможностей развития познания, возможностей осознанного ускорения этого развития, продолжим выявление, уяснение и освоение ныне неиспользующихся эвристических форм, приемов и методов познания, обнаружение того и избавление от того, что обуславливает ограниченность, трудности и заблуждения в познании, ошибки, ложь и плеве-лы в знании.

Элементно-структурный механизм общественной системы в общих чертах уже рассматривался. Сосредоточие обдумывания и выработки информации, управляющей общественной системой, в управляющем центре общественной системы и необходимость успешного управления обуславливают собой потребность в передаче знания и управленческой информации от этого центра к соответствующим индивидам, что возможно при условии правильного понимания этих знаний и информации этими индивидами. Последнее обеспечивается развитием языка и возрастанием интенсивности обмена между индивидами в этой общественной системе информационной и производственной деятельностью, предметами потребления и использующимися знаниями. Но возможности для более точной и дифференцированной передачи накопленного обществом знания и управленческой информации будут возрастать по мере расширения и углубления процесса обобщенного связывания в памяти человеческих индивидов структурных элементов смысло-представлений со структурными элементами и фрагментами языка, что расширяет возможности более подробного формирования смысло-представлений у индивидов при помощи языковых текстов без обращения этих индивидов к непосредственному восприниманию реалий, содержанию этих смысло-представлений соответствующих (в этом содержании отображающихся). И чем глубже и шире продвигается процесс дифференциации и связывания символ-структур со смысло-структурами в памяти индивидов этого общества,

тем больше озможности для более дифференцированного управления и обучения. Этим обуславливается развитие процесса дробления символических и смысловых структур на все более разные и мелкие элементы.

История познания прекрасно подтверждает эту тенденцию. В настоящее время процесс дифференциации наук и научной терминологии так далеко зашел, что нельзя уже пренебрегать пессимистическими выводами о приближающемся кризисе в связи с так называемым информационным взрывом, о трудностях взаимопонимания между учеными, о вавилонском столпотворении в познании, о перенасыщении науки и ее «самоудушении», о достижении пределов человеческих возможностей познания в направлении обобщения вглубь и вширь, о трудностях и даже невозможностях достижения одним индивидом переднего края науки во всех ее областях в силу ограниченности познавательной способности жизни индивида и пр. Вопрос о путях выхода из этой кризисной ситуации в научном познании разрешается переходом человечества на новую СНОЗ. А здесь объясняется то, как процесс развития познания идет и что происходит с уже уяшенными нами формами мышления.

Неречевое мышление, осуществляющееся в форме представления и только, имеет очень широкую свободу: к творческому преобразованию из памяти извлекаемых мысленных элементов (= представляющиеся антиощущения со своими границами-ничто и с них слагающиеся отображательные структуры); свободу к перескокам, переносам или переключениям внимания с одних элементов на другие; свободу к переносам и подстановкам так антиощущающихся протяженностей иначе антиощущающимися протяженностями (вспоминающуюся красноту можно заменить вспоминающей зеленостью); свободу к увеличениям и уменьшениям, достигающимся в результате варьирования соотношения мысленных элементов для отображения то структурных форм низших уровней сложности (напр., системы атома), то структурных форм высших уровней сложности (напр., солнечной системы); свободу к мысленным выделениям нескольких или одного из множества мыслящихся элементов и введению в мышление достаточно большого множества мыслящихся элементов, в чем-то одинаковых или чем-то отличающихся между собой; свободу к изменениям взаимосоразмерностей протяженностей антиощущений, составляющих эти мысленные элементы; свободу к

пространственным и временным перестановкам и формирования любых представлений из извлеченных из памяти элементов и фрагментов мысленных структур. Т. е. неречевым мышлением обеспечивается шире свобода к варьированию мысленными элементарно-структурными образованиями в содержании представлений. Но это не означает, что получать их и получать истинными неречевым мышлением легче, чем речевым. Напротив, восприятием языковых, символических структур процесс формирования у индивида уже общепринятых отображательных (смысловых) структур после изучения языка ускоряется и значительно облегчается. Но по мере перехода неречевого мышления в речевое на вышеохарактеризованную свободу надевается смиренная рубашка символ-структур и необходимости получить обобществленное сращивание их с соответствующими смысловыми структурами предшествующего и господствующего в данном обществе знания. Влияние последнего на представления индивида, как уже отмечалось, может быть и прогрессивным и регрессивным — в зависимости от конкретного содержания. Но в любом случае, хотя и по разному в разных социальных условиях и в различных идеологических и гносеологических ситуациях исторического развития познания, обобществленное знание до некоторых пор играет роль сдерживания и сопротивления такому новому, идущему от индивида, которое отличается или противоречит утвердившемуся, если познавательная и производственная практика и общественные интересы еще не испытывают тех затруднений, которые разрешает то новое знание, которое получено в форме представления сначала еще только у индивидуального мыслителя, пытающегося придать ему форму понятий и обобществить.

В процессе взаимообщения людей данного общества у его составляющих индивидов вырабатываются соответствующие понятия. Затем они уже известным образом уточняются, развиваются, отсеиваются, закрепляются и удерживаются в памяти индивидов или в иных естественных или человеком созданных средствах хранения отображений и информации. По мере развития общества и мышления составляющих его индивидов развивается и познание; растущее знание приобретает форму учений и наук. С вовлечением различных областей реальности в область производственных, познавательных и других интересов растет разнообразие содержания

понятий. Появляются и развиваются все более общие понятия, когда в структуре смыслового (отображательного) содержания их находят свое отображение все более разнообразные структуры все большего числа предметов реальности; появляются и развиваются и все менее общие понятия, специфические состав и структура мысленных элементов смысла которых отображают меньшее число предметов реальности. Здесь мы имеем дело с тем, что в современной логике называют законом обратного отношения между объемом и содержанием понятия.

Количество и содержание понятий, актуально обращающихся и функционирующих в общественной системе в данное время ее жизнедеятельности, обуславливается характером и уровнем развития общественной и индивидуальной деятельности и познания, характером и уровнем развития индивидуальных и общественных интересов, характером и уровнем развития общественно-экономической формации и другими факторами. Продвижение познания вглубь уровней сложности реальности ведет к росту дробления смысловых структур и сращивания их с соответствующими символическими структурами. Процесс свободного и творческого формирования представлений, производимый самостоятельно индивидом силой своего мышления и сознания, под влиянием своих интересов и на базе данных, извлекающихся только из своей памяти, все больше уступает место процессу формирования смысло-представлений посредством восприятий языковых структур. Этому способствует еще и специализация и разделение физической и умственной деятельности. Исторически сложившаяся система согласных мнений, общепринятых представлений людей о реальной действительности, смысловая структура которых зафиксирована и удерживается структурой элементов языка, в его смысловом составе и в грамматических, синтаксических и логических схемах связывания этих слов, воспроизводится у индивида всей совокупностью словесных, вещественных и деловых межиндивидуальных взаимоотношений, противостоит индивидуальным представлениям, в том числе и тем из них, которые являются более прогрессивно передовые. И чем массивнее и развитее общественная наука и производство, тем труднее индивиду внести изменения в содержание господствующих знаний, если это изменение есть не дальнейшее развитие утвердившегося знания вширь, а сопровождается существенным переосмыслением

оснований, начал и обновлением всей системы существующих знаний. На заре развития научного познания выдающиеся мыслители, дававшие обществу оригинальные идеи, (выдающиеся в свое время и среди своих современников, конечно), достигали успеха легче и быстрее.

Имеют значение и индивидуальные особенности человека. Лучшая память позволяет человеку быстрее и прочнее усвоить имеющееся знание и успешнее его использовать, быстрее находить ответы на запросы ситуации обращением к знанию, уже достигнутому в данном обществе. Тех ситуаций, при которых возникает необходимость все переосмысливать самостоятельно и заново формировать собственное представление, у такого человека все меньше. Да прочная память и противится изменениям сформировавшихся в ней структур. При худшей памяти проявляются другие достоинства и недостатки, что ранее отмечалось. Хороша здесь «золотая середина». Однако, в некоторых случаях, для некоторых видов общественной деятельности — особенно там, где необходимо творческое, эвристическое мышление — более полезны люди с ниже средней памятью, чем с сильной, при условии, конечно, что им удалось достигнуть переднего края и актуальных проблем развития познания соответствующих областей реальности.

Сильная память хорошо служит не столько тем, кому прежде всего надлежит творить, сколько тем, кому прежде всего надлежит без искажений распространять и точно производить сотворенное. К сожалению современная система образования и подготовки научных кадров обуславливает отбор людей с выше средней памятью и отсеивает с ниже средней и даже со средней.

II

Все человеку свойственные формы познания (и чувственной и отвлеченно-мыслительной ступеней) локализируются там, где находятся их реализующие элементарно-структурные образования и процессы их функционирования (процессы приема чувственно данного, запоминания, извлечения и формирования представлений, превращения представления в понятие и пр.). Без тех элементарно-структурных образований в живом организме человека (анатомических, морфологических, нейрофизиологических, соматических, биоструктурных, молекулярных, атомных и пр.), в которых и которыми осуществляется извлечение из памяти мысленных элементов (= протяжен-

ности так-то чувственно окрашенных антиощущений с границами-ничто между ними и как-то иначе антиощущающимися протяженностями) и формирование содержания представлений, мышление и познание мышлением невозможно; без извлечения из памяти антиощущающихся элементов, без представления их перед сознанием и без процесса мысленного рассмотрения их в качестве феноменов яйности, в ходе и в результате чего выясняются или устанавливаются различия антиощущений и очертания границ-ничто между ними, мысленно выясняется или устанавливается (формируется) отображательное содержание представления, имеющее какую-то форму организации, какую-то взаимоотноструктуру его составляющих мысленных элементов, нет и невозможно никакое актуально мыслящееся знание, нет и невозможно какое-либо отображение предмета познания. Вспомним, что антиощущение — это не ощущение, не слабый его повтор и не противоположное ощущение, а противоположность ощущения, — это протяженность сенсорного поля, насыщенная материальным результатом взаимообмена между сознанием и его содержащим организмом, зияющая отсутствием ее заполнявшей и вспоминающейся ощущаемости и потребностью, запросом, вызовом этой ощущаемости со вспоминающейся такостью чувственной окраски. Антиощущениями составляются протяженности представлений, а границами взаимосоприкосновений их, неразличных в себе, но различающихся между собой, фиксируется идеальность (т. е. структура-ничто) представлений.

Все и всякое мыслимое мыслится в кульминационном итоге в состоянии или в форме представления (= как процесс представления вспоминающихся феноменов яйности перед сознанием и взаимодействия их с сознанием и через него с прочим) и все и всякое мышление происходит с представлением как формой данности субъекту извлеченного из памяти и мыслящегося им знания и с представлением как такой формой процесса мышления, которой производится и мысленно рассматривается содержание представления и только — не восприятия и не понятия или еще чего-то, а представления и только. Т. е. следует различать представление как процесс, соответствующим образом (логикой мышления) управляющийся, и как то отображательное содержание, которое человек при этом мыслит, обрабатывает, уясняет и пр. На другие участки сознания поступают чувственные данные текущих

ощущений и восприятий, которые сопоставляются с содержанием представления и используются человеком в процессе самоуправления движения своих органов, в результате чего производятся отображения, распространяющиеся затем и в окружающей этот организм объективной среде, фиксируясь границами элементов и строев их множеств и пересекаясь с одних элементов (или их множеств) на другие. Ведь форма идеальной структуры-ничто отделима от отображающегося в отображении предмета (в том смысле, что она может быть повторена и передана далее, может быть построена соответствующим множеством других элементов), хотя она и не может реализовать свою наличность без протяженностей материальных нечто ее фиксирующих элементов (она же между ними), каждый из которых имеет свое нечто и свое ничто и не теряет их от того, что проявлениями своего существования вовне (каждым элементом в отдельности или в составе множества элементов) от них как бы отделяется, исходит идеальное их формы, ими индуцируется отображение себя вовне. К сознанию же приходят из окружающей среды объективированные отображения и смысловых и символических структур, дальнейшее прохождение которых управляется сознанием и процессом мышления и которые в соответствующих случаях подкрепляют связи, приобретают новые или уточняют и укрепляют старые связи с соответствующими смысло-структурами и впоследствии служат материалом для формирования соответствующих символических и смысловых представлений.

В окружающей сознание среде (между сознанием и окружающим и воссоздающим его телом и мозгом организма) и проявляется яйность субъекта феноменами ощущаемости воспринимającego и антиощущаемости представляющегося.

Подобно тому, как объективное тело движением своих элементов вовне производит отображения, отчуждающиеся и распространяющиеся, хотя отображающееся в них и не теряет, не передает или почти не передает своих элементов, а передает соответствие своей структуры-ничто структуре элементов, передающих или несущих собой это отображение далее, так и в мышлении: представляющееся содержание не теряет (или почти не теряет) и не передает своих элементов в процессе и в результате процесса снятия с него управления движений для произведения символических и несимволических движений, а следовательно и в результате произведения

организмом соответствующих отображений в окружающей среде (произнесения слов или произведения прочих движений).

Глубокий и верный смысл имеют здесь слова Л. Фейербаха: «Исключение мышления и идеи — интеллектуального мира неоплатоников — из законов действительности есть привилегия теологического производства. Законы действительности являются также и законами мышления»,¹⁾ и слова Ф. Энгельса о человеке и мышлении, которые, «являющиеся в конечном счете продуктами природы, не противоречат остальной природной связи, а соответствуют ей».²⁾

Элементно-структурной организацией всего того и такого материального и идеального субъективной реальности данного индивидуального организма осуществляется его процесс мышления, а управлением этим процессом и реализуется логика (как наука или знание о знании, о истинности знания и о том, как необходимо мыслить, чтобы мысленно и лучше познавать предметы познания), которая естественным отбором, преемственностью и прогрессивным развитием индивидов, общества и познания и приводится к тому состоянию, что руководствующиеся ею люди оказываются способными верно познавать окружающий их мир и себя (в том числе и свои познавательные способности) и управлять своим поведением в нем, достигать соответствия мышлением выработанных и намеченных целей с фактическими результатами практики, познавать возможное и невозможное, концентрировать усилия на необходимом из возможного, обуславливая этим дальнейший прогресс человека и человечества. «Чем в большей мере общие законы мышления совпадают с общими законами внешней действительности, тем более адекватно происходит отражение в мышлении объективного мира».³⁾ Следовательно прогрессивно развивается и логика, и ее содержание, на соответствующих этапах ее развития, существенно (или революционно) преобразуется.

Понятия, суждения, умозаключения, определения — все формы речевого мышления — не выходят из и не отрываются от представления, т. к. они и есть функциональное единство смыслового и символического содержания представлений;

1). Л. Фейербах. Соч., Госиздат, М., П., 1923 г., т. I, стр. 130—131.

2). К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., М., 1961 г., т. 20, стр. 34—35

в противном случае они не есть мыслящее субъектом (т. к. любое содержание мысли составляет протяженностями различающихся антиощущений и границ-ничто между ними), а есть объективирующиеся (объективировавшиеся) или субъективирующиеся (субъективировавшиеся) отображения, распространяющиеся через соответствующие элементы субъективной или объективной реальности. Все, что является актуально мыслящимся содержанием таких форм познания как понятие, суждение, умозаключение, определение, одновременно есть и содержанием представления соответствующего уровня сложности и состояния образующей его структуры; но не все то, что является или может быть содержанием представления индивида, входит в содержание соответствующего понятия и речевых форм его определения и изменения.

В результате образования обобществленной функциональной связи символической и смысловой структуры в памяти множества индивидов и в результате перехода, вследствие этого, представления в форму понятия мышление каждого из этих индивидов получает новые способности к познанию, к получению нового знания не путем получения его извне, а путем произведения его в себе в результате развития и совершенствования познавательных усилий мышления и органов познания вообще и в результате облегчающего управляющего воздействия символических структур на процессы извлечения из памяти и формирования смыслового содержания мысли. В любом случае исходные элементы знания (комплексами антиощущений составляющиеся смысловые, отражательные образы) извлекаются из памяти; из них затем формируется всякое и все мыслящееся; извлечение и формирование его при этом может протекать сопровождаясь и управляясь приемом обобществленных символ-структур. Способности мышления и знание индивида при этом — от осмысленного приема символ-структур — может развиваться и подниматься в своем развитии до такого состояния и уровня, которыми уже обладали или обладают другие индивиды, если у этого индивида нет каких-либо патологических ограничений для развития его потенциальных познавательных способностей и если он проявит при этом достаточно напряженные, продолжи-

1) Б. В. Ахлибинский, «Ленинская теория отражения и кибернетика», Ленинград, 1965 г., стр. 14.

тельные и верные усилия. Но в любом случае это есть развитие способностей его органов мышления и ими мыслящегося идейного содержания, а не получение извне способностей к познанию и знания в готовом виде. Все познавательные способности и возможности их развития являются атрибутами ими обладающего организма и его органов познания.

В результате перехода к речевым формам мышления человек получает возможность: — использовать уже готовые символические структуры, символически выражающие результаты мышления других индивидов; — сверить, согласовать, отобрать общественно значимое или многими признающееся смысловое содержание своего представления; — зафиксировать его обобщественными (или могущими стать обобщественными) символ-структурами и то содержание своего представления, которое в итоге становится смысло-представлением; — в результате общения с другими избавиться от влияния своих индивидуальных и субъективных особенностей. Кроме того, символ-структуры фиксируют и сохраняют собой достигнутое, в соответствующей мере сверенное, признанное и обобщественное знание индивидов; они обуславливают сохраняемость смыслового содержания, выработанного предками, и передачу его потомкам (путем повторной выработки его у них); достигнутое и утвердившееся в сообществе индивидов знание в процессе обучения, воспитания и управления при помощи символ-структур передается индивиду. Не только смысловая структура — ничто, но и субъективное отношение к тем антиощущениям, которые наполняют собой протяженности смысловой структуры представлений, процессом обобществления содержания представлений индивида подводится под зависимость от мнения тех людей, среди которых производится это обобществление; и успех и результат этого обобществления оказываются зависимыми от этих людей.

Но новое человеческое знание, как по охвату познающихся областей реальности, так и по глубине, точности и полноте познания соответствующих предметов, расчет, изменяется и обновляется не в результате саморазвития знания или обращения знания между индивидами в обществе, как бы уже имеющегося, готового, зафиксированного в языке и обращающегося между индивидами вместе с символ-структурами, выходя из субъективного органа мышления, а в результате мышлением индивидов обрабатываемого содержания представлений, извлекающихся каждым индивидом из своей па-

мноти и формирующегося каждым из них мыслительными усилиями и с помощью воспринимающихся предметов познания или (если речь идет о речевом мышлении, то) и с помощью символических текстов. Смысловое содержание представления как особой формы отображения не может выйти за пределы локализации его фиксирующих феноменов я́ности не превратившись в иную форму отображения. И это смысловое содержание формируется и удерживается сначала в представлении индивида, а затем соответствующим образом связывается с соответствующими символическими (языковыми) структурами, которыми индивид их выражает и выобобществляет в результате речевого, делового и предметного взаимодействия и обмена с другими индивидами, от чего соответствующие части смыслового содержания представлений превращаются, переходят в форму или принимают форму понятия, суждения и т. д. Смысловое содержание представления, оставаясь в сфере я́ности субъекта или в его памяти, обеспечивает возбуждение и произведение с ним связанных символических отображений, служащих средством для информационного обмена между индивидами и для возбуждения у них с ними связанного смыслового содержания, извлечения его в представление. Но предметы познания отображаются в смысловом содержании, а не в символическом. Следовательно, познавательные свойства и возможности мышления, производящие новое знание и изменяющие старое, обуславливаются и ограничиваются возможностями и свойствами представления как формы неречевого мышления индивида. Ведь функция отображения предмета познания выполняется только посредством смыслового содержания представления; а оно, вне связи и вне соотношения с символ-представлением, как уже говорилось, есть представление и только. А получая связь с символ-структурой представление становится смысло-представлением и как таковое не перестает быть представлением по существу и отличается от него лишь наличием этой связи, позволяющей и облегчающей обмен структурам (символической и смысловой), составляющим собой понятие, взаимовозбуждаться, извлекаться из памяти в представление, своим содержанием давая материал для речевого мышления.

Значит, новые эвристические возможности форм познания, благоприятствующие и ускоряющие дальнейшее разви-

тие истинного знания о познании и о познаваемом, необходимо искать и выявлять прежде всего в представлении — в результате уяснения сути, специфики и отображательных возможностей смыслового содержания любого представления, в результате уяснения путей, условий, возможностей и приемов формирования истинных содержаний представлений, в результате всестороннего уяснения того, из чего, как и чем это смысловое содержание представления формируется и чем и как достигается по возможности исчерпывающая отображаемость им предмета познания. А затем уж следует уяснять те условия развития процесса и результата познания, которые связаны с обобществленными формами (понятие, суждение и пр.), которые зависят от конкретного содержания его и от конкретных особенностей и ситуаций, складывающихся в обществе и между обществом и индивидом, обобществляющим свое представление. Можно выделить уже уясненные нами формы представления, которых оно достигает в ходе развития: извлеченная форма, преображенная форма, смысло-представление, символ-представление, представление в форме понятия. Другим важным основанием различения представлений являются различия в сложности состава и в форме организации структуры их содержание составляющих элементов (различно антиощущающихся неразличных в себе нечто и ничто между ними).

§ 2. Определение и дальнейшее уяснение опыта и знания, их сущности, происхождения и развития.

I

В качестве дискурсивного (рассудочно объяснительного) результата всего предшествующего определим понятие опыта и знания. С термином или с символ-структурой «опыт» и «знание» свяжем смысло-представления, формирующиеся в результате осмысливания нижеследующего текста. Опыт есть вся и всякая та структура-ничто, которая устанавливается и сохраняется между фиксирующими ее элементами органа памяти под влиянием процесса расформирования архитонических структур восприятий, наполненных ощущениями или, вернее, составляющихся и несущихся ощущениями; это накопившиеся, друг на друга накладывавшиеся и от взаимосовпадения обобщавшиеся (одинаковое в форме от повторений укреплялось) осевшие, взаиморасположением элементов вещества па-

мнати закрeпившe и задерживающeся в органe памяти структуры-ничто отображeний, исходивших от той объективной или субъективной реальности, прием органами восприятия которой или взаимодействие органов восприятия с которой или с отображениями которой вызывались или и вызываются ощущения, границами различий между чувствующимися та-костями которых и фиксируются структуры-ничто этих отобра-жений и перемещаются по органам восприятия к сознанию и че-рез сознание в память. Иначе говоря, опыт есть все то, что орган памяти запомнил в результате расформирования структур восприятийных данных; это тот сохраняющийся в памяти идеально-структурный результат, которым заканчивается процесс расформирования прошедших через сознание и вни-мание восприятийных феноменов явности и с которого начи-нается извлечение или формирование содержания представле-ний из соответствующих антиощущений, сознанием извлека-ющихся из памяти. И Томас Гоббс определял опыт как «вос-поминания, или память о многих вещах».¹⁾

Богатство и разнообразие восприятий индивида обуслав-ливают собой богатство и разнообразие хранящихся в памяти форм структур-ничто и различий тех элeсентно-структурных полей, с которых воспоминанием снимаются антиощущения, представляет сознанию более богатые возможности извлекать в представление и включать в процесс мышления соответ-ствующие элементы и фрагменты отображательного (смыс-лового) содержания при извлечении или формировании со-держания представлений. Множества элементов органа памя-ти соответствующих уровней сложности и элементно-струк-турной специфики принимают на себя различные воздействия восприятием выявляющихся различных чувственных данных (ощущений), границами между которыми и несетя форма идеального воспринимающихся отображений, и вследствие чего различно взаимооструктурируются соответствующие под-множества этих элементов, чем и фиксируется опыт. Но со-держание и богатство опыта фиксируется не количеством, а формами структур множеств элементов памяти различных уровней сложности. Связь количества элементов тела органа памяти и меры опыта вовсе не такая, чтобы количеством эле-ментов органа памяти или размером тела мозгового вещества

1). «Антология мировой философии». М., 1970 г., стр. 312.

можно было измерять опытность субъекта, т. к. одни и те же формы идеального в структуре восприятийных данных могут быть зафиксированы особенностями взаимосвязей и между более сложными элементами (например, структурой нейронных контактов или их отростков), и между менее сложными элементами мозга (глиальными клетками или еще менее сложными элементами мозгового вещества); кроме того, одна и та же запоминающаяся структура может быть запечатлена на большем и на меньшем множестве элементов органа памяти одного и того же уровня сложности, что зависит от интенсивности ощущений, наполняющих собой архитектурные поля восприятийных данных, от характера или качественной специфики доминирующих при этом ощущений, от их взаимодействия, от чувствительности тела организма и от чувствительности элементов памяти на степень интенсивности и на различие качественностей чувственных данных деструктуриализующихся восприятий.

По существу опыт и есть структура-ничто элементов памяти, но лишь та, которая получена в результате запоминания структур деструктуриализующихся восприятий, адресация и расформирование элементов содержания которых обуславливается состояниями и варьированием состояний сознания, спецификой и предшествующей структурой элементов памяти и качественной и структурно-временной спецификой состава или содержания восприятия.

Знанием же предстают только те психические феномены яйности, которые извлекаются из памяти в представление (антиощущения и ими составляющиеся комплексы, протяженности так и иначе антиощущающегося и места и формы границ-ничто между ними), в которых отображается соответствующий предмет познания или которые человеком предназначаются для отображения (познавания) соответствующей реальности и которые включаются затем в процесс мышления в качестве мыслящегося или мыслящегося и мышлением обрабатывающегося смыслового содержания, — т. е. не ощущающееся и воспринимающееся, а только антиощущающееся и представляющееся, — которые извлекаются под влиянием меры и активности сознания или и под влиянием воспринимающихся символ-структур и которые могут быть использованы или используются для приведения в движения и для управления движениями тела данного организма, — используются человеком для самоуправления движением всего своего организма

или соответствующих органов, от проявлений, от движений которых вовсе, в их окружающей и их пропитывающей объективной реальности, производятся и распространяются соответствующие отображения, в том числе и отображения соответствующих символ-структур, могущих оказать влияние на формирование представлений у других субъектов. Знание — в любой форме организации своего содержания — есть последний и могущий представляться и мыслиться (или актуально мыслящийся) результат процесса воспоминания ощущений и их структурных комплексов. Структура-ничто знания образуется не всеми теми участками, уровнями и подробностями форм структур-ничто, которые имеет каждый из тех элементов субъективной реальности, которые снимаются из соответствующих участков памяти и соответствующими множествами строями и волнами идущие к сознанию, вызывают антиощущения и дают содержание представления, а очертают лишь тех границ-ничто, которые отобразились в памяти как границы ее участков, подвергшихся воздействиям различно ощущавшихся протяженностей восприимчивых данных и которые выясняются в представлении как им соответствующие границы соответственно антиощущающихся протяженностей. Знание не выходит, не выносится за пределы той области субъективной реальности, в которую извлекается или в которой формируется структура его составляющего содержания и которая является областью проявлений феноменальности живого организма, которая между его сознанием и всем остальным этого организма.

Знание может переходить в опыт в результате превращения его структур в ему соответствующие структуры восприятия в ходе движения организма, руководствующегося этим знанием (в ходе практики) и в результате последующего запоминания или деструктуризации в памяти содержания тех восприятий, которые воспринимаются организмом в ходе движения и практики. Таким образом, знание превращается в опыт по мере того, как оно подтверждается соответствием с данной в восприятиях реальностью. Верно суждение Леконардо да Винчи: «Истинные науки — те, которые опыт заставил пройти сквозь ощущения и наложил молчание на язык спорщиков».¹⁾

1). «Антология мировой философии», М., 1970 г., т. 2, стр. 86

Процесс восприятия начинается от предмета восприятия, проходит через яйность и сознание субъекта и заканчивается деструктуризацией структуры воспринимаемых отображений в памяти. А система процесса, составляющего собой практику, начинается от сформированного знания, затем включает в себя процесс движения тела системы этого организма, управляющегося этим знанием, процесс воздействия тела или орудий на внешние предметы, процесс приема отображений, идущих от внешних предметов и среды и процесс сопоставления текущих восприятий с исходным знанием.

Практика есть единство знания, активного проявления (деятельности) организма, управляющегося этим знанием, и процесса сопоставления знания, употребляющегося организмом для самоуправления, с текущими восприятиями и ощущениями реальности, в результате которого это знание получает или не получает подтверждения, оказывается истинным или ложным. Последнее обуславливается или тем, что оно формировалось так и стало таким, что не содержит в структуре своих элементов соответствия со структурой элементов предмета познания, или тем, что сам предмет познания изменился или изменится и разбивается не так, как изменяется и разбивается содержание знания. Все звенья, составляющие процесс практики, образуют собой цикл с обратной связью (протяженности, составляющиеся множествами в соответствующей степени разнородных элементов субъективной и объективной реальности, через которые происходит круговое передвижение идеальных структур-ничто: в форме отображений предмета познания, в форме восприятий, в форме запомнившегося в памяти, в форме представлений, идей, в форме кинем взаимодействия и отображений процесса взаимодействия тела организма и этого предмета), от чего и получается устанавливаемость, проверяемость и подтверждаемость соответствия между структурами предмета познания и структурами знания этого предмета, что и позволяет человеку то изменять свое знание о соответствующем предмете, формированием и переформированием приводя его в соответствие с ним, то изменять предмет обработкой его в соответствии со своими знаниями, идеями о нем, намерениями и прочее. «Для материалиста «успех» человеческой практики доказывает соответствие наших представлений с объективной природой вещей, которые мы воспринимаем».¹⁾

1). В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 142.

Опыт выступает компонентом познания всякий раз, когда в процессе формирования структуры содержания знания (исходных или производных уровней сложности его) происходит включение в него таких структурных фрагментов, которые были приняты восприятием, сохранились в неизменном состоянии в памяти и таковыми же извлечены из нее и включены мышлением в содержание этого знания, т. е. в содержание представления соответствующей формы — в содержание извлеченного представления или в иные более развитые формы организации человеком представлявшегося и его мышлением мыслящегося содержания. Но опыт же является и единственным источником всех тех представляющихся, в представлении выясняющихся и мышлением мыслящихся элементов (= протяженности антиощущений и их комплексов и границ-ничто между ними), которые получает сознание в процессе извлечения и формирования содержания знания, дробя и преобразуя исходные, извлеченные из памяти, структурные фрагменты опыта, и из которых мышление данного субъекта образует всякое свое знание. Все знание есть результат процесса извлечения и творческого формирования сознанием субъекта отображательного (смыслового) содержания мысли любой формы (представление, понятие, суждение и пр.) из исходного структурного мысленного материала, происходящего из опыта.

II

При таком понимании сущности и происхождения опыта и знания можно сказать, что Бэкон, утверждавший, что в мышлении нет ничего, чего бы не было прежде в наших органах чувств, прав в том смысле, что в мышлении нет ничего, что не состояло бы из того, элементы отображений чего ранее не проходили через органы чувств и сознание в его опыт, память. Но из этого вовсе не следует, что и всякое мышлением мыслимое содержание, всякие особенности структуры мыслимого прежде должны были быть такими же в чувственных данных. Структура мыслимого содержания может быть произвольно, сознательно или несознательно сформирована субъектом в процессе и в результате процесса его мышления. И слова Н. Кузанского, что: «Ничто не может быть в разуме, чего раньше не было в ощущении»,¹⁾ верны в том смысле, что ведь

1). «Антология мировой философии», М., 1970 г., т. 2, стр. 74.

сам разум и им мыслимое образуются и развиваются из тех элементов, которые поступают через ощущения и восприятия. Однако сами формы несомых восприятиями структур-ничто могут или сохраниться или переформироваться в результате процесса мышления.

В наше время многие философы всячески подчеркивают социальную природу знания. И некоторые авторы настолько абсолютизируют социальную сторону знания и его развития в ущерб роли человеческих индивидов в этом процессе и доходят до такой крайности, когда получается, что будто бы идеи и знание зарождаются и актуально существуют не в головах индивидов, а между ними. Идея о социальной природе знания, будучи верной сама по себе в соответствующем смысле, становится неверной и абсурдной в случае ее абсолютизации, в случае придания ей смысла, что знание исходит не из индивида и может пребывать не в его органах мышления, и в случае отрицания противоположной ей идеи о том, что общественное знание развивается и обновляется составляющими общество индивидами и пребывает только в их органах мышления. Такая идея ложная в своей сущности и является реакционной потому, что она ориентирует людей на поиски всякого знания, в том числе и нового, не в результатах собственного мышления, использующего для этого и обобществленные тексты символических структур, а лишь в уже обобществленном и символ-структурами связанном знании, которое господствует в обществе в данное время или господствовало в прошлом и которое позволяет обосновывать сохранение старого и существующего и сопротивление более прогрессивному новому и будущему. Мышление тех, кто не критически и безоговорочно принимает идею о том, что все знание происходит и развивается только от и из общества к индивиду, что вне общества нет никакого знания, легко может получить идеологическую переориентацию в результате следующего умозаключения: прогресс общественного развития есть следствие успехов развития знания; а знание человек получает из общества; а общество его получает из своей истории; а история общества в любое время обусловлена предшествующим знанием; а знание развивается в результате развития понятий и их систем, берущих свое начало от каких-то исходных категорий. И так далее; а где-то в глубине веков все берет свое начало из какой-то исходной категории. В разное время ис-

тории эта исходная категория могла называться по-разному, но как бы она ни называлась, роль ее одна: она порождает и направляет собой последующий процесс исторического развития общества. А откуда берут свое начало и идут исходные понятия, оттуда же идет и «закон» и «необходимость». И в итоге получается, что «в начале было слово», получается идеализм, получается, что древние были «лучше нас и обитали ближе к богам»¹⁾. Но это же не соответствует действительности, это же или заблуждение, или идеологически заинтересованный обман. А та идеология, которая строится на обмане, не может быть выгодной народным массам, честно трудящемуся большинству. А развивающие и защищающие ее идеологи не могут быть теми, которые больше заботятся о других и о трудящемся большинстве, чем о себе или чем о какой-нибудь группе экстремистов и пр. Они не могут быть более прогрессивными и лучшими для трудящихся масс, чем те, которые раскрывают и защищают истину в познании и правду, справедливость и прогресс общественного развития. «...Открытия новых вещей должно искать от света природы, а не от тьмы древности»²⁾. Ведь древность же моложе современности и менее опытная. Так разве можно относиться к идеям древних неприкасаемо?! Ведь исторические примеры доказывают, что темнота и невежество господствовали в человеческих обществах долгие времена, и чем глубже в прошлое — тем больше!

Идея односторонней и полной социологизации знания вредна еще и тем, что она ориентирует человека на пассивное ожидание того, что общество ему может и должно передать находящееся у него (не в мышлении индивидов) знание, и не мобилизует ни самого человека, ни обучающие и воспитывающие общественные организации и органы на поиски стимуляторов и методологии развития способностей к активному, самостоятельному и творческому процессу мышления индивидов для развития ими в себе (самостоятельного или под влиянием и с помощью общения) такого знания, которое оказалось бы или результатом освоения уже имеющегося в обществе, или новым. Интересную мысль выразил по этому вопросу Томас Гоббс: «...Люди, черпающие свои знания не из собствен-

1) Платон. Соч. в 3-х томах. М., 1971 г., т. 3, часть I, стр. 17.

2) Ф. Бэкон. Соч., М., 1972 г., т. 2, стр. 75.

ного размышления, а из книг, доверяясь их авторитету, настолько ниже необразованных людей, насколько люди, обладающие истинным познанием, выше их. Ибо незнание составляет середину между истинным знанием и ложными доктринами». ¹⁾ Конспектируя книгу Маркса и Энгельса «Святое семейство», В. И. Ленин выписал: «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека. ²⁾

Мысли пребывают в уме, а не вне ума и не в слове. Вот слова Томаса Гоббса об этом: «Имя есть слово, произвольно выбранное нами в качестве метки, чтобы возбуждать в нашем уме мысли...» ³⁾. И Дж. Локк отмечал, что нельзя видеть чужими глазами и познавать чужим разумом, человек должен сам познавать, мыслить и действовать. Эти же идеи развивал и неоднократно подчеркивал и Фейербах.

III

Лишь уже достигнутое, обобществленное и использующееся в обществе знание индивид формирует в себе под влиянием общества в процессе обучения, воспитания и практики, при условии активного мышления, информационного, предметного и деятельного обмена и общения этого индивида в соответствующем обществе. Дальнейшее же развитие и обновление знания происходит в мышлении индивида, благодаря активному, творческому и напряженному мышлению; а в процессе информационного, предметного и деятельного обмена и общения этого индивида с другими результаты его мышления получают или не получают соответствующее обобществление уже раскрытым в данной работе порядком. Знание лишь в высших формах развития мышления — в формах речевого мышления — достигает обобществления, становится социальным; но оно имеет и низшие стадии и формы в своем развитии — стадии и формы, предшествующие речевому мышлению: извлеченная форма представления, мышлением творчески сформированное представление без связей с символ-структурами. И в этих низших стадиях и формах мысля-

1). «Антология мир. философии», М., 1970 г., т. 2, стр. 323.

2). В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 22—23.

3). «Антология мир. философии», М., 1970 г., т. 2, стр. 345.

щееся знание так и остается у некоторых живых организмов; а у человека оно достигает и тех высших форм, в которых смысловое (отобразительное) содержание знания приобретает, имеет связь с соответствующими обобществленными символами-структурами, и тех наивысших развития и организации своего содержания (в неречевой или в речевой форме), которыми не обладают другие виды живых организмов. От достижения человеком способности мыслить высшими формами низшие формы мышления и знания не устраняются: высшие формы — понятийные формы или знание, организованное в модель — строятся на базе (из материала) низших форм (представления), сопровождаются ими, получая в качестве дополнения символические структуры, если речь идет о речевом мышлении по сравнению с неречевым, или получая более сложную структуру, если речь идет о более сложном представлении по сравнению с простым. Высшая форма мышления (понятие, суждение и пр.) может появиться лишь благодаря и в лоне низшей (представления) и появившись пребывает в лоне представления и так сопровождается смысловым содержанием представления, что она не отделима от последнего, что она и есть особая форма его, получает свое субъекту представляющееся содержание извлечением из его памяти, из его опыта и проверяется ощущениями и восприятиями, идущими навстречу и в ее составляющие антиощущения. И изменение, и развитие, и обновление знания, получающегося высшими формами мышления или фиксирующегося (содержащегося) в высших формах мыслящегося, происходит из представления всех его форм, из опыта, из восприятий и ощущений, получивших особое развитие у тех отдельных индивидов, которые произвели новое общественно значимое знание, благодаря усилиям своего мышления.

Следовательно, всякое знание живого организма выявляется, становится и пребывает в области проявлений его содержание слагающих антиощущений и границ-ничто между ними, в области проявлений представляющихся психических феноменов яйности и не может из нее выйти, не перестав быть знанием. Индивид его получает или мышлением формирует из элементов своего опыта, будь это самостоятельно мышлением сформированное знание или сформировавшееся при помощи восприятий символических структур. Опыт у всякого индивида образуется и накапливается из восприятий и ощущений. Ощущения в своей субъективной окраске удостове-

ют или дают знать ощущающему о наличии чего-то внешнего по отношению к этому ощущающему, об интенсивности и характере его воздействия на ощущающее; а восприятия, составленные структурой их наполняющих ощущений, несут собой субъекту объективную структуру-ничто (в виде архитектуры ощущений), которая сохранением неизменности себя, своей формы дает, представляет (репрезентирует) субъекту соответствие, подобие, гомоморфность или изоморфность того, что отображалось или отображается в восприятиях. Новые восприятия мы получаем или, во-первых, в результате изменения воспринимаемого по отношению к воспринимаемому, или, во-вторых, в результате изменения позиции, движения, состояния и т. п. воспринимающего по отношению к воспринимаемому. Но т. к. достижение одних и тех же восприятий в первом случае и измененных во втором случае возможно лишь в результате изменения позиций, состояний, движений, поведения и т. п. воспринимающей системы относительно воспринимаемого, то преднамеренное получение субъектом новых восприятий возможно лишь в результате произведения им соответствующего иного, нового движения, управляющегося соответствующим иным, новым знанием, в результате новой практики. Если новое или обновленное содержание представления приведет управляющийся им организм к упрежденному результату, приведет к превращению представляющейся структуры антиощущений в ощущения, воспринимающиеся в такой же или почти в такой же взаимоструктуре, содержание структуры которых вызывается объективной данностью структуры ощущений, то оно (новое содержание представления) получает подтверждение, поступает в память, закрепляется в ней и превращается в опыт, который затем снова может быть использован в процессе извлечения или формирования знания с тем же или с новым содержанием, включающего в свое содержание и опыт формирования нового знания. И так в процессе развития и деятельности индивида растет у него опыт и умение извлекать и формировать из него новое и не новое знание, — опыт, вовлекающий в себя, в свои структуры, и накапливающий в себе, как спиралеобразный вихрь, как снежный ком, структуры восприятий внешнего, в практике подтвердившиеся структуры самостоятельно сформированного знания и структуры знания, усвоенного из восприятий символ-структур, полученного в результате воздействия на него общественной системы символ-структурами, словом и делом,

информацией и управляющими воздействиями. «Все знание из опыта, из ощущений, из восприятий»¹⁾. «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности»²⁾.

Так как нас интересуют прежде всего вопросы об источниках, возможностях и путях получения нового знания (по отношению к уже достигнутому и скрепленному обобществленными символ-структурами), а не вопросы усвоения уже достигнутого, а обобществленное речевое знание получает свое новое содержание от результатов мышления наиболее развитых и активных в этом отношении индивидов и их деятельности по обобществлению своего знания, то для поисков решений интересующих нас вопросов и сосредоточимся на исследовании мышления индивида в форме представления, т. к. новое знание формируется вначале в представлении, а затем приобретает связи с символ-структурами и обобществляясь переходит в последующие речевые формы (понятие, суждение и пр.).

Из всего предшествующего аподиктически следует, что любое содержание знания любого индивида появляется в виде содержания представления (= в виде некоторой структуры, состоящей из антиощущений с границами-ничто между ними в местах и моментах различения), извлекающегося из памяти, из опыта, и формируется сознанием в процессе мышления — самостоятельно или под влиянием восприятия символ-структур — также из исходного, имеющегося в опыте и ранее воспринимавшегося отображательного материала. Иных путей и средства и каналов для получения знания вообще и нового в том числе нет. Следовательно, здесь, — в уяснении сущности и особенностей исходного материала и в уяснении приемов и методов процесса получения или формирования из него знания, — и нужно уяснять возможности произведения истинного и нового, более развитого и более совершенного знания.

1). В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 129.

2). В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 152—153.

§ 3. Дополнительные и полемические рассуждения к предшествующему.

I

Этьен-Бонно Кондильяк в 1754 году писал: «Слово идея выражает некоторую вещь, которую никто, осмеливаясь это сказать, еще не объяснил толком. Вот почему продолжают спорить по вопросу о происхождении идей»³⁾. Это характерно и для наших дней. А. И. Ракитов, например, пытается исследовать знание, не углубляясь в познание его сущности, а классификацией и формализованным рассмотрением объективированных структур. Но чтобы уяснить вопрос о том, что такое знание, недостаточно обращаться к внешним по отношению к знанию объективированным структурам человеческой деятельности, как это делает Ракитов, анализируя знаки, язык, результаты человеческой деятельности и прочее как объективировавшиеся следы проявлений человека. Но это же не знание, а лишь следы проявлений человека в объективной реальности, руководствующегося своим знанием. Необходимо мысленно проникнуть внутрь субъекта и познать естественно самополучные процесс и результат мышления в их естественном ходе, не нарушающихся от этого проникновения и познания; ибо знание не выносится и не выходит за пределы органов мышления; и узреть и уяснить его в результатах объективировавшихся отображений человеческой деятельности (символической или несимволической) не удастся, т. к. там его нет. Когда мракобесы сжигают прогрессивные книги, то не идеи они сжигают, а лишь средство их формирования (одно из многих). Убедившись в этом на практике, Гитлер организовал сжигание прогрессивных идей вместе с телами их творцов и носителей индустриальными методами и масштабами. Но истина, прогрессивные идеи, рождаясь, живя и распространяясь в сознании народных масс и управляя их действиями, одолевали, одолели и будут преодолевать чуму лжи и безумства реакции. Истина и прогресс неуничтожимы, как неуничтожимо развитие реальной действительности, порождающее их и управляющееся ими.

Достигнутые результаты исследования, которые изложены в предшествующем тексте «Прологов..», позволяют без

3). «Антология мир. философии», М., 1970 г., т. 2, стр. 640.

всякого сомнения утверждать, что если идея есть в субъективной реальности, то она есть антиощущающееся и представляющееся нечто, которое чем-то отличается от того, что его окружает, от того, в чем оно проявляется и пребывает. И так как идея всегда есть как нечто представляющееся, мыслимое, то она и есть какое-то субъективно антиощущающееся нечто или какой-то комплекс их с границами-ничто в местах различения их. Еще раз вспомним, что антиощущение — это не ощущение, не слабый его повтор и не противоположное ощущение (как, например, чернота по сравнению с белизной или холодное по сравнению с теплым), а противоположность ощущения, — это протяженность участка или участков окружающего сознание сенсополя, насыщена материальным результатом взаимообмена между сознанием и его содержащим организмом, зияющая отсутствием ее заполнявшей и вспоминающейся осязаемости, — зияющая потребностью, спросом, вызовом этой осязаемости со вспоминающейся такостью чувственной окраски. Антиощущениями составляются протяженности представления, мысли, представляющейся идеи и пр. Взаимопротивоположной сущностью ощущения и антиощущения и обуславливается устремляемость ощущений в так антиощущающиеся сенсополя и возможность сопоставления и установления соответствия или несоответствия ожидающегося в антиощущении и дающегося ощущением, и восприятием, установления фактической истинности представления. Иной смысл того, из чего составляется любое содержание любой мысли (идеи), мыслить невозможно, если не смешивать антиощущение и представление с ощущением и восприятием, если не смешивать мыслящегося и восприятию чувствующегося и если не сводить содержание мыслящегося к немыслящемуся, т. е. к ничто и только.

Остается единственная возможность правильно мыслить составляющее содержание любой идеи как протяженные антиощущающиеся нечто, мышлением обрабатывающиеся, взаимоотноструктурирующиеся и комплектующиеся в представляющиеся фрагменты, образы, мысленные модели и пр. и имеющие свою структуру-нечто и свою структуру-ничто. Смысловая суть того, чем составляется содержание знания и идеи, одинакова. Но знание есть лишь вид идей, которые соотносятся с предметами познания с целью их отображения, которыми решаются задачи познания и которые имели, имеют или

могут иметь какое-то соответствие с предметом познания; а в той мере, в какой они не имеют какого-нибудь соответствия, хотя и принимаются как имеющие, то это будут идеи ложного или ошибочного знания, или фантастические идеи, или шуточные, или всяково возможные иные разновидности идей.

Известное суждение, что «... идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»¹⁾, остается истинным потому, что К. Маркс употребляет здесь слова идеальное и материальное не в том смысле, который определен за этими терминами в данной работе, а в том смысле, в котором они употреблялись тогда и другими: идеальное — это представляющееся, мысленное, мышлением мыслимые идеи, знание; а слово материальное — в смысле: онтологически вещественное, реальное, как объективная реальность, данная в ощущениях, и такое прочее. И поэтому совершенно верно, что идеальное, осмысливающееся как представляющееся и мышлением мыслящееся, образуется не чем иным, как реальными элементами со своими нечто и ничто, пересаженными из объективной реальности в субъективную и в человеческую голову и так преобразованные в ней, что составляют собой сознание и его окружающее сенсополе и обеспечивают и обуславливают взаимобмен и взаимодействие сознания и его содержащего организма, что и итоговым результатом и проявляется представлениями — психические феномены яйности, противоположные по отношению к восприимчивым феноменам яйности этого же человека.

В процессе реального существования в объективной реальности человек варьирует своим поведением, движением своего вовне в зависимости от окружающих его объективных обстоятельств. А в его мышлении происходит противоположный процесс: усилиями органов мышления мыслящий человек произвольно, усилиями воли в границах возможного варьирует условиями, которые этими органами мышления создаются для извлечения из памяти мыслящегося содержания, в протяженностях и вокруг элементов этого извлеченного содержания (= антиощущения и границы между ними), и тем самым получает возможность принуждать эти мысленные элементы вести себя так, как это пожелает и сможет человек. Этим то и создается возможность того, что мысленные эле-

1) К. Маркс. «Капитал», т. 1, 1955 г., стр. 19.

менты могут брать на себя соответствия со структурами объективных предметов познания, которые могут на много отличаться по свойствам и уровням сложности от тех элементов субъективной реальности (элементы мозгового вещества и пр.), которые составляют и реализуют собой процесс представления и мысленной обработки представляющихся элементов содержания мысли (= антиощущения с границами-ничто и их комплексы). Поэтому отображательные элементы содержания идей или знания отличаются от тех реальных элементов мозгового или какого-то там телесного вещества, которые составляют и осуществляют собой процесс мышления и реальный процесс актуального существования мыслящейся идеи в мыслящем ее организме, тем, что они не своими самоповедениями, самовзаиморасположениями и самосоразмерами (не своей онтологической взаимоструктурой) репрезентируют соответствие с соотносимым к ним предметом познания, а или соответствием опыта, сохранившимся в памяти и извлеченным в представление без существенных изменений осознающимся мышлением, или соответствием содержания представления, идеи, мышлением формирующегося из вспоминающихся антиощущений и границ-ничто между ними.

Следует различать ум, разум, мышление и такое прочее как то, что мыслит идею, чем она мыслится, и идею, знание, мысль и такое прочее как то, что мыслится. И поэтому следует различать формы и логику мышления и формы организации мышлением мыслящегося содержания идей, знания.

Видные мыслители спорили по вопросу о том, где находится¹ мыслимое человеком знание: между ним и предметом познания или этот человек между предметом познания и знанием? Путаница здесь то от того, что мысль о предмете познания принимают за сам предмет познания, то от того, что восприятием познающийся предмет принимают за мысль об этом предмете, то от прочего. Но ясно же, что если предмет не ощущается и не воспринимается, то субъект может иметь только мысль об этом предмете; и как бы он ни размножал эту мысль и не разносил мысленно элементы содержания этой мысли, он имеет дело только с мыслью, с представлением, с идеей о предмете и находится между предметом и этой идеей не может, т. е. идея находится в нем. Ведь содержание любой идеи (мысли, представления) составляется структурой протяженных антиощущений и границами-ничто между ними в

местах различия их, которые проявляются в сфере ясности субъекта. Если же субъект имеет дело только с восприятием предмета, идеи которого он не имеет, то он также не может находиться между предметом и своей идеей об этом предмете.

Заблуждение монистического материализма состоит не в том, что сфера материи и сфера формы, сфера предметов и сфера мышления отделены друг от друга, и не в том, что сфера предметов отделяется от сферы мышления, — как это пишет Гегель¹⁾, — а в том, что материя и идеальные границы ее дискретных квантов, отличающихся от окружающего, отождествляются, не различаются и не познаны как сущностные взаимоотноположности реальности, и в том, что сферу предметов очищают от идеальности, а сферу мышления очищают от материальности, тогда как на самом деле обе эти сферы являются лишь по-разному организованные и в разных местах размещенные материально-идеальные образования, образующиеся в конечном счете из одинаковых простейших элементов реальности.

Благодаря тому, что субъект может произвольно управлять процессом мышления и творчески формировать содержание мыслей, он получает возможность зафиксировать в структуре комплексов антиощущений содержания этой мысли соответствие со структурой познаваемого предмета и при совпадении ее со структурой ощущений при чувственном восприятии этого предмета удостовериться в истинности этой мысли, несмотря на то, что ее отображательное содержание образующие элементы и элементы этим содержанием отображающегося предмета относятся к разным уровням сложности и могут составляться разными множествами и качествами элементов, хотя в глубинном первоисточнике своем и те и другие состоят из всеобщих начал и элементов реальности. Иначе, без так осмысленных материального и идеального, не удастся объяснить вопрос о том, как же объективный предмет познания, находящийся далеко вне субъекта, осознается субъектом в форме знания, не включающего (или, по крайней мере, не обязательно включающего) в себя именно ту материю, которая принадлежит этому предмету познания.

1) Гегель. Наука логики. М., 1970 г., т. 1, стр. 97.

ГЛАВА 2.

§ 1. Продолжение уяснения источника и возможностей произведения нового истинного знания неречевыми формами познания.

I

Поскольку представление не отделимо от того, чем составляется отображаемое содержание речевых форм (понятие, суждение, умозаключение и пр.), поскольку исходным и фундаментальным, базовым материалом для составления и формирования отображаемого содержания любой мысли (идеи) являются сознанию субъекта представляющиеся протяженности неразличных в себе и различающихся между собой антиощущений (по цвету, по звуку, по тону цвета или звука, по запаху, по вкусу и по всевозможным прочим вспоминающимся качествам чувствования) и границ-ничто между ними в местах взаиморазличения, то поэтому и логика, целью которой является познание того, что и как необходимо мыслить, чтоб наиболее глубоко, истинно и исчерпывающе познать предмет, должна начинать со всестороннего исследования сути, отображаемых свойств и возможностей того всеобщего и исходного, из чего составляется отображаемое содержание любого представления, и того, чем, к чему и как формируется та форма организации отображаемого содержания, которая наилучшим образом отображает предмет в соответствующем аспекте его познания. А символ-структуры есть средство (важное и хорошее, но не единственное) для облегчения извлечения из памяти и формирования отображаемого (смыслового) содержания и для всего того, что дают человеку и человечеству речевые формы познания (общение, взаимопонимание, взаимопроверка и взаимосогласование, взаимообучение, фиксация, хранение и передача потомкам достигнутых результатов познания и пр.); и необходимо избавиться от господствующего в наше время излишне преувеличенного представления о роли символических структур языка и, тем более, о роли его национальных особенностей.

Из всего предшествующего следует, что простейшим элементом любого содержания любого представления, любой мысли является протяженность неразличного в себе антиощущения и вместе с ним представляющаяся и мыслящаяся его граница отличия от протяженного иного антиощущения, через эту границу различения соприкасающегося с первым, —

граница мысленного различения антиощущений, не имеющая ничего антиощущающегося своего в себе, а потому и непротяженная (= мыслящееся идеальное ничто). Протяженности онтологически взаимоотноличающихся материальных нечего и идеальные границы-ничто между ними в реальном предмете познания и отображаются протяженностями мыслящихся антиощущений и границами-ничто между ними в местах мысленного взаиморазличения их. Именно этим образуются элементы знания, из которых составляется и формируется любое отображательное содержание любого знания любых наук; и именно это и оказывается пригодным для отображения (для познания) всего имеющегося и могущего быть в реальной действительности. Именно поэтому и в целях истинного познания и нужно соблюдать логическое правило: мы можем и должны мыслить только протяженное как-то антиощущающееся нечто, иначе антиощущающиеся протяженные нечего и ничто между ними; ничего больше мы не можем, не должны, да и не нужно мыслить, если хотим избежать ошибок. Кто ничего не антиощущает, тот ничего и не мыслит. Ведь получается, что самая общая самая важная и необходимая суть того, чем отображаются в представлении любые предметы познания, и того в любом предмете познания, что отображается в содержании представления о нем, одинакова: это чем-то заполненные протяженности и границы-ничто между ними в местах их взаимосаморазличения в предмете познания или в местах их различения субъектом в восприятии этого предмета или в представлении об этом предмете познания, т. е. нечего и ничто. Ведь если есть антиощущающаяся протяженность, то есть что-то эту протяженность образующее, наполняющее, следовательно это есть нечто. А если есть различение одного антиощущения от соприкасающегося с ним другого и если между ними никакой третьей антиощущающейся протяженности нет, то это значит, что между ними есть идеальное ничто, ничего в себе своего не имеющее. Понятно, что если ничто не считать за противоположность материальному нечему, то тогда вообще никакой иной противоположности материальному нечему нигде (ни в природе, ни в мыслях) нет; тогда мы скатываемся на позицию материализма с монистической логической формой объяснения начал и развития реальной действительности со всеми теми недостатками, необъяснимостями и неразрешимыми проблемами, о которых шла речь и будет еще идти.

Всеобщая и самая существенная для отображения суть фундаментального и глубинного в содержании реальности и в ее отображающем мыслящемся смысловом содержании одинакова и совершенно безразлична к природе элементов это содержание составляющего. А свойство одинаковости строения каких-либо совокупностей элементов, совершенно безразличное к природе этих элементов, есть изоморфизм. Значит мыслящееся смысловое содержание может быть изоморфно предмету познания. Этим и обеспечиваются неограниченные отображательные пригодности смыслового содержания представлений (как и понятий, суждений и прочих форм): для отображения материальной протяженности исходных элементов познающейся реалии в мышлении мы можем употребить протяженность антиощущения, а границы-ничто между материальными нечто предмета познания отображаются границами-ничто между различающимися антиощущениями. Потому-то люди и все живое и приспособляются столь совершенно к окружающей среде, что их представления самополучно оказываются пригодными к верному отображению ее. Именно поэтому и в целях истинного познания и нужно соблюдать логическое правило: мы можем и должны мыслить только протяженное как-то антиощущающееся нечто, иначе антиощущающиеся протяженные нечто и ничто между ними; ничего больше мы не можем, не должны, да и не нужно мыслить, если хотим избежать ошибок. Кто ничего не антиощущает, тот ничего и не мыслит.

Для достижения истинности познания только и остается соблюсти диалектико-материалистический принцип, согласно которому не предмет познания соотнобразуется с идеями, его отображающими, а идеи должны сообразоваться с предметом познания (должны творчески формироваться и сличаться с восприятиями предмета) — если, конечно, речь идет о познании предмета, а не о практическом преобразовании его с целью приведения его в соответствие с содержанием сформированного представления. И мыслительное внимание и обработку мыслящегося содержания, предназначенного для отображения, для познания предмета необходимо сосредотачивать на сфере смыслового содержания, без отрыва, без отвлечения от него. И осуществлять обработку его при умозрительном согласовании и прослеживании мышлением производящихся получаемостей из уясненных элементов мыслящегося содержания. А не так, как многие нынче не успев выяснить смысловую

базу, например, математики или теории систем, и ее эвристические возможности спешат строить формализованные теории, строящиеся именно на отвлечении от смыслов и на недоучете некоторых особенностей реальных связей между познающимися реалиями (конъюнкция, например, не учитывает наличия реальных связей между предметами). Взаиморасположениям, взаимосвязям и взаимопередвижениям элементов содержания, мыслящегося субъектом, должны изоморфно соответствовать взаиморасположения, зависимости и взаимопередвижения элементов реального предмета познания. Потому то и отображается и выражается одинаковыми формулами мера энтропии (мера хаоса структуры) элементов познающихся реалий и мера энтропии элементов их отображающего смыслового содержания, мера информации.

Кое-кем предпринимающиеся попытки создать новую всеохватывающую логико-понятийную систему путем сохранения смыслов понятий ныне использующейся старой СНОЗ, путем лишь совершенствования или и обновления знаков и формул формального оперирования символическими структурами к радикально прогрессотворному успеху не приведут. Нужно так радикально обновить смыслы и состав фундаментальных понятий (что и делается мною), чтобы они абсолютно истинно отображали собой весь состав и все взаимосвойства состава того глубинно-донного и всеобщего фундамента, на котором фундаментируется все в реальной действительности и вся реальная действительность, из чего все из глубины изначально состоит, начинается, развивается, чем все обуславливается и во что все в конце концов разлагается. И вот из такого нового смыслологического фундамента и следует выводить логически истинно все, что из него будет получаться. Вследствие и в результате этого и получается новая СНОЗ, исчерпывающе вглубь микромира и истинно объясняющая все имеющееся или возможное в реальной действительности, изложение чего в развитии и осуществляется текстом «Прологи...» И, главное, текстос «Логн новой СНОЗ».

Т. к. содержание любого представления, любой идеи, любой мысли, даже самое фантастическое и неправдоподобное, извлекается из памяти или творческим произволом формируется из простых (= неразличных в себе) извлекающихся тоже из памяти антиощущений, которые образовались в ней в результате многократных восприятий отображений внешнего по отношению к воспринимающему, и границ-ничто между

ними в местах взаиморазличия их. И если речь идет о представлении, все отображательное содержание которого извлечено из памяти без какой-либо обработки его мышлением, то структура-ничто его находится в той степени соответствия с отображающимся в ней предметом, которая обусловлена условиями в среде распространения отображений, наличным пределом чувственности воспринимающих их органов и соответствующей различающей способности органов восприятия. Последняя определяется тем минимумом различия между двумя объективными рядом находящимися или друг за другом следующими нечто, при котором они дают два каких-то различимо разных ощущения, а при уменьшении этого минимума они воспринимаются в одном смутно усредненном ощущении и разделяющее их ничто не обнаруживается. Органами чувств не все чувствуется и воспринимается; но то, что чувствуется хоть в какой-нибудь окраске или хоть в слабейшей чувствительности, имеет свою архитонику, имеет свои прерывности и переходы от одного к другому, которые обусловлены объективными составом, качеством и структурой элементов чувствуемого.

Мы можем себе сформировать и представить линию-ничто такой формы, которой еще никогда не принимали в восприятии. Но мы не смогли бы ее представить, если бы не воспринимали вообще и никогда хоть какой-нибудь линии-ничто, образующейся в результате прерывности, перехода одной протяженной и так ощущающейся материальной качественности в другую, рядом находящуюся или за первой следующую и иначе чем первая ощущающуюся; ибо в таком случае в массе того мозгового вещества, которое реализует собой процесс запоминания линии-ничто и представления ее сознанию субъекта, не могло бы образоваться идеальное ничто, разграничивающее собой одно множество элементов этого вещества, своеобразно взаимооструктуренного, от другого множества иначе чем первое взаимооструктуренного. «И то, что мы называем новыми мыслями, — писал Д. Пристли — представляет собой только новые комбинации старых простых идей или разложения сложных»¹⁾.

Нельзя ограничивать познавательные способности представления только извлечением из памяти воспринимавшегося

1) «Английские материалисты XVII в.», т. 3, М., 1968 г., стр. 135.

чувствами или, как у Платона, сводить их к припоминанию того, что бессмертная, де, душа уже видела, часто рождаясь и уже успевшая все увидеть и познать. Познание осуществляется не только припоминанием, но и путем преобразования извлеченного из памяти, путем творческого формирования всяких возможных идей. Может ли быть ложной идеальная линия как только ничто, прерывающее собой любое нечто, взятая сама по себе без учета той формы, которую она принимает, оканчивая собой неразличное в себе нечто? Может ли она быть источником заблуждений при формировании структурного содержания представления? Никак нет! Источник и причина ошибочности или ложности наших представлений берет свое начало не в и не из тех исходных элементов мысли (= антиощущения со своими границами в местах различения их от иных антиощущений), из которых единственно и возможно образование содержания любого представления. Как в познающей реальной действительности идеального ничто не может быть без нечего и оно есть только между хоть чем-нибудь взаиморазличающимися материальными нечем, так и в содержании отображающих ее мыслей идеальное ничто не может мыслиться без антиощущений и может мыслиться только между хоть чем-нибудь взаиморазличающимися антиощущениями; и поэтому это и следует считать за логическое правило. Но и в познающей реальной действительности и в отображающем ее содержании мысли конкретная форма идеального ничто может быть зафиксирована разными элементами и разными их множествами, чем и обуславливается возможность содержанием мысли истинно отобразить и то, что и никогда еще чувственно не воспринималось или что и вообще не может непосредственно чувственно восприниматься.

Следовательно, ошибочность или ложность содержания мысли зарождается и развивается в ходе образования мысленных элементов и формирования сложных структур представления из исходных элементов содержания идей или проявляется в результате изменения и развития реальности соотносимой к структуре представления извлеченной формы. Все дело в том, как и каким мы получаем из памяти и мышлением формируем содержание мысли и как и к каким предметам познания мы соотносим это мыслимое содержание для отображения их.

Но в таком случае может быть извлеченная форма представления и есть самая надежная и самая истинная, т. к. хо-

рошо сохранившуюся структуру опыта извлекают из памяти в готовом виде, а значит она больше всего и соответствует структуре образовавшего ее отображения предмета, принимавшегося восприятием?! И да, и нет! Если такое представление соотносить к тому же самому, что произвело в памяти извлеченную из нее структуру и вскоре после этого произведения, то такое представление будет в высокой степени истинным. Но тогда источником ложности структурного содержания таких представлений и источником заблуждений руководствующихся ими людей будет уже не содержание, хорошо сохранившееся и без искажений извлеченное в представление, а изменяющаяся действительность, изменение того предмета, к которому соотносится это представление, или изменение соотношения и позиции сопоставления. Т. К. исходное (из памяти извлеченное) содержание любого представления (мысли, идеи) составляется из вспоминающихся и актуально переживающихся антиощущений с границами-ничто между ними, отображательная пригодность которых всеобща и ничем не ограничена, то ошибки познания получаются или, во-первых, вследствие и в меру того, что мы формируем структуру смыслового содержания представлений из мыслящегося материала не так и не к таким результатам, как и к каким результатам изменяются и развиваются к ним соотносимые, в них отображающиеся, ими познающиеся реалии, или, во-вторых, вследствие и в меру того, что мы хорошо сохраняем структуру представления извлеченной формы и не изменяем ее так и к такой, как и к какой изменяется состав и структура элементов познающейся реалии.

Развитие познавательных способностей человека обусловилось и пошло не по линии упрочения памяти, а по линии оптимального для приспособления к изменяющейся и сохраняющейся среде сочетания меры прочности и забывчивости памяти, меры способности к достаточно неискаженным извлечениям из памяти и меры способности к творческому преобразованию мышлением извлекающегося из памяти содержания и формированию из него нового знания.

II

Об упрежденной и интегральной истинности знания.

Человеку не достаточно таких представлений, такого знания, содержание (структура антиощущений) которых

соответствует структуре ранее воспринимавшихся ощущений предмета или его отображений, т. к. и если этот предмет изменяется и развивается, а необходимо достигнуть упрежденного соответствия, чтобы структура представления о предмете соответствовала структуре будущих восприятий и ощущений этого предмета. Для практики важна такая истинность представления, если оно в руководствующемся им человеке соответствующим образом разворачивается из исходного состояния и. посредством сознания сличаясь с ощущениями текущих восприятий и используя для управления практикой, приводит его к превращению целевого содержания представления в восприятие с такой структурой ощущений, которая соответствует структуре антиощущений содержания этого представления. Т. е. если элементы структуры отображательного содержания этого представления в соответствующей последовательности в процессе практики наполняются ожидавшимися ощущениями и превращаются в восприятия ощущений с соответствующей взаимоструктурой. Следовательно, основным и решающим критерием истинности знания в форме представления об изменяющихся и развивающихся предметах является упрежденное соответствие структуры элементов его содержания, сформированного из прошлого опыта, соответствующему фрагменту и состоянию структуры элементов этого предмета, в интересующих человека будущих его состояниях.

В процессе формирования сложного содержания представления из извлекающегося из памяти вспоминаятельно-отображательного материала человек вносит субъективные изменения тем, что мышлением соответственно обрабатывает этот материал и формирует новые, иные структуры, и тем, что произвольно предопределяет выбор того, как и к какому предмету познания соотносить и сличать с ним такое содержание этого представления. Следует отметить, как это понятно из сути антиощущений и границ между ними, что одинаковая форма структуры-ничто содержания представления может быть составлена и различными комплектами антиощущений. Например, линию-ничто можно сформировать и как границу между антиощущениями белого и черного, и как границу между антиощущениями зеленого и красного, и как границу между антиощущениями твердого и мягкого, или холодного и теплого и пр. Поэтому и замена наполнения протяженности такой-то антиощущаемости на иную такую антиощущаемости (неумышленная или умышленная) может и не повлиять на

сохранение формы структуры-ничто отображательного содержания представления. От того, что ожидаемая больным сладость меда при восприятии его оказалась горечью, границы различения этой горечи и ее интенсивности не перестают соответствовать границам расположения этого воспринимающегося на вкус меда. Это отмечал и Гельвеций: «Большая или меньшая тонкость чувств нисколько не влияет на правильность суждения ума, раз люди всегда воспринимают одинаковые отношения между предметами, какие бы ощущения от этих предметов они ни получали»¹⁾. И далее он справедливо пишет, что неравенство умственных способностей зависит от иных причин, а не от неравенства в совершенстве чувств, как и не от неравенства памяти. Форма структуры-ничто тех уровней сложности, которая в процессе восприятия соответствующих реальных выявляется чувственностью и различающей способностью органов восприятия и которая имела соотносившуюся ей структуру знания, дает разуму опору для сопоставления и сличения содержания мысли с тем предметом, для отображения которого оно (содержание) предназначается, для установления истинности этого содержания мысли и для закрепления его в памяти.

Истинность представления извлеченной формы сохраняется если воспринимавшееся не изменилось, или если вспомненное применяется для сличения хотя и с другим предметом, но подобным, повторяющим в своем развитии то, что уже воспринималось субъектом ранее от иного предмета. А для достижения истинного знания об изменяющемся и развивающемся предмете необходимо не только соответствие либо исходного, либо конечного, либо промежуточного результата знания и структуры его развития, но и соответствие процесса изменения, соответствие развития этого знания с процессом изменения и развития предмета. И мышление станет предельно эвристичным, легким и естественным, если оно будет проводиться так, чтоб производилось из исходных мысленных элементов такое развивающееся знание, какими есть на самом деле предметы познания и как протекает процесс саморазвития и самоизменения их из их составляющих элементов. Но для этого необходимо мышлению индивидов развиваться до овладения приемами и формами такого разумного (а не только рассудочного) мышления, которое оказывается способным не только само развиваться и давать все новое и новое зна-

1). «Антология мировой философии», М., 1970 г., т. 2, стр. 627.

ние для руководства по достижению соответствующих восприятий, но которое оказывается способным произвести знание, развивающееся в мышлении так, как развивается ему соответствующий предмет реальности, — способным произвести такое знание, развитие которого из соответствующих, произволом субъекта выбранных исходных состояний могло бы мысленно проводиться и просматриваться до интересующих человека будущих состояний, в ходе чего он сможет выявлять возможности для ускорения и видоизменения развития в реальности желательного и для предотвращения или замедления развития в ней нежелательного.

Итак, совершенное или разумное (а не только рассудочное) истинное знание изменяющегося или развивающегося предмета образуется интегралом мгновенных состояний процесса развития знания из исходного до упрежденного состояния; а интегральная истинность знания есть истинность развития этого знания из исходного состояния через все мгновенные промежуточные состояния до упрежденного состояния, — истинность по отношению к предмету познания во всех (или в основных) промежуточных состояниях его изменения или развития; и достигается такое знание в разуме индивида истинным изменением или развитием, выведением мыслимого им содержания, формирующегося или выводящегося из исходных элементов опыта или из начал бытия и наименьших элементов сущего. Индукция и дедукция в традиционном понимании совершенно не пригодны для производства такого знания. Они являются формами рассудочного мышления и оперируют со знанием, снимающимся из узких интервалов процесса изменения и развития предмета познания и, как бы здесь выразить, выявляют общее во множестве мгновенных «снимков» единичных предметов, фиксируют это общее, связывают с символ-структурами. И в результате оказывается, что такое знание представляет собой как бы срезы предмета познания, поперечные направлению процесса его развития, представляет собой дифференциальные полоски приращения, рассматриваемые не интегрально, а в качестве самостоятельных единичных фрагментов для выявления среди их множества общего и для дедуктивного применения индукцией выявленного общего к единичному.

И развитие предмета пытаются познать складыванием эмпирически полученных и в опыте зафиксированных приращений; но получают, в лучшем случае, внешнюю картину раз-

виптя, без познання тих імманентних сутностей і глибоких елементно-структурних і причинно-слідствених механізмів, які спричиняють і обумовлюють розгортання розвитку предмета із зародження до смерті, взаємозв'язь і переходи одного припущення в друге і механізм, забезпечуючий предопределенность последующих состояний предшествующими і всіх такостей розвитку. Необходими істинні начала мислимого, нові форми мислення і форми організації мислимого, виробляючі істинне розвиток істинного знання.

III

Де «живе» істина? Де вона знаходиться, розміщується? Де її шукати? Так як вона висвітлює все приховане лжі і заблуджень, то ложьядная реакція і її лакеї, лицеміри істині, до пота мозгов своїх трудилися і продовжують трудитися, ізоцряясь, щоб збити з верного шляху допитуючих про неї і шукуючих її. А між тим, як це вже уяснялось, в дійсність істини така, що кожен живої і мислячий людина містить свою частину її в собі. Людина є житище і храм тієї частини істини, яку він досяг, яку він розвив в собі і якою в ньому «живе» і якою він живе! В дійсність для існування істини необхідні: зміст актуально мислимої ідеї, мислячий цю ідею організм і цим організмом пізнаючийся (його ідеями відображаючийся); т. є. необхідно встановлення наявності відповідності між відображаючою і відображаєть структурою, а для цього необхідно затримання відчуженого відображення і розглядання його в структурі змісту думки при одночасному співставленні і порівнянні з іншою структурою, що може здійснитися через свідомість і в результаті процесів представлення, мислення і сприйняття, в відповідній мірі підвласних свідомості і волі цього організму (суб'єкта).

Істина і ложь суть атрибути не мови, як це стверджує Томас Гоббс: «Там, де немає мови, немає ні істини, ні лжі»,¹⁾ а атрибути того смислового змісту ідей, які мисляться і виражаються мовою, — ідей, взятих не самих по собі, а в відношенні до ним відображаєму, до посередства їх пізнаєму, відповідно, взятих мислячим їх суб'єк-

1). «Антологія світової філософії». М., 1970 г., т. 2, стр. 322.

том в аспекте сопоставления, сличения и выявления наличия соответствия с познающей реальней. Фейербах в этом вопросе впадает в свою односторонность: «Истинно и божественно только то, — пишет он, — что не требует никаких доказательств, что достоверно непосредственно, через само себя: говорит само за себя, непосредственно влечет за собой утверждение, что оно существует действительно-определенное, простое, ясное, как солнце. Но ясно, как солнце, только чувственное; только там, где начинается чувственность, кончается всякое сомнение, прекращается всякий спор. Тайна непосредственного знания — это чувственность».²⁾ Но то, что не требует никаких доказательств, что говорит само за себя, не нуждается и в предикатах истинности или ложности, т. к. последние проявляются лишь при сравнении чего-то одного с чем-то другим. Чувственные данные не есть знание, а дают исходный материал для его образования и формирования и служат критерием его истинности. И то, что производит собой отображение в отображающем, делает это потому, что оно тверже и устойчивее в структуре своих элементов. А знание ведь фиксируется той структурой мысленных элементов, которая в зависимости от произвола мыслительных усилий может быть такой, либо иной, может соотноситься к тому или к другому познаваемому. Поэтому не структура познаваемого, а структура знания и выявляется как в какой-то мере истинная или ложная. Мыслимые элементы знания (= протяженные антиощущения с границами-ничто), принуждаемые мышлением удерживать такую-то структуру образуемого ими содержания представления, должны рассматриваться, если это мышление преследует цель своим результатом истинно что-то познать, не сами по себе, а в соотносительности к познаваемому и в выявлении наличности соответствия с ним, без чего нет никакой необходимости мыслителю насильно удерживать мыслимые элементы в какой-то структуре и никакое познание в таком случае не осуществляется.

Реально испытывающийся, психически переживающийся феномен ощущения без мышления не может быть ложным, но оно (ощущение) может быть или вредным или полезным для организма, что не совпадает с приятностью и неприятностью его чувственно окрашенной такости. И мнение о том, что вся-

2). Л. Фейербах. Соч., М., 1923 г., т. 1, стр. 124.

кое приятное всегда и в любой мере полезно, является ошибочным или ложным. Идти на поводу у похоти к приятным ощущениям, как известно, еще далеко не разумный путь и во многих отношениях для человека является вредотворным и порочным.

Иммануил Кант допускает определение истины как соответствия знания с его предметом, но путается и запутывает других, решая вопрос о критерии истинности для всякого знания. «Если истина — в соответствии познания с его предметом, — рассуждает Кант, — то тем самым следует отличать этот предмет от других предметов; в самом деле, знание заключает в себе ложь, если оно не находится в соответствии с тем предметом, к которому оно относится, хотя бы и содержало нечто такое, что могло быть правильным в отношении других предметов».¹⁾ А различение одного предмета от другого, одного содержания знания от другого и выявление наличия или отсутствия соответствия между знанием и предметом как раз и возможно благодаря структуре-ничто, без которой невозможно ни установление истинности знания, ни познание, ни различение, ни существование как познающего, так и познаваемого. Но истинность всегда конкретна, т. е. это знание, будучи истинным по отношению к другим предметам, может быть ложным по отношению к этому предмету. А Кант, неправильно ставя вопрос о всеобщем критерии истины, «который был бы правилен в отношении всех знаний, безразлично, каковы их предметы»,²⁾ и показывая, что в этом случае мы отвлекаемся от всякого содержания знания, делает вывод, что требовать всеобщего признака истинности знания нельзя. Поэтому он полностью отбрасывает критерий фактической истинности знания и обращается лишь к логической истинности: «Итак, один лишь логический критерий истины, а именно соответствие знания с всеобщими и формальными законами рассудка и разума, есть, правда, неперемненное условие, стало быть, негативное условие всякой истины, но дальше этого логика не может идти, и никаким критерием она не в состоянии обнаружить заблуждение, касающееся не формы, а содержания»³⁾. Т. е. Кант (да и нынешние логики) отрывает логику от субъекта, от того реального органа и процесса мы-

1). И. Кант. Соч., М., 1964 г., т. 3, стр. 159.

2). Там же, стр. 159.

3). Там же, стр. 160.

шления, которыми она реализуется, от тех реальных условий, из которых и в которых она зарождается и протекает; он рассматривает логику вообще, как чистое мышление, которое не сопровождается, которому не предшествовало и не соотносится что-нибудь чувственно воспринимающееся, что не соответствует реальной действительности и процессам познания в ней. И естественно, что тогда у логики нет никакого критерия истины, кроме соответствия процесса вывода последующего из предшествующего с произвольно принятыми правилами или законами этого вывода.

Естественная обусловленность последующего состояния чего-то предшествующими состояниями его элементов и элементов среды должна быть основой для следования нового состояния смысловых элементов знания из предшествующего и, следовательно, для логического вывода процесса развития знания. Содержание мыслимого внутри мышления, исходные состав и смыслы элементов смыслового содержания, диалектика, логика, которую мышление придает структуре элементов мыслящегося им смыслового содержания должны так двигать развитие этого содержания вперед под влиянием правильных усилий разума, чтобы сам ход этого развития, исходное и упрежденное состояние и весь его результат были истинными. Лишь такое и так развивающееся знание является надежно достоверным; и если человек мысленно проделает в своем мышлении такое развитие знания о его интересующем предмете, начиная с несомненно истинных начал и их состояния и проведя его развитие (развитие его смыслового содержания, а не только символического) до интересующих состояний, то этим он и приобретает полное понимание предмета познания, убежденность, уверенность и субъективный источник свободы.

Обусловленность, следование и логическое выведение не должны смешиваться с истинностью. Верно, что «Превращать опосредствование в божественную необходимость и важнейший признак истинности — это схоластика»¹⁾, к чему и прибегает Гегель, (без чего идеалистический монизм впадает в противоречие), чтоб уклониться от той противоречивости, в которую впадает его монистическая система идеализма вследствие отождествления мышления и бытия, вследствие попытки

1). И. Кант. Соч., М., 1964 г., т. 3, стр. 160.

выведения познающего и познаваемого из идеи, из знания, вместо того, чтоб уяснить сущность знания и истинно развивать его, сопоставляя, сличая и присообразовывая его с познаваемым.

Гегель прав в своей критике взгляда, «согласно которому истина покоится на чувственной реальности, мысли суть только мысли в том смысле, что лишь чувственное восприятие сообщает им содержательность и реальность, а разум, поскольку он остается сам по себе, порождает лишь химеры. В этом отречении разума от самого себя утрачивается понятие истины, разум ограничивают познанием только субъективной истины, только явления, только чего-то такого, чему не соответствует природа самой вещи; знание низведено до уровня мнения».¹⁾ Но без того реального, по мере соответствия с чем выявляется истинность или ложность знания, и в отречении разума от иного себя, от того, что им разумеется и что познается так разумеющимся, утрачивается понятие истины и всякое мнение возводится до уровня знания, тождественного и истинного познаваемому. Не «в размышлении обнаруживается истинная природа вещей...»²⁾, а восприятия природы вещей дают возможность образоваться размышлению и установить истинность или ложность его результатов. И не «истинная природа есть порождение моего духа...»³⁾, а порожденные свободой моего духа и во мне пребывающие идеи становятся истинными лишь при наличии соответствия с такой природой, какова она есть.

Из той противоречивости, в которую впадает гегелевская система из-за своего идеалистического монизма, Гегель пытается вывернуться при помощи такой хитрости: «противоречие как раз и есть возвышение разума над ограниченностью рассудка и ее устранение»⁴⁾. Вместо того, чтобы из элементов исходного чувственного опыта развивать знание рассудком и разумом и довести это развитие до того, чтобы то, что для одних только рассудочных форм познания оказывается противоречием, получить логически непротиворечивым (правильным) следствием развития знания рассудочными и разумными формами мышления, Гегель наводит разлад между разумом и рассудком, толком не уяснив их суть, возможности, взаимо-

1). Гегель. «Наука Логики», М., 1970 г., т. 1, стр. 98.

2). Гегель. Соч., 1929 г., т. 1, стр. 51.

3). Там же, стр. 51.

4). Гегель. «Наука Логики», М., 1970 г., т. 1, стр. 99.

действие и границы. А как выпутывается гегелевский разум из противоречий рассудка, мы уже знаем: расщеплением одной монистической сущности чистого разума (как царство истины в себе и для себя самой) на кажущиеся противоположности для самосозерцания истиной себя самой и получения ею убежденности в том, что она в себе и для себя — правду истинная, и для того, чтобы дать Гегелю возможность как-то объяснять на самом деле диалектически противоречивую и немонистическую реальность. Но и простой человек не поверит в такую логику, согласно которой А есть и не есть. Конечно, Гегель прав, критикуя противоположное мнение, «будто истина есть нечто осязаемое», т. е. осязаемое является собой критерий истинности мыслимой идеи, является собой одно из слагаемых процесса, реализующего собой проявление истины.

Крайние односторонности в теории познания столь же реакционны, как и в тактике политической борьбы, где реакционность практического использования этого на сегодня больше разоблачена, чем в теории познания. Прогрессивные силы Португалии, например, сразу разоблачили маневр реакции, которая, учув закреплению прогрессивных сил у власти с 25 апреля 1974 года, обратилась к такому средству борьбы, как самопревращение в свою противоположность: провоцирование анархических беспорядков и забастовок под прикрытием крайне левых и архиреволюционных лозунгов. А в философии подобные штуки до сих пор морочат головы. Но ложь и все замыслы злые, любыми авторитетами измышленные, веками освященные и в твердь превращенные, талантливая истина ниспровергала и ниспровергнет. Прогресс истины и развития человечества един и neodолим, он разрушает и преодолевает все препятствия на своем пути. Человеческой истиной управляется движение человечества к прогрессу, а человеческая истина прогрессивно развивается человечеством, раскрывается, познается и устанавливается людьми. Замечательны слова Н. Г. Чернышевского: «Как бы медленно ни распространялась между людьми убежденность в истинах от нынешней малой приготовленности людей любить истину, т. е. ценить пользу ее и сознавать непременную вредность всякой лжи, истина все-таки распространяется между людьми, потому что, как ни думай они о ней, как ни бойся они ее, как ни любя они ложь, все-таки истина соответствует их надобностям, а ложь оказывается неудовлетворительной: что нужно для людей, то

будет принято людьми, как бы ни ошибались они от принятия того, что налагается на них необходимостью вещей... От надобности не уйдешь, не отвратишься. Так не уйдет человек и от истины, потому что по нынешнему положению человеческих дел оказывается с каждым годом все сильнейшая и неотступнейшая надобность в ней».¹⁾ Если старая философия говорила: только разумное истинно и действительно, а Фейербах говорил, что «будущая философия, напротив, заявляет: истинно и действительно только человеческое, ибо человеческое — разумно; человек — мера разума»²⁾, то на самом деле сегодня следует заявить, что только истинное разум должен разуметь и руководствоваться им в человеческой практике для превращения истинно человеческого, благопрогрессотворного и возможного в действительность. Человек является колыбелью и обиталищем, условиями и носителем, средством и целью существования разума человеческого и им постигающейся истины, — является измерителем истинности того, что разумом его разумеется и правит им и ему подвластным к наиболее прогрессотворнейшим и посему святым, божественным последствиям. А кто не любит наиболее истинное и наиболее прогрессотворнейшее, тот чаще обманывается и заблуждается, а следовательно, и терпит неудачи, крается.

IV

В статье «Диалектика определения и структура истины» Г. А. Курсанов (см. ж. «Вопросы философии», № 11, 1974 г.), выступая от имени диалектического материализма, определяет истину как «процесс отражения и одновременно как процесс создания научной картины мира» (стр. 115), как «активно-творческое отражение человеком объективного, материального мира; непрерывный процесс создания и развития научной картины мира; противоречивая сущность процесса познания и раскрытия истины; общественно-историческая практика как основа процесса создания научной картины мира и решающий критерий истины» (стр. 118). В этом определении, как видите, вопрос о различии предмета познания и отображающих его идей и о наличии, о характере и мере соответствия между ними как необходимого условия наличия и критерия меры ис-

1) Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 7, М., 1950 г., стр. 295.

2) Л. Фейербах. Соч., М., 1923 г., т. 1, стр. 134.

истинности идей вовсе не выясняется и в определение не включается, от чего реальная действительность легко сводится к миру мыслей. Что же это получается. монистический материализм или монистический идеализм? В результате такого толкования истины логическая непротиворечивость отождествляется с истинностью, феномен фактической истинности устранивается вообще, а критерий истинности идей или теряется или сводится к концепции прагматизма, применяющейся для руководства не человеческим индивидом, а обезличенной общественно-исторической практикой. Понятия идеи и истины смешиваются и запутываются, а истинность получается что дышло — куда повернул, туда и вышло. Это же рецидив философии прагматизма, императивом которой является мистицизм действия, для которой нет ни истинности ни заблуждения, а есть просто успех деятельности; полезное и успех деятельности определяют обладание истиной, истинно все, что удастся. Истоки этой философии мы находим в послеаристотелевской философии, у Беркли, Штирнера и Ницше (интеллигентные анархисты) опираются на те же предпосылки: истинное является таковым потому, что достигнут успех. Куда, во что переходит, конвергирует философия материализма, уже обремененная пагубной монистической логической формой выведения объяснений развития всего из монистического первоначала если внедрить в нее еще и такое толкование истинности, да если к этому добавить еще и то, что практика есть критерий истинности (не соответствие с предметом познания, а практика, в том числе и практика обмана и лжи, что получило уже довольно широкое употребление)?

Для истинизма, наивысшей целью которого является истинность знания и прогресс познания, существенно признание различия мыслей и тех реалий, которые в них отображаются; т. к. и на самом деле есть структуры элементов развивающихся предметов познания и есть структуры смысловых элементов тех представлений, мыслей, которыми отображаются, познаются эти предметы познания: истинность этих представлений или идей определяется наличием соответствия с предметом познания, мерой и характером (глубиной, полнотой, точностью) этого соответствия, мерой приближения к максимально возможной исчерпанности и окончальности познания, отображения. И практика достигает успеха там, настолько и потому, что она руководствуется истинными и благопрогрессотворными знаниями.

Истина всегда конкретна, во-первых, тем, что вне конкретной реальной системы, реализующей своим существованием процесс мышления и познания, она не существует, во-вторых, тем, что она имеется лишь как соответствие между каким-то конкретным содержанием одноэкземплярно мыслимого знания и каким-то конкретным предметом, каких в реальности может быть и множество. И как таковая она в реальности в том смысле не одна, что она проявляется всегда и повсюду, когда и где устанавливается реализующий ее процесс познания; но она одна тем соответствием, которое устанавливается, выявляется и поддерживается между знанием и познаваемым, т. е. двух разных соответствий одного и того же с одним и тем же в одно и то же время и в одних и тех же отношении, позиции и условиях быть не может. Именно то, что наибольшая степень наисовершеннейшей истинности представления одна, и является всемогущим оружием, способным разрушить и разоблачить замыслы лжецов, ниспровергнуть веками освященные твердыни ложных и менее истинных предрассудков, невзирая на то, кем они установлены: авторитетами или народами, — оружием, способным объединить правду ищущих в единство и вести их по путям прогрессивно направленного развития подобно тому, как воды ручьев и рек устремляясь в наинизшие места находят дорогу к озерам, морям и океанам, — вести нас в тот мир, который нами будет создан, как наиболее прогрессотворнейший и который как-то люди назовут. Ложьядные хватаются за то, что истина есть текучий процесс, и, доводя его до крайности, обосновывают крайний релятивизм, агностицизм или субъективный волюнтаризм и прочие реакционные измы. Все течет, де, и нет никакой возможности установить соответствие, а посему ложь и истина — одно и то же, что и требуется для тех, кому выгодно подменить истину ложью. Искажают смысл истинности те, чьи интересы и цели противоречат интересам и целям обманываемых ими этим.

И вот пример путаницы, получающейся от того, что истинность рассматривают не конкретно, не как такое-то конкретное соответствие такого-то конкретного смыслового содержания представления такого-то конкретного субъекта по содержанию представления такого-то конкретного субъекта по отношению к такому-то предмету: Говорят, что падение одного и того же тела в вагоне движущегося поезда наблюдается одним человеком, находящимся в этом вагоне, и другим челове-

ком, находящимся у полотна железной дороги; траектория полета этого тела у каждого из них будет разная. Затем спрашивают: какая из этих траекторий будет истинной? и путаются и других путают в связи с этим! Но истинность какого представления и находящегося у какого наблюдателя и по отношению к какой восприятию данной траектории? Достаточно поставить этот вопрос и становится ясно, что это легко объясняется. Пример логической ошибки, вызывающейся несоблюдением принципа конкретности истины, раскрывает Феликс Кузнецов: «... Будьте добрыми... Добрыми — к кому? К подлецам, стяжателям, бесчестным приспособленцам и карьеристам? К хулиганам, насильникам, убийцам? Достаточно так поставить вопрос, чтоб стала ясной вся наивность, все... равнодушие подобной якобы гуманистической, «общечеловеческой», а на самом деле — «общехолопской» точки зрения»¹⁾.

Истина реализуется подвижным и текущим процессом мышления, результаты которого могут быть застывшими и неизменными, но могут быть и изменяющимися, текущими и развивающимися так или не так, как изменяется, течет и развивается познаваемое. И задача познания, стремящегося к истинным результатам, состоит в том, чтобы добиться соответствия знания не только с какими-то мгновенными или этапными состояниями результатов развития предмета познания, но и соответствия всех элементов и структуры исходного знания, процесса мысленного развития его и всех состояний в ходе этого развития с исходным элементарно-структурным составом и состоянием предмета, с его развитием и с любым его последующим состоянием. А в понимании необходимого хода событий, возможностей и последствий форм жизнедеятельности и образа жизни, в видении возможностей, пригодностей и предназначений себя с наилучшими последствиями, в видении возможностей и путей исторически необходимого и благопрорессивно направленного развития и совершенствования общества и человека, в способности рассеивать потемки и от пустых сует освобождаться, в способности находить, выбирать, приобретать или вырабатывать знание, освещающее пути избегания заблуждений и опасений по незнанию — находится источник душевного блаженства, безмятежности и общего благополучия.

1). Ф. Ф. Кузнецов. «Переключка эпох». М., 1976 г., стр. 179.

§ 2. Об ограниченностях восприятия и возможностях их преодоления мышлением.

I

Какие же еще не использующиеся возможности получения истинного знания таит в себе мышление? И что его ведет к заблуждениям и к трудностям? Что ограничивает наше познание и можно ли каким-то образом благопрогрессоотворно преодолеть это? Так как истинность представления устанавливается в конце концов через восприятие, а восприятиями же образуется в памяти и тот исходный структурный материал опыта, из которого формируется его содержание, то следует еще уяснить то ограничивающее и сдерживающее возможности познания мышлением, которое происходит или зависит от восприятия, которое накладывается восприятием, а затем уяснять возможности их преодоления в мышлении и познавательные возможности самого мышления.

Первая ограниченность состоит в том, что в восприятии отражается лишь доступный чувствительности некоторый фрагмент структуры элементов внешней поверхности объекта, лишь то проявление внешнего слоя составляющих его элементов, которым он сам или отображением, сходящим от него и принимающимся в восприятии, производит ощущение или соответствующий комплекс ощущений. Внутренний элементарный состав объекта, свойства этих элементов и внутренняя часть объединяющей их структуры не доступны восприятию без разрушения целостности этого объекта и без деления его на части и элементы. А при разрушении этого объекта в целях восприятия его нутра исчезают некоторые те свойства и качества, которые являются результатом объединения и взаимодействия в такой структуре всех элементов этого целостного объекта и которые вызывают собой соответствующие ощущения и архитонику восприятия.

Иначе говоря, в восприятии дано явление, результативное проявление целостных объектов или структуры множества элементов реальности, а не внутренняя элементарно-структурная сущность и не свойства индивидуальных элементов тех глубинных уровней сложности, которые составляют восприятием исследующую сложную целостность или множество и которые из-за малости своей не вызывают чувствительности и восприятием не обнаруживаются, не замечаются. Именно явление предмета — результат проявления его элементарно-структурного состава и организации — непосредственным воздействи-

ем на органы чувств или произведенным отображением внешнего слоя своих элементов вызывает в этих органах соответствующие ощущения и различием такостей и границ такостей ощущений выявляемые архитоники восприятия. Поэтому в восприятии даны эмерджентные результаты проявлений целостных структурно-элементных объектов лишь на чувствующих уровнях сложности, а не те микроэлементы и микроструктуры между ними, которые именно и составляют собой глубинные и существенные причинно-следственные механизмы всего того, что совершается на чувствами замечающихся уровнях сложности. И поэтому и в этом смысле и можно сказать, что в восприятии даны поверхностно-итоговые явления, а не глубинная сущность являющегося или так в нашей чувственности проявляющегося. Но чтобы познать и объяснить то, что мы видим, необходимо познать и объяснить то, чего мы не можем непосредственным восприятием видеть.

Но явление не противоречит сущности, а есть внешнее результативное проявление элементарно-структурной и причинно-следственной сущности. Поэтому и в мышлении чувственно замечающееся явление должно быть получено результатом уяснения того внутреннего элементарно-структурного и причинно-следственного содержания, которое производит это явление как внешний результат проявления его образующей глубинной сущности. Чувствами замечающееся явление должно быть познано и объяснено выведением его в качестве следствия из истинно познанной сущности всего того глубинного и чувствами не замечающегося, что составляет и производит это явление. А не наоборот, как это делала логика познания в прошлом и как продолжает еще делать и современная логика познания, что обусловлено неизбежностью и исторической необходимостью для мышления начинать познание от ближайших к органам восприятия уровней сложности, а затем уж продвигаться вглубь. А так как в памяти фиксируются лишь восприятием пришедшие структуры, то при формировании представления сначала приходится иметь дело лишь с этими структурами. Эта ограниченность восприятия преодолевается, с одной стороны, активностью, движением и действием субъекта, производящего разрушения, дробления восприятием познаваемого объекта на соответствующие части и элементы, в результате чего органы субъекта проникают глубже внутрь объекта и получают восприятия меньших фрагментов внутренней структуры и свойств элементов, чем и образуются в памя-

ти более дробные структуры. И тогда содержание представления о таких объектах в процессе формирования может включать в себя не только внешнюю структуру, но и фрагменты внутренней структуры, и особенности частей и элементов в соответствующей взаимосвязи их — не только внешнее явление, но, частично, и внутреннюю сущность.

С другой стороны, эта ограниченность восприятия преодолевается тем, что мышление позволяет реконструировать структуру мыслимого содержания, заменять отдельные структурные фрагменты смысловых элементов другими, недостающие заполнять в воображении составленными, придавать различные формы, размеры и состояния смысловым элементам и структуре смыслового содержания мысли (мысленно вызывать, продливать, останавливать, прекращать, начинать и повторять антиощущение, приводить его в перемещение по отношению к другим антиощущениям, произвольно разъединять и соединять, уменьшать и увеличивать, менять форму, размер, объем, изменять позиции сопоставления и сличения смыслового содержания мысли с ими познающимся предметом, пересоотносить их на большие или меньшие объекты, изменять размеры мыслимого в поле мышления, умножать, уединять и пр., произвольно дробить, разрывать и сочетать), используя при этом любые запечатленные в памяти структурные элементы и фрагменты, образованные в ней в результате расформирования восприятий любых объектов и составляя из антиощущений в представлении модель как особую форму организации знания.

Итак, для окончательного познания глубинной сущности чувствами замечающихся (видимых) предметов и видимого в них необходимо познать и объяснить выведением из невидимого, но мышлением истинно познанного глубинного, начиная из всеобщих начал и исходных элементов сущего реальности.

II

Вторая ограниченность восприятия, как источника структурного материала для мышления и как средства проверки сформированного представления, состоит в том, что мы не можем воспринять прошлое и будущее в теперь. Структуру отображения, произведенную кем-то или чем-то в прошлом, мы можем воспринять с комплексом ощущений, наполняющих архитектуру этого восприятия, лишь теперь. Поэтому со-

ставить представление о развитии чего-нибудь мы можем в результате формирования такой движущейся, изменяющейся и развивающейся смысловой структуры представления, которая или является так упорядоченным множеством извлеченных из памяти смысловых структурных фрагментов, как это и фиксировал орган памяти результаты восприятий соответствующих этапов развития восприятием познававшегося фрагмента реальности, или которая является такой творческой конструкцией мышления, кое-где или кое в чем совпадающая своими элементарно-структурными состояниями с состояниями структуры элементов воспринимавшегося, в которой восполняются недостающие процессы структурных изменений и переходов в промежутках между воспринимавшимися состояниями и восполняются творчески сформированными представлениями о промежуточных и более глубоких структурных процессах развития, не наблюдавшихся в восприятиях. А провести сформированное в представлении знание мы можем сопоставлением и установлением соответствия со структурой этого предмета, данного нам в восприятии лишь теперь и данного как восприятие лишь его явления, как восприятие лишь проявления какого-то его структурного фрагмента, внешнего и поверхностного по отношению к глубинному и к сущности этого предмета и по отношению к органу восприятия.

Но многие объекты познания имеют такое время своего существования и развития, которое несоизмеримо с познающим субъектом. Например, Планеты, звезды, галактики. Кроме того, для обеспечения истинности развития или вывода знания из эмпирических данных необходимо иметь истинное знание элементов, составляющих собой исходное состояние развивающегося предмета познания, истинное знание о способностях и возможностях их поведения в разных условиях, истинное знание об условиях развития этого предмета познания и истинное знание самого процесса развития, т. е. данные восприятий хотя в своем исходном состоянии и истинные (конские следы могут быть совершенно точно определены именно как конские следы), но направление включения их в процесс мысленного вывода следствий уже связано с произволом субъекта и зависит или от его желаний и намерений, или от предшествующего опыта, от индивидуальных особенностей, от характера чувственных ассоциаций и текущих состояний его тела (заметив конские следы, солдат будет делать предположение о всаднике и формировать соответствующие

представления, а крестьянин — о плуге и пахоте). Преодолеть эти трудности можно, научившись мышлением производить истинно развивающееся знание из истинных или возможных исходных содержаний к истинным или возможным результатам. И в этом случае мы также приходим к необходимости уяснения эвристической и практической роли мысленной модели, как особой формы организации и развития знания в представлении из истинных исходных начал, отображающей механизм, обеспечивающий существование, развитие и смену последовательных состояний выделенной для познания реальной системы, что будет рассмотрено далее.

Для достижения успешного познания развития развивающегося предмета необходимо взять истинную структуру всех тех истинных смысловых элементов исходного содержания представления, которыми истинно отображается исходное состояние структуры исходных элементов этого предмета, и потом вести прослеживание мысленного развития логически правильных получаемостей из этого исходного содержания к тем его последственным состояниям, которые в результате сличения с теми состояниями предмета, познание развития до которых нас интересует, оказываются истинными, а не подменять вопрос познания развития предмета вопросом познания развития истории познания этого предмета.

III

Ранее мы уяснили, что система низшего уровня сложности не может отображать в себе целостную структуру системы высшего уровня сложности. И поэтому третья влияющая на мышление ограниченность восприятия состоит в том, что оно чувственностью не выявляет структуры систем и тел тех высших уровней сложности, по отношению к которым соответствующий орган восприятия или человек в целом является лишь элементом или системой низшего уровня сложности. До тех пор, пока человек есть элемент солнечной системы, он не сможет получить в восприятии картину вращения Земли вокруг Солнца, а вынужден будет довольствоваться знанием солнечной системы в форме представления с такой структурой смысловых элементов его содержания (Солнце, Земля, другие планеты и пр.), формирование которой началось и осуществилось в основном в мышлении гениального Коперника и получило обобществление и дальнейшее развитие от других мыслителей.

Особые гносеологические проблемы возникают в случае обращения к познанию общественных систем, элементом которых является их познающий субъект, вследствие гносеологической ситуации, которую можно выразить так: вижу человека, но не вижу общественной системы или человечества; Когда человек находится в лесу, то он видит деревья и кусты, но не видит леса. Для того, чтобы безошибочно находить и создавать наилучшие из возможных прогрессотворные структуры общественных систем, необходимо прежде познать (исчерпывающе и истинно) все то, из чего общество состоит, и человека особенно, — познать то: что же, как и к чему должно и может развиваться в человеке, чтоб в результате получился его благопрогресс; как предотвратить совлечение человеческого развития на пути нечеловеческие (совлечение, обусловленное исходящим и из индивида и от общества); как исключить вредные для благопрогресса человека и человечества зависимости людей от ими же произведенного и производящегося в природе и в общественной системе. Необходимо интегральное и во всех отношениях исчерпывающее и истинное познание человека, сущности его развития и руководства развитием. Ведь общество может вовлекать человека, да и сам он может вовлекаться, в развитие по такому направлению, которое может оказаться или полезным или вредным для дальнейшего развития у человека истинно человеческого, что отчасти обуславливается характером структуры общественных отношений, обуславливается тем, на что структура всех элементов общественной системы настроена: на развитие истинно человеческого в человеке (суть чего нужно безошибочно познать) или на развитие чего-то чуждого этому. Многие современные философы и идеологи пытаются всячески отвлечь людей от необходимости благопрогрессотворных изменений социального строя привлечением их внимания к необходимости внутреннего самосовершенствования, навязывая им всяческие мифические или утопические идеи. А нам необходимо исчерпывающе и истинно познать глубинную суть того, что генерирует развитие и управляет им, что образует живость и обуславливает существование, здоровье, хорошее настроение и развитие человека, возможности и последствия дальнейшего его развития, после познания чего можно будет познать и выбрать и то, что же должен делать человек сам для своего прогрессивного саморазвития и самоусовершенствования, а

что, чем и как может и должна давать ему для этого общественная система. Ведь для того, чтобы с перспективой развивать лучшее в человеке и в обществе, нужно сначала познать глубинную суть того, чем генерируется и управляется развитие его, чем обеспечивается живость и развитие человека и что и как влияет на это, — чтоб человек не обманывался относительно самого себя и вселенной, чтоб не строил себе иллюзий и не ставил ошибочных, неосуществимых или вредных планов и целей себе и обществу и чтоб не растрачивал напрасно на это свои умственные и физические силы и способности.

IV

Четвертая ограниченность восприятия состоит в том, что при делении объекта познания и при переходе к восприятию элементарных структур низших уровней сложности, полученных в результате этого деления и проникновения органов восприятия в глубь объекта познания, на некотором уровне мы неизбежно потеряем чувствование этих элементов, — мы придем к элементам таких малых размеров, количеств и уровней сложности, воздействия которых на тело органов чувств не будет вызывать ощущения, мы потеряем осязаемость тех элементов, из которых состоят системы последнего еще воспринимаемого уровня сложности и, следовательно, не сможем различать особенности их воздействий на наше сенсорное поле и выясненнем архитектоники восприятия выявлять ту структурно-ничто, которая в них (в элементах) и между ними есть, при которой они взаимообуславливаются и действуют, и структурно-ничто тех отображений, которые они собой передают или от них исходят. За пределами некоторого весьма узкого интервала уровней сложности систем и элементов реальности при движении в глубь ее строения мы теряем возможность получать восприятием те структуры, которые затем могли бы использовать при извлечении или формировании знания в представлении и теряем возможность получать подтверждаемость в восприятии творчески сформированного содержания представлений об элементах, системах и структурах тех уровней сложности, которые не чувствуются ни организмом в целом, ни каким-либо органом. Так, представление орбитальной модели атома до сих пор не получало чувственного подтверждения. Эта ограниченность восприятия как формы чувственно-

го познания обуславливает собой массу весьма серьезных гносеологических трудностей и заблуждений; она породила собой много ложных путей, методов и результатов познания, о необходимости и возможностях преодоления чего и очищении от чего уже шла речь и будет идти речь и ниже.

§ 3. Про типы мышления.

1.

Подобно учению о типах нервной деятельности, базирующемуся на соответствующих комбинациях основных свойств нервной системы (сила раздражительности и торможения, подвижность их, взаимное соотношение, равновесие их), может быть разработано и учение о типах мышления. Здесь, в «Прологах...», каснемся этого вопроса лишь в общих чертах. а более подробно, глубоко и обстоятельно об этом — в «Логиках...», когда элементарно-структурный и причинно-следственный механизм строения, работы и развития органов и процесса мышления будет выводиться, уясняться и прослеживаться из окончательно познанных всеобщих фундаментальных начал бытия и наименьших элементов сущего.

Можно выделить такие основные свойства органов и процесса мышления:

Во-первых, сила и, во-вторых, объем памяти, которые зависят, кроме прочего, от особенностей и взаимосвязанности (от количества, уровня сложности, формы строения, силы и вариативности взаимосвязываемости, сохраняемости и перестраиваемости вариантов взаимосвязанностей и пр.) тех элементов памяти (у мыслящего индивида или вида, рода, типа, класса и пр.), поступлением на которые и деструктуризацией на которых информации, фиксирующейся и несущейся проходящими через сознание феноменами явности (поток восприятийно чувствующихся феноменов: протяженностями такостей ощущений и границами-ничто между ними, чувственно различающимися), осуществляется запоминание (в результате этой информации соответствующего взаимосвязывания, оструктурирования элементов памяти и их множеств и со-множеств), что зависит, кроме этого, и от интенсивности, и от количества и частоты повторения воздействий на память потоков тех субэлементов, множествами и строями которых субъекту дается информация, его восприятиями выявляющаяся, и воздействия множеств и строев которых достаточны для того, чтобы соответственно и достаточно прочно зафиксиро-

вать эту информацию на элементах памяти. Понятно, что сила и степень вариабельности памяти разные у разных индивидов (видов, родов и пр.), что обусловлено различиями в выше-выраженном и, кроме того, в соотношении чувствительности элементов органа памяти и органов восприятия у каждого индивида (или вида, рода и пр.).

В-третьих, продолжительность и чистота сохраняемости запомненного, что обуславливается мерой наличия или отсутствия сознанием неконтролируемых процессов в органе памяти, разрушающих запомненные структуры.

В-четвертых, степень подвижности, легкости, (взаимоотношение лабильности и инертности) возбуждения, актуализации запомненного и извлечения его из памяти в представление, в мыслимое, что обуславливается наличием и накоплением в сознании соответствующего материала, вызывающего в организме феномен чувствительности антиощущения, и мерой накопления его, которая оказывается достаточной для возбуждения, оживления в памяти запомненного, для снятия его из памяти и извлечения, вызова его в представляющееся и мыслящееся. А это в свою очередь зависит, с одной стороны, от порога реагирования, возбуждаемости элементов и структур памяти на меру накопления в сознании того, чем вызывается антиощущение, и от чувствительности тела к своим потребностям — к накоплению тех элементов, которыми замещаются элементы, вызывающие ощущения и несущие воспрятийную информацию, и накоплением которых вызывается антиощущение.

В-пятых, степень ясности взаиморазличающихся антиощущений и отчетливости границ между ними в структуре комплекса их, извлекающихся из памяти в представление.

В-шестых, степень и особенность осознаваемости (вмещаемости в область сознания) извлекающегося из памяти и его подвласность воздействиям соответствующих органов мышления, что зависит от особенностей состава, развитости и взаиморасположения последних и область сознания образующего.

В-седьмых, обрабатываемость вспомненного, степень податливости и сопротивления вспомненного к преобразованиям в процессе и в результатах процесса мышления. Это обусловлено мерой прочности и гибкости связей между элементами и способностями к перестроениям взаимосвязей элементов в структурах, удерживающих и обрабатывающих вспомненное,

и в структурах множеств тех элементов, благодаря которым вспоминается, поддерживается и фиксируется вспомненное и мышлением обрабатываемое содержание представления. Это обусловлено также степенью напряжения тех мыслительных усилий со стороны соответствующих органов мышления, которыми осуществляется процесс управления представляемостью сознанию и обработкой мыслящегося содержания (= протяженности антиощущений и границы-ничто между ними в местах взаиморазличения) и которые оказываются необходимыми и достаточными для соответствующей обработки вспоминающегося и в форме представления осознающегося и выясняющегося содержания.

Можно, видимо, вскрыть и выяснить и другие свойства и особенности органов и процесса мышления. При этом, конечно, следует учитывать и другие особенности индивида и личности. Например, анатомические и физиологические, все и всякие наследственные и приобретенные свойства, особенности и предрасположенности органов и всего организма конкретного человеческого индивида, в том числе и те, которые обуславливают собой различия в запоминании и в извлечении формы структур, развертывающихся в пространстве, относительно структур, развертывающихся во времени, что опричинивает собой разные способности к запоминанию и к использованию в процессе мышления воспринимаемого зрением и воспринимаемого слухом; и те, которые обуславливают собой разные способности в изучении языка и в познании посредством языка и способности в наблюдениях и в познании наблюдением. Все эти способности и предрасположенности индивида обусловлены всяческими и всеми предшествующими состояниями и ситуациями субъективных и объективных условий, в которых протекало его развитие на всех этапах. Рассмотрение всевозможных сочетаний свойств и особенностей процесса мышления и исследование конкретного набора их дает возможность вывести характеристику мыслительных и вообще познавательных способностей обладающего ими индивида.

Если органы мышления индивида имеют, например, такое исходное сочетание основных свойств: легко, быстро и хорошо запоминается воспринимаемое, долго и хорошо хранится вспомненное, легко и быстро извлекается из памяти в мышление и легко, без утомительных усилий преобразуется извлеченное и мыслимое, то такой индивид потенциально обладает всем необходимым и в самом благоприят-

ном сочетании для развития в себе мышления и способностей к познанию. Успех и особенности успеха в этом случае обуславливаются больше всего обстоятельствами, направленностью и искусностью обучения и воспитания. Однако то, что индивид легко запоминает и вспоминает запомненное, может предопределить развитие его познавательных способностей, преимущественно приспособленных к усвоению и к преуспеванию в использовании уже обществом достигнутого знания в ущерб развитию способностей к творческому преобразованию из памяти извлеченного и к самостоятельному произведению нового знания. К этому особенно склонны индивиды, которым необходимы значительно больше, чем у других индивидов, мыслительные усилия для преобразования из памяти извлеченного, чем для извлечения из памяти запомненного и использования его в неизменном виде. Ведь выжимать из разума нектар новых и лучших идей и формировать их выражающие суждения значительно труднее, чем освоить уже не новые идеи и пользоваться ими, что подтверждается и в экспериментальной психологии и тем, что стать поэтом или хорошим ученым труднее, чем любителем поэзии или преподавателем, и тем, что первых во много раз меньше, чем последних. В связи с этим необходимо подчеркнуть общеизвестную закономерность, что важные новые и более высокие результаты творческого мышления даются ценою значительно более напряженных, продолжительных и неторопливых мыслительных усилий, и ее следует использовать как закон для логики мысленного познания: мыслить необходимо достаточно напряженно, продолжительно, неторопливо, вариабельно и по истинность творным правилам.

Особенно благоприятными задатками и предрасположенностью к творческому мышлению будут обладать индивиды, у которых такое исходное сочетание перечисленных свойств органов мышления: не лучше, чем у других, запоминается воспринимаемое и храниться запомненное, но достаточно легко извлекается из памяти в ней содержащееся и достаточно легко или даже легче, чем у других, преобразуется извлеченное в мыслимое представление.

II

Не вдаваясь в подробный анализ всех возможных сочетаний свойств органов и процесса мышления и образующихся

ими типов мышления выделим лишь два наиболее заметно различающиеся типа мышления, по отношению к которым все остальные, возникающие из разных возможных сочетаний свойств органов и процесса мышления, представляют собой какие-нибудь смеси, видоизменения и промежуточные состояния их. К первому типу пусть относятся люди, процесс познавательного мышления которых опирается преимущественно на память. Второй тип пусть составляют собой люди, познавательное мышление которых опирается преимущественно на самостоятельное творчество. Познавательная деятельность мыслителей первого типа ориентируется преимущественно на достижение понимания, на усвоение и запоминание, на сохранение неизменным и использование в практике уже имеющегося, другими и предшествующими индивидами произведенного знания; они ориентируются по мнению большинства и «шагают в ногу», боясь ступить иначе, т. е. сами не исследуют вопрос до большей глубины и истинности; из них выходят начетчики и цитатчики. Среди них находятся преуспевающие больше в символической, в речевой сфере процесса мышления, чем в смысловой, чем в сфере неречевого мышления. Познавательная деятельность мыслителей второго типа ориентируется преимущественно на поиски новых решений, на изменение и обновление уже имеющегося знания. Из них выходят творцы нового, преуспевающие в смысловой сфере, в сфере неречевого мышления. Из первых выходят люди, предрасположенные к реализации своей жизнедеятельности в делах практического преобразования реальной действительности, преобразованием и приведением ее, по мере возможностей, в соответствии с закрепившимися у них соответствующими представлениями, идеями. А из вторых выходят люди, предрасположенные к реализации своей жизнедеятельности в делах мысленного творчества смыслового содержания идей. Среди первых больше консерваторов; среди вторых больше новаторов.

Первые предрасположены объяснять или решать встающие перед ними вопросы так, как это делали уже они или их родители или люди из уже известной им истории человечества, тогда как вторые делают это в результате большого использования более развитых творческих способностей своего мышления.

Эти два типа, взятые в чистом виде, являются в известном смысле противоположными по отношению друг к другу и в

зависимости от конкретных ситуаций взаимоотношения в структуре социальных отношений могут быть то источником взаимных трений и вражды, то источником плодотворного сотрудничества и плодотворно взаимодействующими союзниками и сотрудниками. Человек с хорошей памятью, как правило, красноречивее. Красноречивый может больше достигнуть в текущей практике бременной жизни. А мудрый и без красноречия может снискать восхищение и бессмертную славу. Для развития познавательных способностей наиболее благоприятным является сочетание преимуществ мышления первого и второго типа, а неблагоприятными — сочетание недостатков первого и второго типа.

«Есть ученые, — писал И. Кант в предисловии к своим «Пролегоменам...», — для которых сама история философии (как древней, так и новой) есть их философия; наши пролегомены написаны не для них. Им следует подождать, пока те, кто старается черпать из источников самого разума, кончат свое дело, тогда будет их черед известить мир о совершившемся».¹⁾

Д. И. Писарев: «Титаны бывают разных сортов. Одни из них живут и творят в высших областях чистого и бесстрастного мышления. Они подмечают связь между явлениями, из множества отдельных наблюдений они выводят общие законы; они вырывают у природы одну тайну за другой; они прокладывают человеческой мысли новые дороги; они делают те открытия, от которых перевертывается вверх дном все наше мирозерцание, а вслед затем и вся наша общественная жизнь. Их открытия дают оружие для борьбы с природой сотням крупных и мелких изобретателей, которым наша промышленность обязана всем своим могуществом. Это Атласы, на плечах которых лежит все небо нашей цивилизации (премилое небо, не правда ли?). Но подобно Атласу эти титаны мысли покрыты вечным снегом. Они ищут только истины. Им некогда и некого любить; они живут в вечном одиночестве. Их мысли хватают так высоко и так далеко, их труды так сложны и так громадны, что они во время своей многолетней работы ни в ком не могут встретить себе сочувствия и понимания и ни с кем не могут поделиться своими надеждами, радостями, тревогами или опасностями. Их начинают пони-

1) И. Кант. Сочинение в шести томах. М., 1965 г. т. 4, стр. 69.

мать и благодарить тогда, когда цель достигнута и результат получен. Но и тогда между ними и массой остается длинный ряд посредников и толкователей. Только при содействии этих второстепенных и третьестепенных деятелей масса получает кое-какое слабое и смутное понятие о том, что выработалось в громадных черепах этих Давалагири и Гумалари нашей породы»¹⁾.

III

Занятость разума процессом мышления сопровождается страданием плоти (тела), т. к. мышление препятствует свободному приему идущих из тела восприятий в силу чего тело оказывается оставленным самому себе и, подвергаясь воздействиям объективного, не получает от сознания и нервной системы того, что они дают ему взамен воспринимаемого. А чрезмерная занятость сознания и тела идущими из тела ощущениями и восприятиями, восприятиями чувственными наслаждениями и страданиями тормозит развитие познавательных способностей мышления, что служит причиной неуверенности и терзаний, страха, печали и прочих душевных состояний, испытываемых субъектом от неопределенности, незнания и неудач или от осознания совершенных ошибок. А это, в конце концов, отрицательно повлияет и на состояние тела. Поэтому понятен вред односторонних крайностей этической альтернативы: либо обуздай разумом все и всякие чувства, либо подчини разум телу и сведи его роль к роли слепого и покорного слуги телесных похотей. Однако сам процесс мышления в результате правильного его развития способен вызывать и вызывает особые интеллектуальные радости и удовольствия. Чувственное наслаждение наступает у человека в процессе восприятия объекта интереса, в результате чего происходит удовлетворение давшей о себе знать потребности. Радость может предшествовать чувственному наслаждению, если в процессе мышления человек приходит к таким убедительным и ясным его результатам, которые в своей мере надежности превосходят и предвкушают достижение цели. А поэтому, насколько мышление оказывается результативным и успешным, настолько оно и сопровождается интеллектуальными ра-

1). Д. И. Писарев. Избр. философские и общ.-полит. статьи.
М., 1949 г., стр. 579.

достижениями, удовольствием и наслаждением, и награждается блаженством от достижения целей. А кто не развивает свой разум и свои познания, тот будет их терять и вынужден будет руководствоваться разумом других людей.

Формирование идей вызывается и происходит под влиянием потребностей, интересов, что уже уяснялось. Возникновение же эмоций у индивида от появления у него некоторых идей и сопровождение ими формирования и мыслимости этих идей обусловлено тем, что до этого эти идеи или их элементы вызывались или сопровождались соответствующими антиощущениями, или и тем, что руководствуясь этими идеями в практике приходили к наслаждениям от удовлетворения соответствующих потребностей. Общие или в какой-то степени дифференцированные связи между, с одной стороны, сложными эмоциями, их элементами и ассоциациями этих элементов и, с другой стороны, между сложными идеями, их элементами и комплексами этих мысленных элементов образуются по причине и в результате прямой и обратной функциональной связи между ними в процессе возникновения и существования идей и управления ими движениями тела, порождающими потоки соответствующих ощущений. При этом интеллектуальное удовольствие и радость могут быть обусловлены удачами процесса воспоминания или удачами творчества. Поэтому люди первого типа мышления и читать и писать любят преимущественно то, что вызывает воспоминания пережитого, или то, что с ними связано, а не то, что требует от читателя творческого мышления или наводит его на такое мышление и что больше любят люди второго типа мышления. Исследования психологии талантливых творцов нового показывают, что таковые люди читали по сравнению с другими мало, а больше думали сами и творили.

Но каждый человек может научиться самостоятельно познавать интересующий его предмет настолько глубоко, подробно и истинно, насколько он этого пожелает или насколько это ему нужно из того, как это вообще возможно и насколько он не поленится ради этого. Для этого необходимо окончательно и истинно познать ему смыслы и состав исходных и всеобщих начал бытия и элементов сущего, познать ими задающуюся методологию и логику, диалектику, овладеть и научиться самому выводить в своем мышлении получающееся из них единственное наиболее истинное знание о любом пред-

мете, стремясь при этом к тому, чтобы топохроноструктура смысловых элементов в представлениях, получающихся в результате этого выведения, соответствовала прежде всего и главным образом предмету познания; а соответствие ее с представлениями других людей об этом предмете должно быть не целью, а следствием истинности этих представлений (своих и их), следствием соответствия их тому же или такому же предмету и в том же аспекте, в том же отношении к познающему — в соответствии с верным методологическим принципом: логика, диалектика идей должна соответствовать логике, диалектике вещей, а не наоборот, если преследуется цель истинного познания.

«Что может быть прекраснее и достойнее человека, чем направлять свои страсти к единственной цели повышения своей просвещенности! Счастливы те минуты, когда честолюбие, видящее величие и славу только в приобретении новых знаний, покинет нечистые источники, которыми оно пыталось утолить свою жажду. Источники ничтожества и спеси, утолявшие жажду только невежд, воителей, завоевателей и истребителей человеческого рода, вы должны иссякнуть и ваш приворотный напиток не будет больше опьянять этих надменных смертных! Довольно почестей Александрам! Да здравствуют Архимеды!»¹⁾

§ 4. Об авторитетах.

В ходе исторического развития и взросления нашей цивилизации интеллектуальные лидеры человечества частенько заводили человечество или его отдельные части не в наилучшие направления и результаты развития, а иногда и в регрессотворные порядки и последствия, отбрасывавшие достигнутый уровень развития на века или на тысячелетия назад или подолгу задерживавшие в застое.

Какого же правила следует держаться в вопросе отношения к авторитетам науки и всяческих идей с целью ускорения развития знания и познавательных способностей? Все подвергать сомнению и нигилистически отбрасывать? или доверчиво изучать и настойчиво усваивать все достижения предшественников? Ведь достоин же восхищения девиз юного Маркса: «Подвергай все сомнению»?! А разве не прав Энгельс, писавший, что нет лучшего средства для развития мыш-

1) Сен-Симон. Избр. соч., М.-Л., 1948 г., т. 1, стр. 114—115.

ления, как изучение истории философии? И станет ли сегодня кто возражать утверждениям о необходимости изучения истории естествознания и любого другого знания для его дальнейшего развития? Но, с другой стороны, разве мало отвергали и поворачивали одних авторитетов и обращались к другим, превознося и возвеличивая их? А разве доверчивость не наносит ущерба наукам? не является причиной, которая подавляет их, лишает жизни, обескровливает и отнимает возможность дальнейшего развития и совершенствования? И разве не в результате обновления и отбрасывания старого появляется новое? Преследовали людей за мысль о том, что земля круглая, за указание естественных причин молний, за идеи гелиоцентризма — из боязни, как бы более глубокое исследование природы не перешло за те дозволенные пределы, которые не ведут еще к существенному изменению взглядов и не угрожают установившейся структуре взаимоотношений между людьми в обществе нарушением спокойствия и стабильности, не угрожают привилегиям заидеологизированных группировок или господствующих слоев и классов. Полтора тысячелетия господствовала школа Аристотеля; к цитатам из его произведений относился как к священному писанию; парламенты запрещали всякую иную философию, кроме аристотелевской, считая ее лучшим средством для приведения к согласию инакомыслящих, нарушающих общественное спокойствие. Но как разум пожилого человека опытнее и умнее в сравнении с предшествующими состояниями этого же разума в молодости, так и современное общество в своих передовых достижениях познаний опытнее и умнее в сравнении с его состояниями в древности. Ведь древность не старше, а моложе современности?!

Установившееся в обществе мнение, факторы политико-идеологической борьбы классов, сословий, и группировок, благоговение учащегося индивида перед учителем, перед авторитетами предшествующих творцов знания, обществом и историей возвеличенных, прагматизм индивидов и пр. влияют на развитие содержания представлений у индивидов и в соответствующих социально-гносеологических условиях могут мешать этому или направлять на менее перспективные или на тупиковые пути.

Иногда научное открытие не требует большого мыслительного усилия и может быть сделано всяким здравомысля-

щим и не глупым человеком, если он обладает требуемым для этого исследования качеством — отсутствие предубеждения, в то время как философы чаще придерживаются и превозносят даже уже изжившие себя предрассудки, хотя и делают при этом вид, что они борются против них. Более того, иногда ставшее предубеждением заблуждение берут в качестве исходных и основоположных принципов или методологических запретов. Роджер Бэкон указывал на такие четыре величайших препятствия к постижению истины: авторитет, постоянство привычки, мнение несведущей толпы и прикрытие собственного невежества показной мудростью.¹⁾ А наука тем-то и развивается, что какое-то мнение или распространяется вытесняя иные, или обновляется, или отбрасывается 'вовсе и заменяется новым. Заблуждения тем и преодолеваются, что кто-нибудь в конце концов оказывается способным познать его как заблуждение и открыть истину более высокого порядка и осмеливается пренебречь авторитетами, предустановлениями, преклонениями и почитаниями авторов отвергающегося мнения, даже если они великие авторитеты. Так поступали Коперник, Лобачевский, Эйнштейн и классики философии по отношению к предшественникам.

«Взгляните на историю прогресса человеческого разума, — писал Сен-Симон, — и вы увидите, что почти всеми образцовыми произведениями его мы обязаны людям, стоявшим особняком и нередко подвергавшимся преследованиям».¹⁾

Конспектируя книгу Маркса и Энгельса «Святое семейство» В. И. Ленин выписал девиз газеты Элизе Лустало: «Великие кажутся нам великими лишь потому, что мы сами стоим на коленях. Поднимаемся!»²⁾ Но подъем в разумении до или выше уровня разумения великих достигается развитием разума и разумения поднимающегося до или выше уровня разума и разумения великих мыслителей прошлого, уяснением их заблуждений или ограниченностей и произведением более глубокого, истинного и совершенного знания; а простое нигилистическое отбрасывание уже достигнутого ими знания не позволяет превзойти его и познать превосходство индивидом произведенного знания и кажущегося ему новым. А т. к. нашей целью является достижение наипре-

1). «Антология мировой философии», М., 1969 г., т. 1, стр. 862—863.

1). Сен-Симон. Избр. соч., М.-Л., 1948 г., т. 1, стр. 109.

2). В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 18.

восходнейшей истинности и исчерпывающей развитости познания и знания, то придерживаться ведущих к этой цели диалектико-материалистических принципов следует настойчивее, пристальнее и точнее, чем это делают даже те самые завязые сторонники этой философии, которые считают правильным все, что было высказано ее основоположниками по любому вопросу, мертвой хваткой держатся за любое усвоенное ими положение и полагают, что защищающий иной взгляд и рассматривающий с другой стороны так-то авторитетом решенный вопрос нуждается в искуплении. «Никто не рождается богословом, философом или политиком, — слова Д. Толанда, — и поэтому всякий человек стоит вначале на той же почве, что и большинство людей, воспринимая те же предрассудки и впечатления; и пусть он впоследствии избавится от многих заблуждений, но, если хотя бы одно из них останется в его сознании, он непременно додумается, исходя из него, до противоречий и нелепостей, даже если в других отношениях он и почитается разумным и способным человеком»³⁾.

В движении к исчерпывающему и безошибочному познанию предмета не может и не должно быть высшего авторитета, кроме авторитета истинности знания и всего того, что к этому ведет. Авторитетность мыслителей должна быть поставлена в прямую зависимость от меры приращения истинности, глубины, полноты, ясности, исчерпанности и прочих совершенств ими произведенного и обобщественно выраженного нового знания по соответствующему вопросу. Но идеи не становятся истинными только потому, что авторами их являются авторитеты. Наивысший и истиннейший авторитет для разума, ищущего, творящего, изменяющего, носящего и развивающего в себе представления, идеи, знание, предназначенные для познания предмета, есть авторитет их истинности, которая единственностью наибольшей степени, глубины и подробности соответствия одноэкземплярно мыслимого каждым индивидом смыслового содержания с предметом познания правит всеми людьми и согласует их между собой, ведя к успеху руководствующихся таковыми идеями и наказывая неудачами и страданиями тех, кто не знает или не руководствуется таковыми идеями, знанием, представлениями. Право же, истинность исчерпывающих познаний обладает тем могуществом, ко-

3). «Английские материалисты XVIII в.», М., 1967 г., т. 1, стр. 176.

торое правоверно-ревнивые богословы приписывают Богу. Раскрытие, разъяснение и культ наипревосходнейшей и наиболее прогрессотворнейшей истинности идей, наиболее исчерпывавших отображающих предмет, наиболее надежно ведут к успеху и должны быть главной задачей в идеологической и в политико-воспитательной работе прогрессивных партий, памятуя при этом, что истинность идей определяется мерой глубины, полноты, всесторонности, подробности и точности соответствия смыслового содержания идей отображающемуся ими предмету, а не мнениям людей, хотя бы и авторитетных. Путем уяснения и усвоения идей авторитетов, выраженных соответствующими символ-структурами, мы познаем познававшееся ими в лучшем случае таким, каким его представляли эти авторитеты; этим мы также возбуждаем и активируем свое мышление. А более верного, более глубокого познания этого же предмета мы можем достигнуть лишь изменением, дальнейшим развитием предшествующего содержания соответствующих идей и лишь в собственном разуме, благодаря каким-то иным по направлению и по напряжению усилиям своего мышления. Но это же обуславливает собой и множество возможностей впасть в заблуждение, т. к. наибольшая познанность всегда одна, а отклонений от нее множество. Поэтому большинство людей чаще склонны идти уже проторенной дорогой, чем riskовать шагнуть в новом направлении.

Ясно, что для освоения уже достигнутых результатов познания необходимо изучать историю развития познания и итоговые результаты его; но изучать необходимо придирчиво, подвергая все сомнению и различая в изучаемом сомнительное и несомненное, устарелое и сохранившее свои истинность и значение; а для дальнейшего развития познания необходимо опираться на результаты и уроки предшествующего познания и на собственные познавательные силы и способности, памятуя при этом о том, что без изменения каких-то понятий и чего-то в логике невозможно развить существующую систему знания в существенно новую.

«Во всех своих начинаниях разум должен подвергать себя критике и никакими запретами не может нарушать ее свободы, не нанося вреда самому себе и не навлекая на себя нехороших подозрений. Здесь нет ничего столь важного по своей полезности и столь священного, что имело бы право уклоняться от этого испытующего и ревизирующего исследования, не признающего никаких авторитетов. На этой свободе осно-

вываается само существование разума, не имеющего никакой диктаторской власти, и его приговоры всегда есть не что иное, как согласие свободных граждан, из которых каждый должен иметь возможность выражать свои сомнения и даже без стеснения налагать свое вето»¹⁾. К этому рассуждению И. Канта несколько замечаний: Во-первых, следует как-то учитывать и устранять те препятствия для прогрессивного развития познания и знания, которые причиняют ему реакционные люди, односторонне отрицательно критикующие, метафизически отрицающие все как зряшное, подвергаящие негативному сомнению все и всякое и в особенности то, что на самом деле истинно и прогрессивно, всячески изощряются в изобретении средств и методов для введения других в заблуждение, не выдвигая взамен ничего позитивного или выдвигая взамен прогрессивному и более истинному менее истинное, ложное и реакционное. Подлинная демократия, настроенная на такое прогрессивное развитие человека и общества, которое наибольшее соответствует наилучшему смыслу существования человечества и руководствующаяся наилучшими теорией, идеями, должна иметь такой социальный механизм, который справедливо и гарантированно обеспечивал бы безопасность и защиту граждан от тех лжедемократов и «друзей народа», которые борются не против всяково возможных заслонов и препятствий для прогресса научного познания и человечества, а которые борются за право чинить им всяково возможные препятствия. Этому, включая и фашистские методы и средства, которые даже в борьбе за эти права больше применяют методы подкупа, шантажа, угроз и террора, чем доводы разума, неизбежно ведущие к торжеству истины и прогресса. А уж если они вынуждены вести борьбу средствами доводов разума, то занимаются клеветой, фальсификацией и односторонним выискиванием и подбором отрицательных фактов и всячески одурачивают подобием разумных выводов и вводят жаждущих истины и справедливости в смутный, ложный и к вреду ведущий ход мыслей, отрезвиться и освободиться от которого затем или поздно, или трудно, или можно только бедственным путем, или невозможно из-за непосильности выпутаться и из-за других причин. Во-вторых, без знакомства со знанием, произведенным предшествующими авторитетами, без опоры

1). И. Кант. Соч., М., 1964 г., т. 3, стр. 617.

на достигнутое, без извлечения гносеологических уроков из истории развития и итогового результата познания, без сличения и согласования последнего с предметом познания, дающегося нам через ощущения и восприятия, трудно и в некотором смысле невозможно развитие и распространение нового и вытеснение старого. Сомнению-то подвергай все и не па-суй перед любым авторитетом и не щади никаких авторитетов ради истины, но не отварачивайся от самой истины ради сомнения и критики авторитетов. Кроме того, в вышеприведенном рассуждении Канта просматривается тенденция критерий истинности видеть в согласии свободных граждан, уяснение несостоятельности чего уже было, а также проводится в следующем рассуждении и далее.

II

Новое более совершенное и прогрессивное знание может проявиться, обнаружиться, поняться, в практике подтвердиться и признаться как таковое лишь при наличии и по отношению к какому-то иному знанию этого же предмета. Ведь без этого оно не может проявить новизны и преимуществ, т. к. нет того иного, по отношению к которому оно сравнивается. Подобно тому, как без наличия иных шахматистов и без победных игр с ними не может выявиться, получить признание и утвердиться чемпион мира со своими преимуществами в шахматных играх. Да и вообще способности ума любого человека выясняются на фоне других. Знание зарождается у незнающего и развивается из незнания, из восприятийных данных; истинное знание вырастает или развивается в гносеологической борьбе с ошибочным или ложным; более истинное в еще более трудной борьбе с менее истинным. Это подобно тому, как и негэнтропийные образования зарождаются и развиваются из энтропийной среды и в ней. «Даже чистый свет науки не может, по видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества».¹⁾ (К. Маркс). И поэтому для дальнейшего прогрессивного развития познания, для выживаемости истинного в заблуждениях, соответствия в несоответствиях, и для победы истинности над ошибочностью и ложью, для согласования людских мнений ответственностью их с предметом познания необходима иммунитетобразующая среда. Ведь лучше

1). К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 4.

же выясняется и решается вопрос, если выслушивают и обдумывают все имеющие значение и различающиеся между собой рассуждения и мнения по этому вопросу.

Как без наличия врага невозможна победа над ним, так и без наличия лжи и заблуждений невозможна победа истины над ними. Если человек имеет какое-то мнение по какому-либо вопросу и если при этом он не знает, что есть иные мнения по этому же вопросу, то у него нет и сомнения в своем мнении. Но если он благопрогрессотворец и если он знает, что есть разные мнения по этому же вопросу и не знает при этом содержания этих иных мнений, то даже если его личное мнение является самое истинное и самое прогрессивное или самое подходящее ему, то он все же будет сомневаться в своем мнении и искать возможности познакомиться с иными мнениями. Этим и объясняется повышение спроса на запрещенную незнакомую литературу. И отвлекать людей от реакционных и ложных идей успешнее и справедливее и безвреднее всего показом и доказательствами ложности и разоблачением и разъяснением реакционности этих идей, с одной стороны, и позитивным изложением и разъяснением более прогрессотворных идей. Именно реакция боится и всячески старается избежать борьбы идей во избежание поражения и всячески стремится подменить ее борьбой против наиболее прогрессотворных идей. «Мера свободы граждан в мышлении и писании есть мерило качественной доброты в устройении и своеобразном управлении государства, ибо открывает степень доверия правительства к подданным и веру последних в первое... Угнетение и притеснение умов производит невежество и отвергает дарования разума человеческого и охоту писать отнимает.» (А Хакдеу. См. «Антология мировой философии», т. 4, М., 1974 г., стр. 521).

Разномыслие нужно как условие для прогрессивного развития научного познания и для развития и проявления более искусных в мышлении, а не как самоцель и не как средство для того, чтобы в этом разномыслии утопить здравомыслие и прогресс познания, не как средство для успеха реакции, пытающейся запутать умы людей и отвлечь их от наиболее прогрессивнейших идей, гоняя их с одной монистической системы в другую подобно тому, как в анекдоте: человек переходит улицу и спрашивает у стоящего на этой стороне о том, где противоположная сторона улицы. На что ему указывают на ту сторону; а замороченный с возмущением в ответ: «А почему

же тамошние направили меня сюда, говоря, что противоположная сторона улицы здесь?». Кто служит замутнению умов и лжи, тот и получит по своей неправде и лицемерию, ибо у истины нет пощады и лицепрятия; жизнь наказывает ошибающихся и вознаграждает живущих в согласии с истинно познанной реальной действительностью.

Научное познание и возможности человеческого разума еще не исчерпались настолько, чтоб сомневаться в возможностях современников извлечь из своего разума идеи, превосходящие по истинности идеи предшественников и продвинуть познание вперед. И восхваления авторитетов не должны ослеплять современников, нагоняя в них робость и неуверенность в своих мыслительных способностях. Неживые не могут проявить гнева и зависти, а живые да образумятся! Истинность проясняется, очищается и укрепляется в спорах и в борьбе мнений и возражений. А когда нет того, кто бы ответил на заблуждения возражениями и разъяснениями их как заблуждений, то они укореняются еще больше.

Человеческий род, как и индивид, способен к совершенствованию больше, чем какой-нибудь другой вид известных нам животных, и в ходе исторического развития совершенствуется благодаря накоплению и совершенствованию опыта и знания, благодаря совершенствованию их использованию и благодаря развитию способностей разума и тела человеческого. Поэтому люди позднейших столетий, как отмечал это и Пристли, в среднем более совершенные и стоят значительно выше людей предшествующих веков при одинаковом их возрасте. «Воззрение, — пишет Пьер Бейль, — будто взгляд, переходящий из века в век, от поколения к поколению, не может быть всецело ложным, — чистейшая иллюзия. Если только исследовать причины, в силу которых среди людей устанавливаются определенные мнения, и причины, в силу которых эти мнения, переходя от отца к сыну, увековечиваются, то станет ясно, что нет ничего менее разумного, чем воззрение, будто древние взгляды не могут быть ошибочными... Ведь, за исключением нескольких философских умов, никто и не подумает проверить, верно ли то, что все говорят».¹⁾

Кроме авторитета мнений выдающихся личностей и авторитета обезличенного результата исторического развития

1.) Бейль. Исторический и критический словарь в 2-х томах. М., 1968 г., т. 2. стр. 206.

познания есть еще и авторитет согласного мнения большинства или, как иногда говорят, мнение коллектива. Многие ошибочно считают, что большинство всегда право, что всякий индивид должен соотносить свои мысли с тем, как думает окружающее большинство, забывая или не зная того, что истинность мыслей определяется не количеством одинаково мыслящих, а соответствием смыслового содержания мыслей с предметом познания. И развитие знания достигается более глубоким и точным присообразованием смыслового содержания, индивидом мыслящегося, не с согласным мнением большинства, а с самим предметом познания. А согласное мнение часто достигается под влиянием зависимости удовлетворяемости каких-нибудь иных интересов от такого-то мнения о данном предмете. Так что все зависит от того, какими интересами руководствуется согласованно думающее большинство, какое оно по развитию опыта, ума и нравственности. Подгонка мнений индивидов под мнение большинства использовалось и используется реакцией, например, прагматизм, потребительский образ жизни и пр. Согласное мнение большинства пригодно для определения согласия по поводу интереса или цели, могущих скрываться за согласием о содержании того представления о предмете познания, под прикрытием которого реализуется их объединяющие интерес или цель, и не пригодно для определения истинности содержания этого представления. Общие для множества людей интересы или цели являются лишь движущей силой объединения людей; но управление их движением и деятельностью должно осуществляться, если желают успеха, истинным знанием о предмете и условиях, на которые направляется и в которых осуществляется их деятельность.

В статье «Об авторитете» Ф. Энгельс ставит такие вопросы: «не можем ли мы — при существующих в современном обществе условиях — создать иной общественный строй, при котором этот авторитет окажется беспредметным и, следовательно, должен будет исчезнуть... а возможна ли организация без авторитета?»¹⁾, и совершенно правильно их решает в том духе, что процесс управления общественным производством неизбежно связан с необходимостью отдельным лицам подчиняться разным управленческим решениям, исходящим от дру-

1). К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., М., 1961 г., т. 18, стр. 302.

гих лиц или от коллективных органов. А для благопрогрессотворности решения соответствующего вопроса имеет значение не то, что автором его является отдельное лицо, или выработавший его коллективный орган данной общности, или общее собрание всей данной группы людей, а прежде всего и главным образом то, насколько оно является безошибочным, наилучшим, эффективным, справедливым и к благопрогрессотворному успеху ведущим.

Из всего следует, что каждому человеку необходимо или желательно научиться истинно, т. е. наистиннейше и исчерпывающе глубоко, полно, подробно и точно, по возможности окончательного и несомненно, познавать любой предмет, в том числе и себя самого, и распознавать истинное знание о нем от не такового на всех элементноструктурных уровнях его строения, работы и развития, доступных и недоступных чувственным восприятиям. И достичь этого возможно в результате освоения новой СНОЗ, строящейся на фундаменте идей, истинно и окончательно отображающих всеобщие начала бытия и наименьшие элементы сущего, из состава и смысла которых затем таким необходимым логическим ладам, что иначе не может и быть, выводится все из них следующее, истинно объясняющее и прогнозирующее все то в предмете познания, что каждого из нас интересует и что можно познать вообще. Развитие этой новой СНОЗ из ей предшествующей старой и излагается в «Прологах...» и, главное, в «Логох...».

§ 5. К вопросам неотеологии.

I

Известно, что если устройство общественной системы таково, что успех служебной карьеры зависит от защиты и прославления непосредственных и прямых начальников и особенно главного или наиболее влиятельного лица верховной власти и ими проповедываемой идеологии, то карьеристы и занимаются этим, т. е. прославляют их, — напоказ и даже лицемерно, скрывая свои иные мнения насчет этих лиц и их идеологии. Примеров, подтверждающих это, так много и так они всем известны, что нет необходимости их и приводить. Известны примеры и того, что одни и те же личности в соответствующих условиях рьяно пропагандировали и защищали теистическую идеологию, потом атеистическую, а потом снова теистическую. И ныне, в условиях изменившейся об-

щественно-политической ситуации в странах бывшего СССР, под влиянием этого же фактора растет количество людей, на показ выдающих себя за верующих в Бога, не имея, не зная, и не искавши истинного и благопрогрессотворного смысла его. К тому же, ныне свободно проповедывающаяся религиозная идеология подается в таком ее устарелом, догматическом и мистически-фантазморическом содержании, которое вследствие архаичности, недоразвитости, наивности, примитивности, детской сказочности, мистичности, ограниченности, запутанности, неясности, ненаучности и такого прочего содержит в себе много такого, что противоречит несомненно истинным результатам научного познания и даже мешает дальнейшему прогрессу научного познания реальной действительности, что отвращает людей и от всего того, что в религиозной идеологии есть прогрессотворное, что мешает достижению человечеством такого истинного и исчерпывающего познания реальной действительности, какое возможно вообще (т. е. и ныне, и во веки веков, и людьми-землянами, и любимыми инопланетянами). Но в это же время все больше и больше людей, в том числе и получивших высшее нехалтурное образование (естественно-научное; историческое, логическое, философское и прочее) и доверяющих своему разуму и своим познаниям, признают, что и религиозная идеология и практика не исчерпали своей благопрогрессотворности. Есть много фактов, подтверждающих это. И все дело в том, чтобы религиозную идеологию очищать от устаревшего и неблагопрогрессотворного, уточнять, обновлять, обогащать и развивать в благопрогрессотворном для людей направлении, чтобы приводить содержание ее к состоянию, непротиворечащему и согласующемуся с содержанием истинных результатов научного познания и не мешающему человечеству продвигаться в научном познании к достижению так глубоких, исчерпывающих, полных и истинных результатов, как это возможно вообще. Более того, так очищенная, обновленная и обогащенная неотеология должна использовать и результаты научного познания, и особенно результаты такого истиннейшего и исчерпаннейшего познания, какое возможно вообще и возможность получения какого дает новая СНОЗ. И использовать его в качестве базиса для определения и объяснения смысла и доказательства истинности и благопрогрессотворности понятия Бог и религиозной идеологии и практики, и для обоснования, обогащения и осмысления церковной литургии. Чтоб любящие Бога и верующие в истинного и благопрогрессотворного Бога не отвергали науку; а

знающие, любящие и развивающие науку, чтоб не отвергали Бога; а чтоб те и те занимались, как партнеры, изучением реальности, развитием наук и познанием Бога и чтоб руководствовались истинными и благопрогрессотворными результатами этих познаний.

II

Необходимо отбросить вредотворные искривления своего разума, своих познаний, своих собственных мнений и способностей к истинному познанию и пониманию в результате приспособления к политическим, религиозным и прочим идеологическим группировкам, уводящим в сторону от истиннейшего и наиболее благопрогрессотворнейшего. Приводить разум и души людей к вере в Бога можно и нужно в результате прогресса их истинных (а не ошибочных и утопических) познаний, — в результате познания, раскрытия, объяснения и определения такого смысла понятия Бог, которым неопровержимо, доказательно истинно отображается та реальность, которая есть то и осуществляет все то, что мы, земляне, называли, или называем, или будем называть Богом и его деяниями.

Религия играла, может и должна продолжать играть благопрогрессотворную роль. Но чтобы эта роль ее была безошибочной и еще более благопрогрессотворной и успешной, религиозную идеологию и практику необходимо очистить от неистинных и неблагопрогрессотворных догм, необходимо обновлять и обогащать включением в нее достоверно истинных и благопрогрессотворных результатов научных познаний. Необходимо, чтобы система церкви не враждовала с наукой, не отклоняла людей от стремления к достижению исчерпывающих и истинных познаний Бога, реальной действительности и себя в ней и этим чтоб не принижала их, не запутывала и не мешала им в этом, а всячески стимулировала бы, поощряла бы стремление людей к свету истиннейших познаний и содействовала бы им в этом. Необходимо привести к благопрогрессотворной вере в истинного Бога и тех, кто может прийти к этому через научные доказательства. Поэтому смысл понятия Бог должен быть таков, чтоб от прогресса научных познаний вера в Бога у людей возростала, а не терялась. А если смысл понятия Бог теологией не определяется и истинность его не доказывается, то мы не можем знать и истинно мыслить и качеств, и могуществ такого бессмысленного Бога. И невозможно же и верить искренне и честно в такого бессмысленного Бога. От незнания того, что такое Бог, невозможно же уста-

новить верного пути движения и приближения до Бога. И прав Иисус Христос, говоривший, что «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете царство небесное человекам; ибо сами не входите, и желающих войти не допускаете.» (см. Евангелие от Матвея, гл. 23, с. 13.).

Следует учитывать, что среди религиозных идеологов и деятелей есть разные люди. Есть закомплексованные архаическими, сомнительными, бездоказательными и неблагопрорессотворными религиозными догмами, призывающие людей слепо верить в Бога без раскрытия его смысла и без доказательства истинности и благопрорессотворности его, отвлекающие людей от истинного и исчерпывающего познания мира, призывающие каяться в грехах (без раскрытия смысла грехов и без доказательств вредности и, следовательно, греховности их), молиться и просить помощи, наводя этим людей на пассивность, бездеятельность и нетворчество. От этого же получается только вред и людям и человечеству. Ошибочные представления о себе, об окружающем мире и о Боге ведут к вредотворно разрушительным последствиям.

Нужно же активно действовать и созидать совершенствование и благопрогресс. А для этого нужно же безошибочно знать, что и как нужно созидать, что есть совершенство и благопрогресс, зачем они нужны, и что нужно для совершенствования и благопрогресса людей и человеческой цивилизации и ради чего, чем, куда и как все это вести. Следовательно, нужно истинное и как можно исчерпанее познание реальной действительности. Для достижения этого старая СНОЗ непригодна, а достичь этого дает возможность новая СНОЗ.

Следовательно, нужно людей науки и религии не только примирять, но и объединять так, чтоб они друг друга обогащали, подпитывали идеями и средствами и формами доведения истинных и благопрорессотворных идей до людей и чтоб вместе и при взаимопомощи вести их к благопрогрессу. Нужно искать, и ведь есть такие общественные, научные и религиозные идеологи и деятели, которые стремятся очищать, развивать, обновлять и объединять и религиозные и научные идеи, — ради доведения их до найистиннейшего, найисчерпаннейшего и найблагопрорессотворнейшего состояния. Ведь и по учению Иисуса Христа Бог направляет и ведет людей к ясности и свету, т. е. к свету разума, разумения, понятности, познания, истинности и т. п. Следовательно Бог (его смысл) должен быть истинным и давать ясность и убежденность уму

людскому вследствие доказательности, а не вести людей к невежеству и темноте, не отбивать у них желания и не мешать им познать все так, как это возможно вообще (= и ныне, и во веки веков, и людьми-землянами, и любыми инопланетянами). А встречаются и такие верующие и проповедники, которые говорят, что стремление к доказательно истинному и исчерпывающему познанию грешно, в обоснование чего приводят миф о первородном грехопадении Адама и Евы, искусивших плод из древа познания. Ясно же, что такие верующие и проповедники не от Бога, а от Сатаны, выдают себя за сподвижников божьего дела. но на самом деле ведут сатанинскую работу по затемнению людского разума, по культивированию смуты и разрушений. И потому они опасаются света истинных и исчерпывающих результатов познания. Культивирование мистических и суеверных сказок и побрехенок засоряет умосознание людей, делает их недоумками и препятствует благопрогрессированию их.

Ведь то фундаментальное теологическое основание, те идеи о Боге, о его творении мира и человека, о его взаимоотношениях со своими творениями, с людьми, и о его влияниях на них, таковы и так бездоказательно богословами декларируются, что их невозможно логически согласно понять человеческим разумом и принять из-за несогласуемости их с естественными свойствами разума и с несомненно доказательно истинными результатами научных познаний. А поэтому и те многие хорошие, благопрогрессотворные идеи, которые проповедаются церковью, — как якобы исходящие от Бога, — учения о том, как должны жить и вести себя люди, не принимаются, или игнорируются, или подвергаются сомнению теми людьми, которые получили современное нехалтурное высшее образование и доверяют своему разуму и его способностям отличать истинные и логически доказанные научные познания от не такового, и которые поэтому не соглашаются во что-то бездоказательное или бессмысленное верить и руководствоваться идеями, якобы исходящими от этого бездоказательного и бессмысленного чего-то. А ведь именно этими людьми и создается, и поддерживается или и модернизируется общественное мнение.

Вооружать умосознание людей необходимо найстиннейшими результатами познания и наиблагопрогрессотворнейшими жизнестроительными идеями и направлять их на совершен-

ствование себя и своей жизни, к поискам ответов по текущим и надвигающимся новым и будущим проблемам не столько в прошлом опыте человечества, т. к. оно таких нововведений и проблем и не решало еще и не преодолеvalo, а в результатах истиннейшего и исчерпывающего познания реальной действительности и людей. Нужно направлять умосознание людей не только в прошлое, а больше в будущее. Ибо радости у людей проявляются от жизнедеятельного движения их из прошлого через теперь в будущее, от преодоления трудностей и препятствий, наваливающихся на них самополучно или в результате запланированной и осуществляющейся преобразовательно-приспособительной деятельности по достижению выбранных и запланированных целей, — наваливающихся на них в теперь не из прошлого, а из будущего, не как то, что уже преодолено, а как то, что предстоит преодолеть и по возможности наиболее прогрессотворнейше. Очищать их умосознание и жизнедеятельность от пустых, бесполезных и регрессотворных пошлостей, развлечений, затрат времени, здоровья, сил и средств.

Необходимо выявлять те идеи, формы и нормы поступков и поведения, которые уже исчерпали свою прогрессотворность и стали тормозить прогресс или ведут человечество в эволюционные тупики и в регресс; обстоятельно исследовать, раскрывать, научно объяснять, обосновывать и доказывать их, что они именно таковы, т. е. не прогрессотворные или и вредотворные, если ими руководствоваться, и что от них люди и человечество должны очищать свое умосознание. Например: мнения или идеи слепого следования людей на поводу у похотей своего организма телесного происхождения (употребление в пищу только вкусного и до полного насыщения, переедание, малоподвижность, содержание своего тела и тела детей лишь в приятной теплоте, и пр., и пр.) или на поводу вредотворных страстей души и некомпетентных и ошибочных мнений. Ибо многие поступают как враги благопрогрессотворных истин; они гонят себя к гибели, ибо их бог это их чрево, а славу свою стяжают в сраме; не мыслят и не заботятся они о последнем. Нужно вести пропаганду всеми возможными и законными средствами и формами по внедрению в жизнь, по взятию людьми к руководству благопрогрессотворных жизнедействующих идей и решений и по очищению их умосознания и воли от неблагопрогрессотворных, от застоетворных и ре-

грессотворных мнений, идей и решений. И нужно не только предлагать принятие прогрессотворных и очищать от неблаго- прогрессотворных, но и находить или разрабатывать и созда- вать такие социальные условия, общественные и государст- венные организации и структуры, которые вели бы к этому, опричинивали и обуславливали бы это, гуманно и благопрог- рессотворно принуждали бы к этому.

Человечество должно приложить усилия для того, чтобы его эволюция не привела его к регрессу или к вымиранию и вечной гибели и чтоб она шла быстрее и в наиболагопрогес- сотворнейшем направлении. А для благопрогрессотворного преобразования и совершенствования людей необходимы соответствующие усилия, непрерывные, все необходимое и достаточное охватывающие, — усилия, стремления и жизне- деятельность, управляющиеся наиболагопрогрессотворнейши- ми жизнедеятельными Истинами.

Если мы желаем прогресса человечеству, а не прими- тивного повторения и топтания на месте, то нужно сокрушать любые неблагопрогрессотворные предвзятости, предрассудки и идейные догмы. Мы должны быть творцами, носителями и внедрителями в жизнь наиболагопрогрессотворнейших Истин.

К благопрогрессотворнейшим усилиям и новациям нуж- но стремиться:

во-первых, в познаниях; ибо до сих пор мы преуспели больше в заблуждениях, не сумев выйти за пределы обычным нашим чувственным восприятиям доступного;

во-вторых, в любви, уважении и добродетельностях друг к другу, ибо до сих пор мы преуспели больше в нена- висти, вражде и самоублажениях; в-третьих, в достижениях благопрогрессотворного блаженства разумной и знающей души, ибо до сих пор мы преуспели больше в слепом следо- вании за хотениями и наслаждениями телесного происхожде- ния;

в-четвертых, в оздоровлении, в усилении выживаемости и силы, ибо до сих пор мы преуспели больше в болезнях и слабостях;

в-пятых, в проведении радостной, счастливой и макси- мально здоровой и продолжительной жизни, ибо до сих пор мы больше преуспели лишь в том, что рождаемся, растем са- мополучно, недовольничаем, мучимся, злобствуем, заболела- ем и преждевременно, неожиданно и скоропостижно, без

благопрогрессотворной подготовки и наследства, умираем; в-шестых, в достижении согласия, единства, взаимопонимания и мира между собой, ибо до сих пор мы преуспели больше во враждебности, в непонимании друг друга, в войнах и в союзах ради них.

Мы должны устремляться и людей устремлять не к тому, чтобы вечно повторять уже совершенное человечеством, но к тому, чтобы достигать новых совершенств и благопрогрессотверных новаций в наших душах и телах. Обучение людей творчески, логически и фактически истинно мыслить и развитие их мышления, дающего убедительно истинные и благопрогрессотворные жизнедействующие идеи, должны рассматриваться как важнейшая задача общества и государства, всех общественных, светских и религиозных организаций, как очистительное, просветительное и оздоровительное, а следовательно и святое дело.

III

Среди тех идей или Истин, которые унаследованы человечеством или его социологизированными частями, государственными, общественными, научными или и религиозными организациями, есть многое, зачавшееся и развившееся из случайно и субъективно возникших суеверий или проб и затем закрепившееся и не являющееся истинным и благопрогрессотворным или не наиболее таковое; а есть и такое, которое более или наиболее благопрогрессотворное и обязано своим появлением счастливому случаю, подлинной принципиальности или удачному изобретению отдельных индивидов, добившихся публичного признания такового. И надо внимательно, зорко, скупулезно и исчерпывающе исследовать, выяснять и безошибочно устанавливать, какие же из жизне-творных идей, структур, обычаев и нравов, переданных нам в наследство культурной традицией или национальным менталитетом и прочим представляют собой ненужные, устаревшие, ставшие неблагоприятными и даже вредотворными и регрессотворными предрассудками, а какие — все еще являются благопрогрессотворными достижениями культуры и цивилизации; а какие из давних даже более благопрогрессотворные, чем новые, предлагающиеся или принятые им в замену. Социальные смуты в значительной степени происходят от темноты, от ошибочности и запутанности понятий и идей. А «...любая религия, противоречащая науке, не есть истинна» (М. Перхинс и Ф. Хейневарт: «Вера бахан», Изд. Москва, 1992 г., стр. 39).

В школах необходимо обучать учеников медитативным (медитация = сосредоточенное размышление) процедурам, дающим умозрительное видение начал, элементарно-структурных и причинно-следственных механизмов и моделей всего изучающегося сущего, тогда как чувственные восприятия и не нацеленное на это телевидение препятствуют этому. Необходимо возрождать и размножать церковно-религиозные приходы и общины, в которых осуществлялось бы соединение науки и религии, организовывать всевозможные группы, кружки, общины, организации среди населения, при клубах, церквях и пр., в которых проводились бы проповеди и пропаганда наистиннейших и наиболее прогрессотворнейших жизнедействующих идей и решений, норм поведения, форм жизнедеятельности и такого прочего, и очищение от всего застоетворного и регрессотворного (как идущего от Сатаны), — чтоб проводились изучения, объяснения и доказательства их и дискуссии по ним, чтоб поощрялись праведники и осуждались, позорились и наказывались грешники. Необходимо разработать наиболее прогрессотворнейшую структуру и внутри организаций и групп, ведущих эту работу, вовлекая и синтезируя в это все прогрессотворные государственные и общественные, партийные и религиозные организации и движения.

К исторически и естественно самополучному прогрессированию человеческих индивидов, а также структурных организаций их коллективов, сообществ, государств и всего человечества, которое может завести человечество и в эволюционный тупик, и в регресс, и к вечной гибели, необходимо подключить и те человечеством познанные и осознанные возможности и усилия, которые уже может или вскоре сможет человечество разработать, выбрать и приложить, чтоб это прогрессирование осуществлялось побыстрее и в наиболее прогрессотворнейшем направлении. А этого лучше и безошибочнее всего можно достичь в результате такого истинного и исчерпывающего познания субъективной и объективной реальности, какое возможно вообще (и ныне, и во веки веков, и людьми-землянами, и любыми инопланетянами).

Нельзя браться за решение вопросов о Боге, о вере в него, о том, что он может или не может, если не раскрыт, не определен и не доказан истинный смысл этого понятия. То, во что должно верить, должно иметь смысл и смысл этот должен быть истинным. Сказочные, мистически-мифические рассуждения и рассказы насчет Бога недостаточны, необеди-

тельны и неприемлемы, не научные, унижающие и оскорбляющие возможности и достоинства человеческого разума и достоинства достаточно высоко, нехалтурно и современно образовательного человека. И слово Бог, как и любое иное слово, должно иметь точно определенный смысл, представляющийся людям от восприятия этого слова. А смыслом же понятий и составом исходных понятий задается и логика развития из них последствий. И поэтому, вместо того, чтобы бездоказательно и безобъяснительно вдавливать в умы людей известную библейскую догму, что «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и словом было Бог...», необходимо в начале найти или выработать, раскрыть, объяснить, определить смысл понятия Бог, доказать его истинность, т. е. что этот смысл истинно отображает соответствующую ему реальность, имеющуюся в реальной действительности, а потом уж исследовать и решать соответствующие вопросы. Например, вопрос о началах и причинах развития сущего и пр.

IV

Каким же может и должен быть смысл понятия Бог, чтоб он был доказательно истинным и благопрогрессотворным, т. е. чтоб научно, гносеологически, логически и фактически неопровержимо и полностью убедительно было доказано, что этот смысл истинно отображает ту реальность во Вселенной, которая на самом деле есть и которая изначально причиняла, обуславливала и исполняла и продолжает причинять, обуславливать и исполнять все то, что теологи, богословы и верующие в Бога люди приписывали и продолжают приписывать тому, что они называют Богом, но истинного смысла чего они не знают, не раскрывают, четко, однозначно и ясно не определяют и научно, гносеологически, фактически и логически истинно, корректно и состоятельно не доказывают? Иначе говоря, какие свойства, функции и могущества приписываются Богу? Несомненно и неопровержимо что ниже следующие:

Бог — это что-то первоначинающее, первотворящее, первопричиняющее и первообуславливающее существование и развитие всего того, что было, есть и будет во Вселенной как существующее и развивающееся. Он сотворил неживое и живое, растения, животных и человека, и вообще все существующее во Вселенной. Он генерирует, причиняет и

обуславливает существование и развитие всего. Он пред-направляет и преобуславливает направление развития всего сущего к общему благопрогрессу. Он вознаграждает праведное и праведников, верно, по-божески существующих, живущих, поступающих и действующих и в божественном направлении развивающихся, совершенствующихся, благопрогрессирующих; и карает неправедное и грешников, живущих, поступающих и действующих не по-божески.

Следовательно, если мы найдем, откроем, истинно и исчерпывающе познаем реалию, которая все это и исполняет, осуществляет, то это и следует называть Богом; объективно, логически и фактически доказательно истинное и исчерпывающее знание об этом и следует мыслить при восприятии, пропозитивации или при востановлении (символизации структуры) Бога. Такое знание этого и объясняет смысловое содержание им и следует определять его истинность. Если мы найдем, откроем, истинно и исчерпывающе познаем тот фундаментальный и всеобщий Логос, тот элементарно-структурный и причинно-следственный механизм, те начала бытия и наименьшие элементы сущего, на которые всякое сущее разлагается и из которых и которыми всякое сущее изначально составляется, зачинается, получается, развивается и обуславливается, и потом если в результате умозрения, но смыслологически и фактически истинного, выведения всего получающегося из этих начал бытия и наименьших элементов сущего мы будем получать выводимость, смыслологически стройную объяснимость и предвидимость всего того, что есть или может быть в субъективном и в объективном мире, то в результате всего этого и будет истинно и научно доказательно познан Бог. Все это и достигается в результате перехода умознания людей на смыслологику новой СНОЗ, в результате изучения оснований и основ новой СНОЗ, исторически первичное изложение которой дается текстами «Прологи новой СНОЗ» и «Логи новой СНОЗ». А чтоб апологетам старой теологии доказать иной смысл понятия Бог, им необходимо дать иное, но не менее доказательно-истинное смысловое содержание этого понятия. Но это сделать невозможно. А призывать людей к вере в Бога не раскрывая истинного смысла его, к вере в бессмысленного Бога или к вере в Бога с ошибочным или ложным, брехливым истолкованием смысла его — это дело лжетеологов, лжебогословов, лжеученых, это дело сатанинское.

Следовательно, тот, кто успешно изучит основания и основы новой СНОЗ и будет посредством ее находить, открывать, вырабатывать и выяснять найистиннейшие и наилучше-благопрогрессотворнейшие идеи и решения проблемных вопросов и будет ими руководствоваться, тот и будет в соответствующей мере идти вслед за Богом, согласуясь с Ним и приближаясь к Нему.

ГЛАВА 3.

Дополнительные и полемические рассуждения.

§ 1.

I

Влияет ли тонкость чувств на правильность суждений? Дает пищу для размышления рассуждение Гельвеция по этому вопросу: «Является ли большее или меньшее совершенство органов чувств, которое необходимо обнимает и совершенство внутренней организации, — ибо о тонкости чувств я могу судить только по результатам, — причиной неравенства умственных способностей людей?.. Придает ли уму большая или меньшая тонкость чувств большую обширность или большую правильность суждений, которая, взятая в истинном значении, заключает в себе все качества ума»¹⁾? Не будем здесь касаться вопроса о субъективных причинах и возможностях изменения тонкости чувств, т.е. чувствительности и различающей способности органов чувств, ибо, как и Спинозе, пока еще и нам не все известно о том: «к чему способно тело»..., что можно и чего нельзя вывести из одного только рассмотрения законов природы, рассматриваемой исключительно в качестве телесной, ведь и «до сих пор никто еще не изучил устройство тела настолько тщательно, чтобы мог объяснить все его отправления».. Никто не знает, далее, каким образом и какими средствами душа двигает тело, какую степень движения может она сообщить телу и с какой скоростью способна его двигать».²⁾ Но некоторые ответы на вопросы Гельвеция уже выводятся из предшествующего.

Если орган чувств субъекта А обладает большей чувствительностью, чем субъекта В, то субъект А, воспринимая

1). «Антология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 626—627.

2). Там же, стр. 381—382.

с субъектом. В один и тот же предмет в одинаковых условиях, будет различать и замечать все то, что различает и замечает субъект В, и будет еще, в отличие от субъекта В, различать и запоминать и очертания более мелких или более отдаленных элементов. Но сущность их для органов памяти обоих субъектов остается одинакова: это форма идеальной границы, прерывающей собой протяженности элементов соответствующего уровня сложности, которые взаимоотноительной особенностью своего качества и им производимого в чувствующем их органе ощущения взаиморазличаются и взаиморазграничиваются при помощи этой границы-ничто. И субъект А может точно ознакомить субъекта В с формой элементов того уровня сложности, которые различающей способностью чувств субъекта В не доступны, при помощи языка, демонстрации и изображения этой формы на более сложных элементах; а при помощи аналогии он во многих случаях может, хотя и не точно, передать ему особенности комплекса тех ощущений, в структуре которых фиксируется недоступная восприятиям субъекта В форма мелких элементов. Так зрячий знакомит слепого с формами и свойствами невидимых им предметов. Субъект В при этом приобретает опыт формирования представлений о недоступных его чувствам предметах. И если так сформировавшиеся у субъекта В представления достигают соответствия с представлениями субъекта А, которые для него являются представлениями извлеченной формы, то субъект В творческим формированием содержания своих представлений имеет возможность компенсировать не столь уж существенные для процесса творческого мышления преимущества органов чувств субъекта А. Более того, субъект В выигрывает тем, что приобретает опыт в творческом формировании истинных представлений и в оперировании ими в процессе мышления и познания; он приобретает умение выйти своим мышлением за пределы границы различающей способности своих же органов чувств, в то время как субъект А вырабатывает в себе большую склонность доверяться своим чувствам и опираться в познании на эмпирические данные. Таким образом, различие в совершенстве органов чувств в какой-то мере предопределяет собой неравенство predispositions к направлению и мере развития своих познавательных способностей, мышления. Однако это предопределение не фатальное и, будучи вовремя познанным и учтенным, может быть сознательно преодолено или использовано

в процессе образования и самообразования в зависимости от желаний, усилий и избранных направлений развития своих способностей.

Но если субъект пассивно следует так и туда, как и куда предопределяется он состоянием чувствительности и изменениями в его органах чувств, полностью подчиняя себя только им и не руководствуясь более глубоким истинным знанием, то его развитие и развитие вида таких индивидов сильно обуславливается возможностями и особенностями органов чувств. Состоянием, степенью и направленностью развитости тех или иных органов чувств у человека обуславливается предрасположенность или к более ускоренному или к замедленному развитию творческих способностей мышления и соответствующая особенность в содержании знания, развиваемого мышлением. Острота, например, зрения, память, мыслительное творчество и рутинность или инстинктивность поведения взаимообусловлены. Упомянутая же Гельвецием правильность суждений зависит не от тонкости чувств, не от глубины того уровня архитоники, который зафиксирован в смысловом содержании суждений, а от соответствия идеальной формы (а не размера) структуры протяженных элементов (= антиощущений) этого смысла с соотносимой к нему идеальной формой структуры материальных элементов предмета познания. И поэтому он прав, говоря, «что большее или меньшее совершенство организации, как внешней, так и внутренней, нисколько не влияет на правильность наших суждений».¹⁾

II

Про пустые слова и мысли.

Неверно, что «...вещь тогда постигается, когда она усваивается чистой мыслью помимо слов и образов»²⁾, как это писал Б. Спиноза. Она постигается тогда, когда уясняется не «чистой мыслью помимо слов и образов», а мышлением, содержащим и уясняющим в себе элементарно-структурный и причинно-следственный образ смыслового содержания в форме смысло-представления не зависимо от того, при помощи ли слов сформировано это содержание или без них. Без умо-наглядного, мышлением мыслящегося и осознающегося хоть

1). «Антология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 627.

2). В. Спиноза. Избр. произв. в 2-х томах. М. 1957 г., т. 2, стр. 70.

какого-нибудь смыслового (отобразительного) содержания представления, соотносимого к какому-нибудь предмету познания, никакая вещь и никак не мыслится и мыслями не отображается и не познается; такая мысль и такие слова, которые не образуют никакого смыслового содержания в мышлении, т. е. которые не вызывают никаких антиощущений с идеальными рамками-границами их с иными, есть пустая мысль и пустые слова. И очи логического доказательства, на что делает ставку Спиноза, из и при помощи пустых и чистых слов и мыслей без умонаглядных комплексов антиощущений образующихся образов, без смыслового содержания здесь не спасают. Логическое доказательство невозможно, если в исходных положениях этого доказательства нет несколькими индивидами адекватно понимаемого такого мысленного умонаглядного (умосознанием созерцающегося) содержания, из которого в результате адекватно понимаемых правил выведения (доказательства) однозначно, логически необходимо и убедительно следовал бы умонаглядный результат в виде образа, в виде умоосознающегося содержания смыслопредставления, одинаковый у доказывающего и у того, кому доказывается. Более того, то, что мыслится в уме как смысловое содержание данной мысли, есть и существует в нем на самом деле как реальный психический феномен, как структурный комплекс актуально антиощущающихся протяженных элементов его яйности с границами-ничто в местах взаиморазличения их, без чего мысль и оказывается пустой. Здесь дело лишь в том, чтобы еще более глубоко и конкретно познать суть и отобразительные возможности их, кроме того, что нам уже известно о них как о материально-идеальных элементах. Дело в том, как и какая форма смысловой структуры фиксируется и еще может фиксироваться на них как отобразительное содержание представления, и есть ли какое-нибудь соответствие ее со структурой предмета познания: если есть, то какое и в чем (по точности, по форме, по глубине и диапазону уровней сложности и по подробностям), можно ли и как можно достичь максимально возможного отображения (познания) предмета смысловым содержанием представлений, мыслей, идей. Уяснением этого мы и занимаемся, наряду с прочим.

Пустые мысли будут у человека до тех пор, пока в результате напряжения сознания и мышления (для чего чаще

нужны настолько незначительные усилия, что человек их и не замечает) в яйности его не проявится хоть какое-нибудь извлеченное из памяти и его сознанием осознающееся антиощущение. Но для этого и до этого необходимо образование в памяти хоть какого-нибудь опыта, необходимо наличие хоть чего-нибудь запомненного. А последнее образуется в результате деструктуризации восприятийной информации на множества таких мелких элементов памяти: каждый в отдельности из которых (не будучи связан с другими в какой-нибудь структуре в результате деструктуризации структуры восприятия) и не может вызывать собой антиощущающийся феномен яйности. Поэтому без наличия хоть какого-нибудь предшествующего опыта, без предшествующих каких-нибудь восприятий чего-нибудь не может образоваться какое-нибудь мышлением мыслящееся и сознанием осознающееся содержание представления, а может проявиться лишь мысленное напряжение, никакого смыслового содержания из памяти в представление не извлекающее и в себе не имеющее. Смысловое содержание представления (как и символическое, которое, правда, используется не для отображения предмета познания, а для связывания с ним и извлечения из памяти смыслового, отображательного) образуется из извлеченных из памяти смысловых (или символических) элементов яйности (= протяженность неразличного в себе антиощущения, взятая с формой его границы-ничто с иным антиощущением; в представлении отображательные элементы антиощущаются, т. е. зияют потребностью ощущаться, а в восприятии они ощущаются), хотя затем они и могут преобразовываться мышлением (уменьшение, увеличение, изменение формы, соединение или разъединение с другими и пр.). Именно в этом суть первичности данных опыта по отношению к содержанию представлений, мыслей, а не в том, что истинное смысловое содержание представлений не может быть создано без чувственного восприятия соответствующего предмета познания, и не в том, что такие-то отображательные данные опыта не могут быть получены как-то без восприятия именно этого или такого-то предмета. Становится совершенно ясной гносеологическая несостоятельность одного из основных положений прагматизма, что любое знание происходит лишь из другого знания, что всякому знанию предшествует другое знание и нет, де, первых начал знания, как это у Пирса (одного из основоположников прагматизма). Ведь знание раз-

вивается, появляется как знание из ему предшествующих форм отображения: восприятие, запоминание, извлечение из памяти запомненного и проявление его в виде содержания представления; ведь образование первых смысловых элементов, из которых составляется любое знание, начинается не от, не из знания, а от первых восприятий.

Предвосхитительно рассуждал Джон Локк: «... ум, будучи совершенно пассивным при восприятии всех своих простых идей, совершает некоторые собственные действия, при помощи которых из простых идей, как материала и основания для остального, строятся другие. Действия, в которых ум проявляет свои способности в отношении своих простых идей, суть главным образом следующие три: 1) соединение нескольких простых идей в одну сложную; так образовались все сложные идеи; 2) сведение вместе двух идей, все равно, простых или сложных, и сопоставление их друг с другом так, чтобы обозреть их сразу, но не соединять в одну; так ум приобретает все свои идеи отношений; 3) обособление идей от всех других идей, сопутствующих им в их реальной действительности; это действие называется «абстрагированием», при его помощи образованы все общие идеи в уме»¹⁾. Только следует заметить, что простые отображательные элементы, составляющие собой содержание представлений и идей, извлекаются из памяти самим человеком в результате соответствующих проявлений, актов, усилий своего сознания, своих органов мышления и организма и содержатся им в сфере проявлений феноменов явности (между сознанием и окружающим и содержащим его организмом), а не воспринимаются пассивно извне, как это выражено в приведенной цитате. А в память запоминающееся поступает через восприятия не идей, а архитоники комплексов ощущений, вызывающихся у человека взаимодействием тела его организма с объективными вещами и их отображениями. Поэтому и новое творчески сформированное смысловое содержание представления, новый результат творческого мышления может запомниться и перейти в опыт не непосредственно, а лишь через деструктуризацию соответствующих восприятий. Вот еще почему люди при объяснении своих идей вынуждены прибегать к различным демонстрациям, рисункам, через

1). «Антология мир. философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 421—422.

восприятия которых и запоминаются смысловые содержания новых представлений, идей и связанные с ними символические структуры.

А слова будут пустыми у человека до тех пор, пока не образуется связь какого-нибудь смыслового содержания с символ-структурой слова. И если чтение или слушание слов не сопровождается процессом формирования в мышлении связанных с этими словами смысло-представлений, то мышление при этом отсутствует, а идет лишь процесс восприятия отображений символических структур через восприятие звуковых, письменных или иных сигналов. А чтобы достичь правильного взаимопонимания между сказывающим или доказывающим и тем, кому сказывают или доказывают, необходимо оперировать понятиями с одинаковыми смыслами. И если говорящий говорит новые слова или старые слова, но с вложением в них нового смыслового содержания, и если это говорение не сопровождается соответствующей демонстрацией, рисунками и пр., то для слушающего это будут или только пустые слова, или они будут вызывать у него не такой смысл, какой мыслит при этом говорящий. В этом — источник отсутствия взаимопонимания и споров по поводу смысла слов, причина появления учеников, заучивающих разные суждения и слова и не понимающие их точного смысла. Здесь же и реакция имеет источник для изобретения средств и форм борьбы против прогрессивного развития познания и истинности знания: не уточнять и искажать смысл слов; всячески добиваться того, чтобы люди заучивали пустые слова, опираясь на веру, и не докапывались до взаимоустановления истинных смыслов этих слов; в преподавании акцентировать внимание слушателя на форму речи, внешнем виде и манере поведения лектора и поменьше демонстрации, поменьше углублений мышления до установления одинаковых и истинных смысло-представлений.

Подлинно научные сочинения, а значит и сочинения подлинно научной и истинной философии, должны иметь свою внутреннюю логику, вызывающую собой соответствующее смысловое содержание мысли, отсутствие чего нельзя компенсировать ни приятной болтовней, ни фельетонной солью, ни поэзией. Цель риторики и красноречия должна сводиться к тому, как это говорил Ф. Бэкон, «чтобы заполнить воображение такими образами и представлениями, которые бы помогали деятель-

ности разума, а не подавляли его». ¹⁾ Еще древние мыслители отмечали, что к красноречию и изяществу речи есть особая потребность прибегать в тех случаях, когда намереваются ложное, несправедливое и сомнительное дело выдать за противоположное; о вещах же достойных — любому человеку говорить очень легко. Красноречие должно вызывать отчетливую мысленную видимость и ясность того смыслового содержания, которое и следует разуть.

«Свет человеческого ума — это вразумительные слова, — верно писал Томас Гоббс, — однако предварительно очищенные от всякой двусмысленности точными дефинициями. Метафоры же и бессмысленные и двусмысленные слова, напротив, суть что-то вроде блуждающих огней, и рассуждать с их помощью — значит бродить среди бесчисленных нелепостей. Результат, к которому они приводят, есть разногласие и возмущение или презрение». ²⁾ А некоторые и сегодняшние философы усердно проповедуют идеи о том, что о наглядности в преподавании философии вообще нечего и разговаривать, что наглядность изображает, де, только конкретные объекты, а философия имеет дело с иными объектами (с пустыми словами? с пустым мышлением без мыслимого им отображательного содержания? или с таким содержанием, которое и есть и нет его?). Но разве можно добиться формирования истинного знания у слушателя, не добываясь всячески формирования в его мышлении обобщественными понятиями мыслимого им смыслового содержания? И разве может мыслимое мыслиться иначе, как не протяженность какого-то антиощущения, как-то ограниченную идеальным ничто? А разве в познаваемой нами реальной действительности, во Вселенной, может быть что-нибудь такое, что не было бы каким-нибудь протяженным нечто, какой-то формой границы-ничто отграничивающим себя от иного нечто? Лишь вся Вселенная не имеет границы с невселенским, если и т. к. она включает в себя абсолютное Все и невселенского нет. И чтобы истинно отобразить Вселенную, то таковым следует мыслить и смысловое содержание этого понятия — включающее в себя абсолютно всяковозможные и абсолютно все смыслы. А то, что фактические протяженность и объем отображательно-

1). Ф. Бэкон. Соч. в 2-х томах. М., 1971 г., т. 1, стр. 351.

2). «Антология мир. филос.», М., 1970 г., т. 2, стр. 332.

го поля нашего ума меньше, чем протяженность и объем реальной Вселенной, не имеет значения для отображения ее бесконечности вовне; к тому же следует учесть способности нашего ума отображать большое в меньших масштабах и малое в больших масштабах, способности переходить от рассмотрения в представлении одного участка смыслового содержания к рассмотрению другого и прочие способности. Ограниченный размер экрана телевизора не мешает показывать телезрителям необъятные просторы нашей планеты, и микромир и все прочее.

Новейшие результаты исследования процессов головного мозга человека с применением вживленных электродов (см. газ. «Правда» 18 июня 1974 г., статья «Слово и мозг», Н. Бехтерева) подтверждают изложенное в «Прологах...» по соответствующим вопросам и лучше объясняются. «Слова, услышанные человеком, вызывают два основных типа перестроек активности нервных клеток. В первом случае это отражение звуковых характеристик слова — первичный (акустический) код. Одновременно всегда наблюдается и изменение взаимоотношений близлежащих групп нейронов. Все более тонкое проникновение в структуру электрических сигналов позволило выделить в них отражение даже отдельных звуков — фоном, составляющих слово. Акустический код, как только он появился, адресуется в долгосрочную память — мозг «узнает» слово». Здесь пока речь идет только о процессе восприятия отображений символ-структуры понятия, при котором в результате ее деструктуризации в органе памяти происходит совпадение символ-структуры, поступающей процессом восприятия, и подобной символ-структуры, усвоенной органом памяти ранее, и возбуждение соответствующих образований из элементов головного мозга. «Перестройка активности нервных клеток второго типа, — пишет далее Н. Бехтерева, — и связаны с тем, что результаты первичной расщипровки акустического кода в базисе долгосрочной памяти вновь преобразуются в электрические сигналы — появляется новый, смысловой код». То есть в результате деструктуризации воспринимаемой символ-структуры понятия происходит возбуждение связанной с ней смысло-структуры этого понятия, без которой структура слова остается пустой, не имеющей никакого смысла и является только структурой, звукового или светового, или любого иного передвижения элементов и ими распространяющегося отображения. Как же

можно, учитывая это, говорить о возможности научить правильно мыслить так называемые «абстрактные понятия» без связывания их символ-структур с соответствующими смысло-структурами?! Это все равно, что слушать речь на неизвестном языке: символ-структуры не вызывают у слушающего тех смыслов, которые с ними связаны у индивидов, владеющих этим языком. «Динамика акустического и смыслового кодов в большей степени зависит от богатства индивидуальной долгосрочности памяти, от того, есть или нет в ней предварительное «знакомство» со «словом», — пишет Н. Бехтерева. И поэтому совершенно неверно, что «познание не обязательно должно начинаться с чувственного восприятия, а идет, особенно в высшей школе, преимущественно через усвоение научных абстракций»¹⁾. В высшей школе познание имеет возможность так идти не потому, что познание вообще возможно без связывания со словами умонаглядно представляемых образов, и не потому, что оно может начинаться не с чувственного восприятия, а потому, что студенты уже имеют возможность с различным успехом прибегать к самостоятельному формированию смысловых представлений и в тех случаях, когда преподаватели не помогают им это делать рисунками, демонстрациями и пр., а помогают это делать только словами. Они опираются при этом на предшествующий смысловой опыт, возбуждающийся в них восприятием символ-структур, исходящих от преподавателя, книг и пр. И лишь насколько есть уверенность у преподавателя, что его слова вызывают у студентов именно те и такие смысло-представления, какие имеет в виду, и преподаватель, настолько он и может не сопровождать процесс чтения лекции демонстрациями, чертежами и прочими средствами и приемами формирования соответствующих смысловых структур. Противники и умеренные ограничители наглядности в преподавании философии обосновывают свою позицию тем, что, мол, смысл абстрактных понятий принципиально не может быть наглядно изображен. «Поскольку философия — наука абстрактная, многие ее положения по природе своей не могут быть переведены на язык наглядных образов, чувственно-конкретных представлений.. Идти по пути сведения абстрактной философской мысли к наглядно-чувственным образам обыденного созна-

1). «Основы методики преподавания философии», М., 1971 г., стр. 210.

ния — это значит зайти в тупик»¹⁾. Таким образом, предполагается, что какая-нибудь наука может иметь какое-то понятие, называемое абстрактным, которое имеет такую символ-структуру, которая, будучи воспринята человеком, не вызывает и не должна вызывать хоть какого-нибудь смыслопредставления?! Но если это так, то это не есть понятие. Это значило бы, что цельный и замкнутый круг процесса обработки словесной информации оборвать и остановиться на одном его звене — только на восприятии ощущения звуковых колебаний лектором произносимых слов, удовлетвориться только восприятием сотрясений воздуха. А если все же предполагается необходимость наличия какого-нибудь смыслопредставления, то может ли последнее не быть каким-то протяженным антиощущением (нечто) со своим ничто, посредством которого оно отграничивается от иного? И т. к. оно не может не быть таким, то для уточнения и для оказания помощи в правильном формировании смыслового содержания изучающегося понятия у слушателей, еще не знающих его, можно и должно прибегнуть к наглядному изображению его смыслового содержания всевозможными средствами и добиваться того, чтобы у слушателей образовались и закрепились символ-структура и смысло-структура этого понятия и ранее уяснявшаяся нами функциональная взаимосвязь между ними. Потому-то доброжелающие учителя и не рекомендуют заучивать тексты без понимания их смыслов, а последнее достигается тем, что последовательный и неторопливый процесс внимательного восприятия (чтения или слушания) символических структур сопровождается у этого человека соответствующим процессом извлечения из его памяти таких смысловых элементов и формирования из них таких более сложных смыслов, как у учителя.

Символические структуры математической формулы, речи или текста никак еще не отображают соответствующий предмет познания, если они не вызывают и не формируют в уме воспринимающего их человека адекватное смыслопредставление, элементарно-структурным содержанием которого (протяженности антиощущений и формы границ между ними) только и может человек мысленно отображать предметы познания. И знания квантовой физики при всей их необыч-

1). В. Е. Давидович. «Методика преподавания философии». Изд. РГУ, 1971 г., стр. 44—45, г. Ростов-на-Дону.

ности неизбежно приходится излагать преподавателям естественным языком, приходится переходить от языка математики к смысловой сфере естественного языка. И поэтому человек, желающий в мышлении отображать и истинно познавать интересные его предметы, должен руководствоваться логическим правилом: любое предназначенное для этого представление, понятие или суждение обязательно должно мыслиться как смысловое содержание, составляющееся протяженностями антиощущений и непротяженными границами-ничто между ними в местах взаиморазличия, без чего никакое отображение и познание никаких предметов невозможно. А для того, чтобы предмет познания отображать в какой-то мере и в каком-то отношении истинно, необходимо, чтобы между структурой элементов предмета и отображающим его смысловым содержанием мысли имелась какая-то мера соответствия в таком-то отношении. Суть же содержания предмета и его отображающего смысла, имеющая значение для процесса отображения, одна и та же: это протяженности материального в элементах предмета познания и идеальные границы-ничто между ними и протяженности антиощущений смыслового содержания мысли и идеальные границы-ничто между ними.

III

О познании будущих состояний предмета.

«Несомненно одно, — писал Томас Гоббс, — чем богаче опыт человека, тем он более благоразумен и реже обманывается в своих ожиданиях». ¹⁾ Но не следует впадать в односторонность и переоценку опыта. Представим себе человека с самым богатым, обширным и разнообразным опытом: он много видел, хорошо все запомнил и хорошо вспоминает. И все же ошибки в предвидении этим не исключаются. Такой человек не будет ошибаться в неизменной среде и по поводу неизменяющихся предметов или изменяющихся наблюдавшимся им образом. Но он будет часто впадать в ошибки по отношению к так изменяющемуся и развивающемуся в реальности, как он этого еще не наблюдал, именно из-за своего богатого опыта, — если этот опыт он использует лишь как представление извлеченной формы, если он не научится фор-

1). «Антология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 316.

мировать из истинных элементов опыта истинно развивающееся знание о развивающихся и изменяющихся предметах. «Только настоящее, — пишет далее Гоббс, там же, — имеет бытие в природе, прошедшее имеет бытие лишь в памяти, а будущее не имеет никакого бытия». И здесь неточность, т. к. допускается отрыв времени от сущего реальности, тогда как время любого сущего реальности определяется и измеряется количеством длительностей сохранения неизменности соответствующих форм своего существования по сравнению с этим же у иных сосуществующих образований. В памяти фиксируются отображения состояний ранее воспринимавшихся реалий и сохраняются неизменными (как и насколько способна на это эта память), тогда как отобразившаяся в них реальность изменяется и развивается независимо от того, что какое-то ее отображение где-то сохраняется неизменным. «Будущее есть лишь фикция ума, — рассуждает далее Гоббс, там же, — применяющего последствие прошлых действий к действиям настоящим, что с наибольшей, но не абсолютной уверенностью делает тот, кто имеет наибольший опыт.» А следует рассуждать так: будущее предмета познания не есть, но только будет; однако отображение его, зафиксированное в структуре комплекса антиощущений, можно сформировать в уме. Если ум из опыта, полученного от предшествующих восприятий природы, мысленно выводит последующие состояния отображения предмета познания (знания о предмете познания) как истинно возможные в таких-то условиях, то все дело лишь в соответствии и несоответствии пространственно-временной и причинно-следственной структуры элементов реального предмета и знания о нем. И с наибольшей уверенностью истинные мысленные прогнозы делает не тот, кто имеет наибольший опыт, а тот, кто наиболее развил и усовершенствовал в себе способности своего разума и формы разумного мышления, т. е. умение в своем уме брать из опыта истинное исходное знание о сути, составе и структуре элементов предмета познания и истинно развивать (выводить) его мышлением до соответствующих последующих состояний в соответствующих условиях, в результате и в меру истинности чего и будут надежно и убедительно угадываться возможные и неизбежные состояния предмета познания в будущем. Такой человек и будет в соответствующей мере мудрым, предвидящим и благоразумным. Обладание упрежденным

знанием о будущих состояниях предмета дает возможность человеку выбрать наиболее желательные, важные, выгодные и правильные цели будущего, позволяет подчинить теперешнее поведение ради выбранных целей будущего, позволяет предугадывать последствия и подготавливаться к ним, обуславливает устойчивость человека в поведении, противостоящего всему теперешнему, сбивающему его с установки на упрежденную цель, избегаются ошибки, уменьшается суета и хаос, повышается предопределенность теперешнего не только прошлым, но и будущим, что обуславливает собой и повышение негэнтропии и в поведении индивида и в общественной системе. Такие знания дают людям веру, убежденность, смелость и покой, тогда как без него человек суетится, не верит и боится.

Верную идею о том, что только один наш прошлый опыт относительно какого-то предмета не может ничего доказать относительно будущего этого же предмета, Юм всячески старается использовать для обоснования отсутствия у человека иных средств и способностей для познания, кроме данных чувственного опыта, беря и рассматривая эти данные как неизменные снимки состояний предмета в моментах наблюдения и не вдаваясь в исследование существенных различий и отображательных способностей восприятия и представления. Но в том то и дело, что, кроме чувственного восприятия, следует познать иные формы, возможности и способности человека к познанию и всячески стремиться их развивать, совершенствовать и использовать, а не ограничивать их. Если отказаться от познания средствами разумного мышления, способного извлекать из памяти данные опыта и истинно развивать из них знание к тем состояниям, которые мы и желаем предугадать в реально развивающемся предмете познания, тогда познать будущее из прошлого опыта мы можем только экстраполяцией прошлого опыта на будущее на основании привычки, предположения и веры в то, что т. к. и насколько настоящие восприятия этого предмета имеют соответствие с прошлым опытом, полученным от этого же предмета, то и настолько будущие восприятия этого же предмета в соответствующих условиях будут иметь соответствия с настоящим, а следовательно и с прошлым опытом относительно этого же предмета. Изменения, развитие предмета таким мышлением не учитываются, не схватываются, не познаются. Такие умозаключения являются лишь результатом примене-

ния форм эмпирического, рассудочного мышления, ограничивающегося лишь знанием чувствами доступного и чувствами наблюдаемого и не основывающегося на знании тех промежуточных и глубинных элементарно-структурных процессов, которые на самом деле и опричинивают таковы существования вещей, чувственности доступных уровней сложности, и из неизвестности которых делают вывод о невозможности иных форм познания, о невозможности познания запытного, находящегося за пределами чувственности доступного, делают вывод, что «руководителем в жизни является не разум а привычка»¹⁾, тогда как руководителем в жизни является истина, вернее, познающееся разумом истинное знание.

§ 2.

I.

По мнению Канта перед человеческим познанием поставлена альтернатива: или признать непознаваемость объективной реальности, или отречься от претензий разума на способность к истинному познанию и предаться безисходному скептицизму. Но такая альтернатива возникает тогда и потому, когда все познавательные способности человека сводить только к использованию одного опыта, без творческой обработки его, к использованию запомненного в памяти, а знание сводить только к запомненным данным чувственного опыта. А т. к. истинная сущность и роль объективной идеальности (в ее новом смысле) оставалась не познанной, а без признания такого идеального ничто в реальности, которое могло бы входить в субъективное из объективного и выходить из субъективного в объективное без обязательного вынесения при этом вхождения и без обязательного вынесения при этом выхождении того материального, которое переносит собой это ничто, познающая субъективность оказываться заточена в сфере субъекта, не выходит и не посылает своего отображению из себя за пределы своего в сферу объективного и не принимает в себя отображений не себя из сферы объективного, то Кант (и не только он) приходит к выводу о непознаваемости объективной реальности и ищет опоры для сбалансированной феноменов познания в свободе субъективного произвола человеческого интеллекта, давая субъективную

1). Д. Юм. Соч. в двух томах, М., 1966 г., т. 1, стр. 800.

интерпретацию априорному познанию (познанию за сферой непосредственно данного сознанию в чувствах) и чувственным данным, роль которых в познании неоспорима. Верно, что наше познание начинается с опыта, с чувственного восприятия явлений внешнего. Но истиннистское, или немонистическое диалектико-материалистическое мышление обязано рассмотреть феномен процесса познания в развитии, во всех его состояниях и на всех этапах, а не ограничиваться фиксацией какого-то одного этапа; недостаточно знать, с чего оно начинается; необходимо глубоко и точно уяснить сущность того, с чего оно начинается, и уяснить и проследить весь ход и познавательные возможности процесса познания в его развитии до наиболее эвристичных форм его, до того, во что оно уже развилось и еще может быть развито, и закончить это уяснение познания и знания возвращением к познанию того, с чего оно начинается, чтоб познать его истинно, и исчерпывающе и, заложивши его в фундамент новой СНОЗ, выводить объяснения всего нас интересующего.

Выше было уяснено, что символ-структура без смысло-представления не есть понятие, т. к. при этом отображение предмета познания не мыслится. В связи с этим представляется полезным разбор некоторых рассуждений Канта. Смысло-представление находится не в предмете познания, а в смысловом содержании понятия или суждения об этом предмете, что признает и Кант. «Поэтому можно, пожалуй, с полным правом сказать, — пишет он, — что чувства не ошибаются, однако не потому, что они всегда правильно судят, а потому, что они вообще не судят». ¹⁾ Это нуждается в уточнении, т. к. Кант переоценивает роль чувств. Чувств не ошибаются и дают предельно достоверную информацию о предмете, познающемся восприятиями, постольку и до тех пор, поскольку и пока она (информация) вызывается непосредственным воздействием чувствующегося и правильно выявляется в восприятии. Верно, что чувства не судят, но через них входит в субъект то, что затем запоминается, извлекается из памяти и включается в содержание, мыслимое любой формой мышления (представлением, понятием, суждением и пр.). Однако форма идеального, выявляемая чувствами в процессе восприятия (как форма границ между

1) И. Кант. Соч., М. 1964 г., т. 3, стр. 336.

различными ощущениями), сразу же отчуждается от чувствующегося объективного и запоминается, что сразу же настолько ведет к появлению несоответствия между предметом и запомнившимся о нем, насколько предмет изменяющийся, а запоминаемое и вспоминаемое об этом предмете остается неизменным. А последнее для памяти и является существенно характерным; тем она и проявляется, что принимает структуры восприятий, запоминает и сохраняет их относительно неизменными; и чем лучше это выполняется, тем и память лучше. Поэтому чувства-то не ошибаются, но запомненные чувственные данные, извлекающиеся в представление из памяти в результате воспринимания функционально связанных с ними символ-структур, сразу же становятся источником ошибок по причине сохранения своей неизменности, если они относятся к изменившемуся предмету. Вышеприведенную цитату Кант продолжает так: «Следовательно, и истина, и ошибка, а значит, и видимость, вводящая в заблуждение, имеют место только в суждении, т. е. только в отношении предмета к нашему рассудку». 2) Истина и ошибка имеют место не в суждении, а в наличии и в отсутствии соответствия между предметом и смыслом суждения, который (смысл) истинный или ложный.

Знание, направляющееся к истинности, должно согласовываться не только с одними чувствами и не только с рассудком, а прежде всего с реалиями тех состояний и возможностей предмета познания, которые в нем познаются или которые этим знанием желают отобразить. Рассудок лишь средство для достижения этого, а чувства — средство для получения элементов опыта, для запоминания, для фиксации содержания знания, для проверки истинности знания, полученного в результате опыта или в результате рассудочного или разумного мышления, и для использования его в процессе самоуправления практикой и поведением.

Верно, что «В чувствах не содержится никакого суждения — ни истинного, ни ложного» (там же, стр. 337), т. к. суждение является высшей и более сложной формой познания, чем чувство; оно содержит в себе результаты чувственной формы и содержаться в чувстве не может. А далее Кант ошибается, утверждая, что «Так как у нас нет иного источ-

2). Там же, стр. 336.

ника знания, кроме этих двух, то отсюда следует, что заблуждение происходит только от незаметного влияния чувственности на рассудок, вследствие чего субъективные основания суждения соединяются с объективными и отклоняют их от их назначения...». А следует рассуждать здесь так: нет иного источника знания, кроме чувственности и рассудка, а все те формы познания, которые позволяют получать более полное, более развитое и совершенное истинное знание, стоят после чувственности и рассудка и все первичные сведения об объективном проходят в субъективное знание через чувственность — как формы и взаиморазмеры границ-ничто между взаиморазличающимися нечто, восприятием выявляющиеся. И отсюда вовсе не следует, что «заблуждение происходит только от незаметного влияния чувственности на рассудок», а напротив, они происходят от такого влияния рассудка на чувственные, эмпирические данные в ходе формирования знания, в результате которого чувственные данные, извлекающиеся из памяти, изменяются рассудком не так, как изменилось, изменяется, или будет или может изменяться им соотносимое в предмете познания, вследствие чего субъективные основания и произвол рассудка разрушают соответствие между реалиями предмета познания и знанием о нем. А Кант ведь вышеразобранные ошибочные положения использует для дальнейшего развертывания своей системы понятий. И при всем этом он, выполнивший такую большую работу по уяснению познавательных способностей разума, не выяснил, даже и не выяснял вообще, сущности знания, а брал его как нечто само собой разумеющееся, прямо в форме суждений и примеров из наук (математики в особенности), в то время как оно диалектически противоречиво и материалистично по происхождению, по развитию, по составу (идеальное и материальное субъективной реальности, берущее на себя или содержащее в себе какое-то и в чем-то соответствие с предметом познания, символическое и смысловое), по формам своего развития и пр. И опыт следует рассматривать не как совокупность ощущений и восприятий имманентно присущих субъекту, как это делают идеалисты, а как запомненные идеальные границы различения ощущений в восприятии, пришедших от объективного в субъективное через них и ими и включающих в себя также и результаты преобразований объективного в ходе индиви-

видуальной или общественно-исторической практики, т. е. и результаты объективизации и опредмечивания эмпирических, рассудочных и разумных знаний.

По существу верно писал Кант, что: «...Существуют два основных ствола человеческого познания, вырастающие, быть может, из одного общего, но неизвестного нам корня, а именно чувственность и рассудок: посредством чувственности предметы нам даются, рассудком же они мыслятся».1) Но, признав это, он не видит и не исследует сущности и специфики того и другого и из чего и как они возникли, во что развиваются и переходят, не видит и не исследует диалектической противоречивости и взаимосвязи чувств и мышления, фиксации и переноса ими информации, а разрывает, обособливает и ставит их не так, как они на самом деле друг за другом следуют, как они вырастают, друг друга питают и развиваются, друг другом обуславливаясь; Кант противопоставляет их и не естественно изображает их как чуждые, разорванные и несогласующиеся между собой и пытается обособленно рассмотреть то и так, что и как, по его мнению, позволяет решить вопрос о возможности априорного синтетического знания.

«...С помощью чувственности, — пишет Кант, — мы не то что неясно познаем свойства вещей в себе, а вообще не познаем их, и, как только мы устраним наши субъективные свойства, окажется, что представляемый объект с качествами, приписываемыми ему чувственным созерцанием, нигде не встречается, да и не может встретиться, т. к. именно наши субъективные свойства определяют форму его как явления».2) А на самом деле с помощью чувств мы несомненно познаем акт существования своего субъективного и объективного и настолько ясно познаем идеальную форму материального в структуре вещей, насколько это позволяет делать чувствительность и различающая способность органов чувств в процессе восприятия и насколько мы правильно и всесторонне выразнообразили состояния движения воспринимающего органа относительно воспринимаемого предмета, выявляя его архитонику в процессе восприятия; кроме этого, через чувственные данные мы познаем и свойства вещей в себе.

1); Там же, стр. 123—127.

2). Там же, стр. 145—146.

но уже в субъективной окраске ощущений. И как только мы устраним процесс чувственного восприятия вещи, мы можем вспомнить и мысленно представить себе вид чувственно воспринимавшего предмета. И истинность формы структуры-ничто, очерчивающей собой такости антиощущений этого представления, зависит от соответствия, установившегося в результате восприятия этого предмета и сохранившегося в памяти и в мышлении, и от последующей изменяемости или неизменяемости предмета познания, этого представления о нем, позиции соотнесения этого представления к этому предмету или точки зрения и окружающих условий после акта восприятия этого предмета. Что же касается истинности ощущений, получавшихся от восприятия этого предмета, то в представлении они заменяются антиощущениями, могут взаимозменяться и зависят от изменения состояний не только в предмете познания, но и в теле субъекта. Изменениями в субъективных свойствах нашего тела, происходящими в результате взаимодействия со свойствами объективного предмета в процессе отражения, и выявлениями сохраняющихся граня объективных такостей в результате движения субъективного относительно чувствующегося объективного в процессе восприятия мы и определяем форму объективного, проявляющегося как явление такостями существования своего реального состава в такостях существования состава субъективной реальности. Мышление же не проясняет чувственные данные, а может творческим произволом и свободой и усилием воли и сознания субъекта рассудочно или разумно формировать из них новые умознанием мыслящиеся умозрительные структуры и созданием более дробных истинных смысловых элементов и различных структур истинного смыслового содержания (знания) может выйти познаванием за пределы познающего только чувствами, в том числе и за пределы чувствам доступного.

II

«...Рассудок есть нечувственная способность познания»¹⁾, но процесс рассуждения вызывается, обуславливается и протекает при поступлении из памяти того материала, по-

1) Там же, стр. 166,

средством которого и осуществляется взаимовлияние и взаимодействие между сознанием и памятью и в результате чего и проявляются у субъекта антиощущения как феномены его яйности, т. е. того материала, которым замещается потребность субъективного тела в чем-то объективном. Без чувственности и «независимо от чувственности мы не можем иметь никаких созерцаний»²⁾, чувственностью несомых, но и без хоть какого-нибудь антиощущения мы не можем иметь никакого здравого рассуждения. Здравый рассудок не есть способность созерцать чувственно, но появление его возможно лишь при наличии способности к умосозерцанию. Созерцания чувственные зависят от воздействия внешнего, а созерцания мысленные (умосозерцания) — от наличия в теле потребности на внешнее, от воздействия на память отсутствия потребного телу внешнего и от проявления этой потребности в форме антиощущения в той среде субъективной реальности данного организма, которая подвласна его сознанию и мышлению. Стало быть появление и существование умозрительного представления или смысло-представления зависит от субъекта, от его потребностей и интересов. Истинность же смыслового содержания мысли зависит от соответствия его с предметом познания. Но формирование смыслового содержания представления или смысла понятия зависит от способности сознания и органов мышления извлекать из опыта, разлагать и соединять мысленные элементы, от гибкости и подвижности рассудочных действий субъекта, что находится в прямой зависимости от меры того в организме, вокруг его сознания и в сознании, что предъявляет собой запрос на потребное телу, что вовлекает собой и в себя потребное сущее телу. У Канта рассудок в акте внимания «сообразно мыслимой им связи всегда определяет внутреннее чувство к такому внутреннему созерцанию, которое соответствует многообразному в синтезе рассудка» (см. там же, стр. 208), а у нас рассудочность возбуждается и актуализируется под влиянием чувствуемости субъективного (внутреннего), вызывающейся усиливающим сознание и формирующим потребность и антиощущения. И актами сознания и органов рассудочной деятельности мышления субъект формирует, синтезирует, собирает знание в

2) Там же, стр. 466.

поле умозрительного внимания из отображательных элементов опыта, извлекающихся из памяти, — формирует знание, которое должно соответствовать предмету познания или цели познания и мышления вообще. Сознание и рассудок не находят в антиощущениях опоры для формирования истинного умозрительного представления, а сознательно-произвольно двигаясь и приводясь в активность наличием и увеличением того, чем замещается сущее, его организму потребное. извлекает из памяти антиощущения и из них состоящие отображательные (смысловые) структуры и пользуется ими или переформирует их в новые смысловые структуры, сообразуясь при этом со своими интересами, с ситуацией условий, с опытом и с данными текущих восприятий в процессе практики. Произвольная свобода мышления, когда оно проявляется, не ограничивается чувствами, (а проявляется оно благодаря достаточному наличию того поступающего к сознанию, чем замещается этому организму потребное сущее, и когда имеются участки памяти, свободные от поступления туда восприятийных чувственных данных); но истинность результатов мышления требует соответствующих ограниченностей и привлечений, рогаков и прерогатив в таковых мыслительных усилий и действий с и над мыслимым с целью приведения его к соответствию с предметом познания. Неверно, что «рассудок ограничивает чувственность не расширяя этим своей собственной сферы...» (Кант, там же, стр. 333); он расширяет познавательные возможности человека, которые не ограничиваются чувственностью. И задача рассудка состоит не в предупреждении чувственности, «чтобы она не притязала на знание вещей в себе и занималась лишь явлениями» (там же), а в том, чтобы наиболее эвристично использовать истинные данные чувства для дальнейшего развития знания и для более углубленного и истинного познания и вещей в себе, и вещей, находящихся за пределами чувствам доступного. Рассудок не ограничивает чувственность, а расширяет и преодолевает ее ограниченность, дает возможность познать и то, что одними восприятиями чувствами не познаешь.

При мышлении неречевой формой представления рассудочность проявляется процессом разъединения соединения, соотнесения, расположения извлеченных из памяти мысленных элементов предшествующего чувственного опыта; а при мышлении речевыми формами (понятия, суждения) этот же

процесс рассудочности проходит в функциональных связях с символ-структурами и проявляется в форме суждений, рассуждений и пр. И поэтому «рассудок можно вообще представить как способность составлять суждения» (там же, стр. 167), но нельзя его сводить только к этому, т. е. рассудочное мышление проявляется и при неречевом мышлении, при мышлении представлением без символ-структуры.

Процесс обобщенности связей смыслового содержания понятий, которыми оперирует рассудок, Кант объясняет не как результат выявления и запоминания тождественного в связях воспринимаемых элементов и извлечения из памяти уже обобщенно запомненного, а выдумывает для этого принцип необходимого синтетического единства апперцепции, из представления априори вносящий, подводящий или предопределяющий собой тождественное в восприятия или под восприятия. «Итак, синтетическое единство многообразного (содержания) созерцаний как данное априори есть основание тождества самой апперцепции, которая априори предшествует всему моему определенному мышлению. Однако не предмет заключает в себе связь, которую можно заимствовать из него путем восприятия, только благодаря чему она может быть усмотрена рассудком, а сама связь есть функция рассудка, и сам рассудок есть не что иное, как способность априори связывать и подводить многообразное (содержание) данных представлений под единство апперцепции. Этот принцип есть высшее основоположение во всем человеческом знании» (там же, стр. 193). Словом, Кант опирается на смутно им представляющуюся связь позднейших восприятий, следующих уже после предшествующего запоминания их в памяти, а поэтому представления предшествующих восприятий могут предшествовать текущим восприятиям и сопровождать их. Но в структуре извлеченных из памяти представлений, как известно, уже осуществился процесс отображения и обобщения ранее воспринимавшихся человеком единичных предметов реальности. Это-то и обуславливает внимание читателей к выдумкам Канта, а порой и соглашение с ними. Источником правдоподобия в рассуждениях Канта о различении основоположений возможности всякого созерцания служит действительно проявляющееся в мышлении различие гекта представлять, «видеть», умосозерцать знание и актов мысленной обработки его в поле воображения (извлекать,

соединять, разъединять и пр.), т. к. мышление занимается и имеет дело с мысленными элементами (с протяженными антиощущениями, берущимися с их идеальными границами) и с обработкой их. Всеми признающийся процесс рассудочной обработки знания служит Канту источником для правдоподобия в его рассуждениях об априорных условиях первоначально-синтетического единства апперцепции для осуществления связей мыслимого, в которых (рассуждениях) он разрывает, путает и переставляет порядок следования, порождения и причинения: восприятия и представления; опыта и нового творчески произведенного; связываемых мышлением мысленных элементов знания и те связи, которыми связываются мысленные элементы знания; мыслящего, мыслимого и познаваемого; мысленных связей и взаиморасположений мыслимого и выполняемых мышлением связываний и расстановок им мыслимого и познаваемых связей и взаиморасположений связывающегося и взаиморасполагающегося в познаваемом.

Разум, по мнению Канта, приводит рассудок в полное соглашение с самим собой посредством подведения многообразия правил рассудка под единство принципов разума, подобно тому как, по его же мнению, рассудок подводит многообразное содержание созерцания под понятия и тем самым придает многообразию связность. «Таким образом, разум имеет отношение только к применению рассудка, ...для того, чтобы предписать ему направление для достижения такого единства, о котором рассудок не имеет никакого понятия и которое состоит в соединении всех действий рассудка в отношении каждого предмета в абсолютное целое»¹⁾. А «абсолютное целое всех явлений есть только идея, так как мы никогда не можем образно представить это целое, и потому оно остается проблемой без всякого решения» (там же, стр. 359). Устремляясь к идее абсолютного и никогда не достигаемого целого, разум у Канта предписывает свои принципы рассудку, а рассудок свои правила предписывает синтезу созерцаний в воображении. Гегель же раздувает здесь свою идеалистическую систему абсолютной и по гегелевски диалектической идеи.

А на самом деле, разум человека есть реальная целост-

1). И. Кант. Соч., М., 1964 г., т. 3, стр. 358.

ность его памяти, сознания и органов мышления со всей целокупностью их составляющего, и со всей целокупностью познавательных способностей, — реальная целостность, достигшая в своем развитии такого состояния, когда субъект оказывается способным познавать реальный предмет не только чувственными, но и рассудочными и разумными формами познания, когда он приобретает способность познавать предмет во всей его целостности и во всех существенных способностях его элементов и структур на всех уровнях сложности и когда он разумными формами мышления преодолевает ограниченности чувственных и рассудочных форм.

Разумные формы научного познания реальности, при которых предмет познается во всех необходимых и достаточных подробностях, взятых в единстве и в общей взаимосвязи и позволяющих уяснить сущность пространственно-временной и причинно-следственный механизм и закономерности развития этого предмета как целостной элементно-структурной системы, являются высшими по сравнению с рассудочными и подчиняющими себе последние. Если рассудок овладел формальными операциями, действиями, правилами вывода и методом в ходе рассудочной обработки опыта и знания, то он их не меняет, а обобщает, укрепляет и стремится придерживаться их, что часто приводит мышление к противоречиям, т. к. правила вывода и метод познания ведь вырабатываются в результате познания структуры элементов познающихся реалий, которая обеспечивает развитие этого предмета; а с развитием его меняются не только те свойства и состав элементов этого предмета, но и сама та структура, с познания которых сняты логические правила вывода и метод, путь выведения. И поэтому изменить правила вывода и метод можно только опираясь на истинные результаты познания целостного и развивающегося предмета — если мы хотим успеха в познании, — что достигается только разумными формами мышления. Основанием для различия в мышлении рассудка и разума является не то, что предшествующее развитие философской мысли, от Аристотеля до Гегеля наметило и развило это различие, а, наоборот, это различие в истории развития познания имело место потому, что сам состав деятельности мышления в процессе познания содержит в себе различие,

дающее основание для различения рассудочного и разумного мышления.

III

«Категории суть понятия, — пишет И. Кант там же, стр. 212, — априори предписывающие законы явлениям, стало быть, природе как совокупности всех явлений. Так как категории не выводятся из природы и не соотнобразуются с ней как с образом (ибо в таком случае они были бы только эмпирическими)». Не выводятся из природы и не соотнобразуются с ней они потому, что это не может или не хочет делать Кант; а на самом деле, как мы уяснили, они выводятся и соотнобразуются. Только эмпирическими же они являются не потому, что иными не могут быть, а только потому и только у тех мыслителей, которые не способны или не желают дальше развивать содержание понятий и доводить развитие их смыслового содержания до высшей и более совершенной формы, полнее, глубже и точнее отображающей отображающееся в нем. Поэтому-то и возникает у Канта вопрос: «как понять то обстоятельство, что природа должна соотнобразоваться с категориями, т. е. каким образом, категории могут априори определять связь многообразного в природе, не выводя эту связь из природы» (там же, стр. 212). И далее Кант решает эту загадку, путаясь в неясностях и используя неуясненности сущностей и различий восприятия, представления, понятия и других форм познания и самого знания, часто смешивая мышление или познание вообще со знанием и опираясь на то, что содержание представления начинает входить в мышление исхождением из опыта, как будто изнутри субъекта. Он строит на этом свои измышления об априорных основаниях представлений субъекта, дающих субъекту возможность познания чувственного, чем и подводит природу под понятия и субъективирует чувственность, превращая ее в форму, непригодную для познания объективного. Сюда же он пристегивает ранее измышленное положение о том, что «законы существуют не в явлениях, а только в отношении к субъекту, которому явления присущи, поскольку он обладает рассудком... Многообразное (содержание) чувственного созерцания связывается способностью воображения, которая зависит от рассудка» (там же, стр. 213), как будто форма архитоники чувственно воспринимающегося стола составлена

рассудком, а не выявляется чувствительностью субъекта во внешнем (в объективном) по отношению к своему субъективному. Это очевидное противоречие Кант и пытается устранить при помощи рассуждений о пространстве и времени как об априорных формах познания чувственного, переваривая все вверх ногами.

IV

Сопоставление.

И. Кант пишет, что: «Мы не можем мыслить ни одного предмета иначе как с помощью категорий» (там же, стр. 214).

А на самом деле мы можем мыслить любой предмет не только в форме понятия, но и в форме представления.

«Мы не можем, — читаем у него там же, далее, — познать ни одного мыслимого предмета иначе как с помощью созерцаний, соответствующих категориям».

А на самом деле мы не можем мыслить предмет тогда, когда мы его созерцаем, воспринимаем чувственностью, если при этом хоть как-нибудь не отвлекаемся от этого созерцания, и не можем истинно познать мышлением иначе, как не с помощью смыслового содержания представления или смысло-представления, соответствующего предмету познания, данного или не данного чувственному созерцанию.

«Но все наши созерцания чувственны», — пишет там же Кант.

А на самом деле следует различать противоположные феномены чувствования, ибо у нас есть восприятия, элементы содержания которых ощущаются, и есть представления, есть умозрение, элементы содержания которых анти-ощущаются, т. е. проявляются как феномен воспоминания ощущений.

«И это знание, поскольку предмет его дан, имеет эмпирический характер», — продолжает Кант.

А по-моему, чувственно данное созерцание, восприятие предмета вообще не есть знание, а есть фактическая данность предмета; и по Ленину: «чувственное — первое, само по себе существующее и истинное» (Полн. собр. соч., т. 29, стр. 46).

«А эмпирическое знание есть опыт», — пишет далее он.

А по-моему опыт не есть знание, а есть лишь запомненные данные чувственных восприятий, и следует искать возможности запоминать и превращать в опыт не только эмпирическое зна-

ние, но и разумное, изменяющееся и развивающееся так, как изменяется и развивается предмет познания.

«Следовательно, для нас возможно априорное познание только предметов возможного опыта», — читаем далее у Канта, там же.

А по-моему следует искать и выяснять возможности априорного познания и того в реальности, что непосредственно не доступно чувственности, но истинному познанию и запоминанию чего можно помочь рисунками, моделированием, модельной организацией знания и всякой прочей всячиной, пригодной для познания и для достижения исчерпывающего, окончательного и предельно истинного знания о всем нас интересующем.

У Канта «опыт возможен только посредством представления о необходимой связи восприятий» (там же, стр. 248).

А по-моему, образование опыта возможно только посредством запоминания взаиморасположений и связей идеальностями ограниченных элементарных ощущений в восприятии; а представления возможны как извлечение из опыта и формирование из мысленных элементов всяково возможных связей и образований смыслового содержания, критерием истинности формы идеального у которого является соответствие с формой идеального у тех и таких связей материально-идеальных элементов предмета познания, воспринимаемого и невоспринимаемого чувственно в нем или мышлением мыслимого о нем, какие в нем есть на самом деле.

§ 3,

I.

«В опыте, — писал Фихте, — неразрывно связаны друг с другом вещь — то, что должно быть определено независимо от нашей свободы и на что должно быть направлено наше познание, и интеллигенция, т. е. то, что должно познать». 1) Неверно! Предмет познания и его познающее в субъекте не неразрывно связаны друг с другом в опыте, а, наоборот, разрывно; если они не одно и то же, то они отделены друг от друга, в крайнем случае, идеальной границей — ничто; а если они одно и то же, то нет необходимости и будет ложно

1). «Антология мировой философии», М., 1971 г. т. 3, стр. 216.

рассматривать их врозь и уяснять взаимосвязи между ними. Разумно будет рассмотреть как они, будучи не одно и то же, расположены друг относительно друга и чем связываются между собой. Они взаиморасположены так, что между опытом, снятым с предшествующих восприятий, и умосознанием, мыслящим знание о предмете познания, нет этого предмета познания (если речь идет не о познании того, что между ними); но как умосозерцающееся смысловое содержание мысли (представления), так и опыт связаны с предметом познания через наличие соответствия в структуре элементов предмета, органа опыта и умосозерцающегося знания (смысло-представления), которое (соответствие) могло устанавливаться в каждом из них в разное время и в результате разных процессов, но всегда благодаря способности к отчуждению, к переносу и к сохранению такостей форм структуры-ничто, а следовательно, благодаря способности удерживать соответствие с предметами, которые реально существовали, существуют или будут существовать в разных местах и временах. Так что опыт, мыслимое знание и предмет познания и разъединяются посредством ничто и уподобляются благодаря наличию соответствия у их структур-ничто, которые в результате процессов отражения отображаются, отчуждаются и распространяются с некоторым сохранением своих форм и соответствия с отображавшимся в них предметом. И насколько смысловое содержание мысли (представления) содержит в себе соответствие с опытом или с предметом познания, настолько оно сохраняет вышеохарактеризованную связь с ними, будь оно извлеченной формы или выдуманно творческим мышлением. Если же предмет воспринимается, то мышление или подается процессом восприятия или может протекать в иных областях органов мышления и умосознания наряду с ходом этого процесса восприятия. Взаиморасположение их в этом случае зависит от того, что воспринимается, что, чем и как мыслится мыслимое (умосозерцающееся). «Исследования показывают, что в процессах ощущения, восприятия, мышления происходят сложные многоуровневые трансформации той информации, которая поступает на органы чувств (Б. Г. Аанаев, Л. М. Веккер, Ф. Кликс). Это и создает иллюзию, судя бы они протекают вне пространства или в своем осо-

бом пространстве...»¹⁾.

Мышление может отвлекаться как от восприятий, так и от опыта, то занимаясь процессом размышления над или с какими-нибудь мысленными элементами, то оказываясь в состоянии мысленного напряжения без или еще до произведения (извлечения) мысленных элементов. Эта возможность отвлечения является источником, условием как для достижения более глубокой проникательности, эвристичности, так и для заблуждений и пустых, не имеющих соответствия с реальностью абстракций. Восприятием же мышление или подавляется, связывается или ограничивается и сводится к мышлению лишь отдельной частью того, что у человека мыслит и умосознает. Фейербах же утверждал, что «мыслить — это прежде всего значит воспринимать многое, разнородное и облекать его в форму понятий»²⁾. Когда человек поднимается до вспоминания и связывания уже чувственно воспринятого, то тогда он не воспринимает, а только пользуется запомненным из воспринимавшегося и только тогда он мыслит. Чувственное наблюдение не является мышлением; оно может лишь сопровождаться мышлением и дает пищу и опору для мышления. Органы чувств не являются органами философствования, но их данные питают философствующее. Однако верно, что «философия не только в конце приходит к реальности, она, скорее, начинается с реальности. Только этот путь является единственно естественным, т. е. соответствующим существу дела и истинным путем... Дух следует после чувства, а не чувство после духа; дух — это конец, а не начало вещей. Переход от эмпирии к философии есть необходимость». (там же, стр. 45), но неверно, что «переход же от философии к эмпирии — прихоть доброй воли» (там же). Вооружившись результатами философского познания необходимо возвращаться вновь к эмпирии для более глубокого и точного познания эмпирически данного и для выхода за пределы эмпирическому познанию доступного. «Философия, начинающая с эмпирии, остается вечно юной». И если она не идет дальше эмпирии и не возвращается к познанию эмпирии, вооружившись результатами философского позна-

1). Б. Ф. Ломов, «Сознание, мозг и внешний мир», ж. «Вопросы философии», 1979 г., № 3, стр. 112—113.

2). Л. Фейербах, Соч., М. — П. 1923 г., т. 1, стр. 144.

ния, то эта юность превращается в недоразвитость (инфантильность) взрослого. Мышление только эмпирическими формами и результатами обрекает себя лишь на средство удобного и обобщенного обозрения многообразия восприятий человека и утилитарной ориентации в будущих ощущениях — это же гносеологическая установка позитивизма: не пытаться решать вопросы почему и из чего, а довольствоваться лишь описанием того, что и как все происходит в чувственно обозреваемой видимости. Фейербах далее пишет, что «философия же, кончающаяся эмпирией, становится, в конце-концов, старчески слабой, пресыщенной жизнью и самой собой». Но это в том случае, если она начинается с духа, с измышленных абстракций и кончается эмпирией, как это проводится в гегелевской философии. Разрыв замкнутого круга (эмпирия — философия — эмпирия или по формуле: от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике), выброс какого-нибудь звена и прекращение спиралеобразного движения мысли по этому кругу с производством приращения нового знания, ведет к прекращению прогрессивного развития познания.

Из данных опыта, извлеченных умосознанием из памяти и принесенного туда чувственными восприятиями, мы должны мышлением всяковозможно формировать и выводить знание о собственном разуме, о сути и возможностях его самого и того, чем и как он отображает (познает) и затем вновь обратиться к мысленному познанию чувствующего и чувствующегося. Мы не можем чувствами этого органа познать этот же орган, но можем познать механизм его чувствования выведением из всеобщих и истинно познанных начал его структуры элементов и работы этой структуры в процессе чувствования. Знание о чувствующем должно быть выведено из соответствующих понятий, но не как чувствующееся, а как умосозерцающееся знание о нем.

«Поэтому философия, кончающаяся эмпирией» и далее не идущая, начиная из эмпирии, «является конечной, философия же, с нее начинающая» (и идущая к познанию познающего и познания вновь к ней возвращающаяся и вновь от нее идущая к познанию разума и его идей, не ограничивает развития познания; «одна всегда имеет материал для мышления, из другой, в конце концов, исчезает всякий разум. Философия, начинающая с мысли без реальности, совершенно

последовательно кончает немислимой реальностью... Философия должна начинать со своей антитезы, со своего альтер эго (лат.-другой я); в противном случае она всегда остается субъективной, всегда в плену у Я. Философия, ничего не предполагающая, является философией, предполагающей себя самое, начинающей с себя самой»¹). «Диалектика это не монолог умозрения с самим собой, это диалог умозрения и эмпирии».²)

Развитие познания у человека происходит так: первые восприятия запоминаются в памяти; затем они извлекаются в представление и из них формируются новые представления, с которыми человек опять возвращается к восприятию наблюдению интересующих его предметов и может достигать соответствия между предметом и своим представлением о нем: или в результате мысленного изменения представления и подгонки его к соответствию с предметом, или в результате обработки предмета и подгонки его к соответствию со своим представлением о нем, или в результате того и другого. В результате всего этого представления и логика мышления у человека обогащаются и прогрессивно развиваются, и вооруженный ими он потом вновь обращается к восприятиям, связываются с символами-структурами, через которые подводятся под уяснявшееся влияние социума и т. д.

II

Рассмотрим «§3. Познание чувственное и рациональное» в книге М. Н. Руткевича «Диалектический материализм» (курс лекций для философских факультетов), М., 1973 г., стр. 207.

На 208 странице читаем: «Положение, что в разуме нет ничего, что не прошло бы через чувство, верно, но оно верно не по отношению к изолированному индивиду, а по отношению к человечеству». Значит есть такая возможность, что что-то попадает в разум индивидуального человека, проходя через чувства всего человечества и не проходя при этом через чувства этого индивидуального человека? Значит, помимо тех органов чувств, которыми обладают индивиды рода человеческого, есть еще какое-то общее чувствилище, вносящее им чувствующееся в разум индивидов непосредственно, минуя

1) Л. Фейербах. Соч., М. — П., 1923 г., т. 1, стр. 45—46.

2). Там же, стр. 20.

их органы чувств? Значит если уже не от объективной абсолютной и всеобщей идеи идут идеи в индивиды и управляют ими, так от всеобщего общечеловеческого чувствилища? Нет никакого надчеловеческого и сверхчеловеческого чувства, нет и разума такого; есть: только индивидуальные человеческие организмы со своими чувствами и разумом, которые множеством своим и структурой взаимоотношений составляют человечество и образуют более сложные общности и общественные системы. Именно в разуме любого человеческого индивида не может образоваться умоизобразительное содержание представления или идеи, если до этого никакие восприятия еще не прошли через его чувства, т. к. для мышления любой формой необходимо иметь, во-первых, память и запомненное в ней, сознание и сознанию подвластные органы мышления; во-вторых, необходимо, чтобы в органах мышления, в памяти и в сознании было достаточно того, что в результате взаимодействия и взаимодействия снимало бы из памяти то, что вызывает у человека осознающуюся умоизобразительность антиощущений и граничило их взаиморазличиями. В противном случае мысль будет пуста, будет сиюминутное мыслить без мыслящегося.

И опыт предков передается индивиду не минуя его чувства, а именно через чувства. Чувственно созерцая наскальные изображения (и сопоставляя их со своим опытом человек познает и включает в свой опыт и опыт предков. Да и сама сущность опыта говорит о том, что он никак не может появиться у индивида без прохождения структур его содержаний через чувства. Запомненное не может запомниться без воздействия восприятием пришедшего на запоминающее. Рассуждение же Энгельса о наследственном приобретении свойств и влиянии его на взаимодействие опыта индивида и рода, которое Руткевич цитирует, не дает обоснования его тезису. Этот вопрос нуждается в специальном исследовании; причем, необходимо уяснить различие и сущность наследственности индивидуального человеческого организма и той наследственности, которой обладает общественная система; взаимодействие этих разных наследственностей и пути и сущность их влияния на опыт человеческого индивида и общественной системы. Но из всего предшествующего наперед уже можно сказать, что ничто, хоть как-то мыслящееся этим органом мышления этого живого человеческого индивида, не может

прийти на то место, где оно мыслится, иной дорогой, как не через чувства этого же индивида, т. к. оно может мыслиться лишь как граница между взаиморазличающимися антиощущениями, которые есть воспоминающиеся последствия соответствующих ощущений. Так как тело человеческого организма и все его органы проницаемы для разрозненных элементов некоторых низших уровней сложности и т. к. память в структуре своих элементов не фиксирует форм тех границ-ничто между соответствующими множествами соответствующих элементов, которые проникая в организм не вызывают в нем соответствующих ощущений (это может быть потому, что уровень сложности проникших элементов и концентрация в потоке их проникновения были много ниже порога чувствительности органов чувств), то в памяти запоминания форм этих границ-ничто не будет. Для запоминаемости форм границ-ничто между взаиморазличающимися ощущениями, т. е. для запоминаемости форм архитоник, необходим процесс декструктализации соответствующих восприятий, вызывающий в структурах элементов памяти взаиморазличающиеся участки соответствующего уровня сложности и формы, которые сохраняются и запоминаются, а затем, при соответствующей напряженности всех необходимых для этого процессов со стороны сознания и органов мышления, вспоминаются в виде умообразных представлений.

Из того, что «первый лазер существовал сначала в мысли, а затем уже в реальности» (стр. 208 указанного курса лекций М. Н. Руткевича. Вы только подумайте: «Не мысль о первом лазере, а первый лазер... Ха-ха!»), не следует, что исходный психо-структурный материал для тех смысловых структур, которые составляли собой содержание мыслей о лазере, прошли в тот орган мышления человеческого индивида, который мыслит эти мысли, не через его чувства. Да к тому же реальный лазер не мог существовать сначала в мысли, а потом в объективной реальности; сначала могла у человека сформироваться мысль о лазере, а потом, руководствуясь этой мыслью, он создал лазер в объективной реальности. Ограниченность предшествующего материалистического сенсуализма состоит не в признании и настаивании его авторов и сторонников на том, что содержание всякого мышления и знания должно происходить из чувственного опыта, а в том и настолько, когда и насколько дальше этого они и не шли, что

считали познаваемым только то что познания только чувствами, что не видели и не разработали тех форм познания, которые позволяют истинно познавать чувствами невоспринимающееся. С учетом соответствующих поправок Руткевич дает, в качестве диалектико-материалистического, следующий тезис: «Человеческое мышление черпает свое содержание и форму из чувственного опыта, приобретаемого в ходе общественной практики». Но разве только в ходе общественной практики? А индивидуальная практика? (которая есть деятельные проявления движений органов и организмов, усиленных и продолженных инструментами и машинами, управляющихся представлениями и восприятиями данными). Да и возможна ли общественная практика без практики индивидов, составляющих то общество, практика которого имеется в виду? Что это за безликое общественное, без индивидуальных творцов и носителей этого общественного? Что останется от него, если исключить из него составляющие его человеческие индивиды? И что это будет, если останется что-то? Какое его происхождение и какое влияние на индивид? Может ли оно мыслить и производить идеи или чувствовать? Может ли, оно миновать чувственность индивида, чтоб как-то повлиять на него или войти в его разум? Человек ли включает в себя свой разум и обладает им или какой-то общечеловеческий разум включает в себя человеческих индивидов и обладает ими?

Только своими чувствами человек чувствует все то, что он чувствует! Разве он может еще что-нибудь чувствовать и каким-то общечеловеческим чувствилищем? Народ думает только умами его слагающих индивидов (в том числе и при помощи обращающихся между ними символ-структур и прочего)! Разве есть еще и какой-то всенародный ум? Общество стимулирует людей на мыслительное творчество, на производство новых знаний, но результаты его производятся индивидами и каждым из своего психологического материала (из антиощущений). И в том случае, когда символическими структурами выражающиеся смысловые содержания представлений, идей формируются и у других индивидов находят у них признание, то эти новые идеи распространяются и утверждаются в умах индивидов данного общества, каждый из которых должен сам сформировать их в себе то ли при помощи воспринимания и осмысливания соответствующих

символ-структур (сократовское родовспоможение), то ли без этой помощи (например, производит их человек в себе самостоятельно).

Как же передается сегодняшнему человеческому индивиду человеческий опыт прошлых времен, если все и любое знание его должно исходить из вспоминания того, что восприятиями поступало через чувства этого индивида, а чувственно созерцать далекое прошлое он уже не может? Индивиды предшествующих времен и поколений чувственно, лицом к лицу созерцали окружающую их реальность и своим развитием сопровождавшую их развитие. Индивиды последующих времен познавали историю, формировали содержание своего знания через чувственные восприятия или реальных следов исторического прошлого или через чувственные восприятия символических и несимволических отображений в процессе обучения и воспитания, опираясь при этом на базу собственного чувственного опыта и чувствительность собственных органов чувств, что ранее было уже нами рассмотрено и выяснено.

По вопросу о соотношении субъективного и объективного в создаваемых умосознанием образах реальности М. Н. Руткевич пишет, что «если субъективный момент означает только принадлежность образа человеку и ничего более, то неизбежен вывод, что образ полностью соответствует объекту, полностью объективен по своему содержанию, и тем самым проблема соотношения субъективного и объективного в образе (а значит, и соотношения истинны и заблуждения) автоматически снимается» (там же, стр. 211). Какая путаница! Разве из того, что субъективное в образе есть то в нем, что принадлежит человеку как субъекту познания, следует, что в таком случае образ полностью соответствует объекту? И зачем смешивать объективность и соответствие? Утверждать, что «объективное в образе есть соответствующее объекту, а субъективное — не соответствующее ему» (там же, стр. 211) — это значит: применять логику, что в образе, находящемся в субъекте, есть и нечто такое, что в субъекте не находится; это значит отрицать возможность того, что субъект силой творческого мышления может сформировать в себе из элементов опыта такой новый образ, структура содержания которого может иметь соответствие со структурой именно того содержания объективного предмета, которое еще чувственно

не воспринималось или которое и вообще не может быть воспринято в силу его недоступности чувствам этого субъекта; это значит полагать, что все то в образе, что соответствует объективному предмету познания или пришло в него извне, или не заходя в субъект наительствует себя ему извне, но созданным субъектом быть не может. Это значит ограничивать творческие силы человека в познании и обрекать его на обладание лишь способностями пассивного чувственного восприятия истинного извне, ибо ведь все, что человеком будет придумано в образе, оно будет субъективным, т. к. оно зависит от субъекта, а субъективное у Руткевича есть не соответствующее объекту. А разве есть что-нибудь в образе не зависящее от субъекта? Разве образ не перемещается так, как перемещается мыслящий его субъект? Разве образ не отрывается, не отвлекается субъектом от отображающегося в нем предмета? Разве субъект не может по своему произволу мыслить и не мыслить этот образ и мыслить его так и таким или не так и не таким? А ведь Руткевич утверждает, что объективное в образе — это то в нем, что не зависит от познающего и действующего человека и человечества. И дело здесь не в какой-то особенности книги М. Н. Руткевича «Диалектический материализм», текст которой в общем очень хорошо выражает общее и ныне наиболее распространенное состояние идейного содержания современного устаревшего монистического диалектического материализма. Дело в общем состоянии современной теории познания и всей порожденной ею и пришедшей к кризису старой системой научного объяснительного знания, т. к. все фиксирующие эту систему знания тексты нуждаются в обновлении, в очищении. А иначе и не может быть при прогрессивном развитии познания и знания и при появлении новых более превосходных, более прогрессотворных и истинных идей.

ГЛАВА IV

§ 1. Моделирование как форма мышления и модель как форма организации знания.

I

Люди и общества нынче, как и прежде, очень много внимания, времени и сил тратят на развитие орудий труда, техники, на преобразование и приспособление к своим потребностям окружающей среды, тогда как высшей целью и ценностью жизни людей должно быть развитие и всевозможное совершенствование в наиболее прогрессотворнейшем направлении каждого из людей и человеческого общества. И поэтому нынче испытывается острая необходимость и очень важная задача, больше, чем до сих пор, усилить исследование и познание возможностей, последствий, путей и средств дальнейшего развития и совершенствования самых людей, дабы предотвратить негативные последствия чрезмерной индустриализации, чрезмерного высвобождения человека от физического и умственного труда, что ведет к экологическому кризису, к мыслительной и физической лени, к недоразвитости и нездоровости людей и может обусловить дальнейшую эволюцию людей и человечества не в наилучшем из возможных направлений.

Что же? Жить нам по суетности невежественного и ограниченно разумного своего? — «по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти (и помыслов)? Предаваться распутству до ненасытности и нечистотами? Отстраниться людям от стихийного исторического течения эволюции и никак и нисколько не вмешиваться? И плыть по природе чадами гнева, прочих страстей и регресса? Не ведь известно, что часто общесовокупные целевые или и бесцельные устремления и результаты исторической деятельности людей — от недостатков в познании — не совпадают и притом иногда существенно, с их ожиданиями или отклоняют в сторону от наилучших из возможных.

Или «отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях» и обновиться духом ума...» и новой СНОЗ? подключить к стихийной эволюции человечества и все те возможности благопрогрессотворения себя и рода человеческого, которые могут каждый индивид,

или хотя бы некоторые, и человеческие сообщества, организации инициировать и привносить в предотвращение регресса и в ускорение и оптимализацию наиболее прогрессотворнейшего? «И облечься в нового человека, созданного по Богу в праведности и святости истины»? «Дабы явить в грядущих веках преизобильное богатство благодати...» на истиннейших и наиболее рассотворейших познаний и дел?

Для современного этапа общественно-экономического развития и научно-технического прогресса характерен и необходим комплексный подход к исследованию и решению соответствующих вопросов науки и практики, что требует познания предмета с проникновением в его внутреннюю структуру, с выяснением сущности исходных глубинных начал, элементов, устройства и закономерностей топофункциональной структуры предмета познания, обеспечивающих и обуславливающих существование и развитие его системной целостности в соответствующих условиях окружающей, пронизывающей и пропитывающей его среды. Для истинного и исчерпывающего познания, отображения системно-структурной сущности объектов познания, их глубинных внутренних «механизмов» функционирования и развития, «механизмов» обеспечения взаимодействия оптимальной организации взаимоправления и взаиморегуляции между элементами внутри целостного системного объекта и между ним и средой недостаточны таких приемов, стадий развития знания, форм мышления и организации знания как понятие, суждение, умозаключение, обобщение, систематизация, описание, измерение эмпирических данных и пр.

За естественным и неосознанным саморазвитием и совершенствованием форм мышления в самой структуре становящегося и развивающегося языка следует осознание и запоминание их как удобных и эффективных приемов и форм мышления, а затем и выяснение и исследование их в зарождающейся и развивающейся логике, которую Аристотель оформил в научную систему. Однако в том виде, который придал ей в основном Аристотель, она оказалась не способной точно и полно познавать и отображать многообразие и процессы развития реальности, что обусловило разработку, с одной стороны, приемов и форм эмпирического познания и, с другой стороны, поиски, выявление и развитие новых форм мышления и мировоззрения (дуализм, рационализм,

идеалистическая, а затем и материалистическая, диалектика и пр.);

Следовательно, кто желает избежать малоперспективных, а то и регрессивных, направлений стихийной эволюции своего ума, кто желает всяковозможно очищать его от всевозможных заблуждений и пуганицы, кто желает ускорить и исчерпать имеющиеся в своем организме и душе потенциальные способности к развитию и усовершенствованию в прогрессивном направлении, тот не должен довольствоваться только стихийным неосознанным произвольным саморазвитием своего умосознания и его форм познавательного мышления, подобно тому, как большинство довольствуется самосовершенствованием дыхания или пищеварения по мере развития организма. А необходимо исчерпывающе глубоко, полно и безошибочно познать возникающие и развивающиеся потребности, последствия их удовлетворения и неудовлетворения, познать наилучшие возможности и последствия, пути, формы и средства к более ускоренному саморазвитию и к самоусовершенствованию самого себя, своего разума и мудрости, всего того в себе, чем мы все познаем и обо всем судим, чем мы предвидим, руководствуемся и руководим всем подвластным, — что более ускорено, самопроизвольно, самопринудительно развивать имеющиеся потенции к прогрессу, очищать, оздоравливать и совершенствовать все в себе и себя, свои формы жизнедеятельности, окружающее и окружающих, современников и потомков в желательных или гайпрогрессотворнейших из всех возможных направлениях и мерах. Всед осведомленность, знание и убежденность человека в таком-то исходе решения задачи по достижению его цели порождает в нем решимость, смелость, мужество, силу, одержимость и непреклонность в действиях. А для достижения всего этого необходима предельно возможная истинность и исчерпанность того знания, которое используется для овладения и управления собой; необходимо познать все, что только можно, и так, как вообще возможно, о себе и об остальном мире; необходимо преодолеть многие умственные предрассудки, нравственную робость, неведение и лень, мешающих нам свободно и правильно жить, желать, мыслить и действовать, «дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лу-

кавству человека, по хитрому искусству обольщения»¹. Мы сами часто добровольно стесняем себя влиянием собственных не лучших мнений на состояния и проявления своего тела и души. А чтобы избавиться от такого влияния, чтобы жить своим умом и в свое удовольствие и не во вред и в пользу других, необходимо руководствоваться наиболее истинными и исчерпывающе развитыми и совершенными знаниями и достигать наиболее высоких из возможных ценностей, удовольствий и перспектив жизни, наилучше отвечающих существованию и развитию сущности человеческого в человеке; необходимо «...С помощью особой науки, сделать разум адекватным... вещам, найти особое искусство указания и наведения, которое раскрывало бы нам и делало известным остальные науки, их аксиомы и методы. Мы с полным основанием утверждаем, что такая наука должна быть создана»²).

Мышление черпает смысловой материал для своих форм из результатов познания реальной действительности, т. к. и поскольку оно стремится истинно познать ее. И поэтому с развитием познания необходимо уяснить насколько они перестали соответствовать более глубоко и точно познанным формам организации и существования реального мира и приводить их в соответствие с ними. Существование реальной действительности в виде «иерархии» уровней сложности элементарно-структурных систем и поиски соответствующих форм для более точного, глубокого и совершенного познания предопределяют собой обращение к идеям и понятийному аппарату метода моделирования и необходимость дальнейшего развития и приспособления моделирования для приведения к еще большему соответствию знания, метода познания и предмета познания. Само знание должно быть так систематизировано и организовано в модель-системы соответствующих уровней сложности, взаимоотношение, развитие и взаимопревращение которых должно соответствовать в нем отображающейся реальной действительности. И осознание моделирования как более истинной, совершенной и эвристической логической формы в настоящее время обуславливается той степенью отчетливости и убедительной достоверности знания об элементарно-структурном и причинно-следственном

1). «Новый завет». Вена, 1911 г., стр. 398.

2). Ф. Бэкон. Соц. в 2-х томах. М., 1971 г., т. 1, стр. 399.

строении систем реальности и иерархическом характере взаимоотношений их уровней сложности. Зрелость предмета познания обуславливает собой успех его познания (познание капитализма обусловилось зрелостью самого капитализма), но успех познания обуславливается и методом, и логикой, соответствующими предмету познания.

Научное объяснительное знание в своем развитии должно прийти к такому новому системному состоянию, чтоб каждый, овладевший этой новой системой, мог делать сам соответствующие научные исследования и находить наилучшие решения соответствующих вопросов не искавши и не читавши соответствующих текстов, что в условиях информационного взрыва чрезвычайно важно. Этим текстом («Прологи новой системы научного объяснительного знания», состоящего из шести частей) и за ним следующим текстом «Логика новой СНОЗ» и излагается развитие идейного содержания такой новой СНОЗ, для чего и уясняются вопросы о сути и возможностях форм мышления и форм организации знания, моделирования, о сути и возможностях доказательства, о сути и возможностях исчерпывающего, окончательного и истинного познания всеобщих начал бытия и элементов сущего и всего из них получающегося в реальности; о сути, о возможностях и о пределах возможностей того, чем мы познаем и отображаем предметы познания, для чего и осуществляется доказательство возможности такого познания этих всеобщих исходных начал и элементов. А какое состояние современных философских представлений о тех началах, с которых следует начинать изложение диалектического материализма, смотрите, например, в журнале «Вопросы философии» № 6, 1979 г., стр. 161—171, обзорную редакционную статью «Споры о путях изложения диалектики». Там полная неразбериха.

II

В последнее время по вопросам моделирования публикуется много научных статей и книг, что характеризует собой наличие соответствующих объективных предпосылок и растущего интереса к моделированию как специфической форме мышления, отвечающей запросам современного этапа развития познания и знания. Много работ посвящается также вопросам системно-структурного анализа, в которых даются

определения соответствующих понятий, но нет еще строгой и логически стройной организованности этих понятий в единую «живую» совокупность, в систему понятий. И из-за монистической логической формы объяснения и в связи с оторванностью от рассмотрения сущности познаваемой реальности, форм и возможностей мышления остаются неуряженными многие вопросы, важные для дальнейшего развития логики и теории познания. Например: суть, различия и возможности восприятий и представлений, суть различия и возможности мысленных и реальных образований, роль и возможности мысленного моделирования и из чего (из каких оснований и начал), куда и как это делать и пр. Многие важные вопросы в этой области остаются еще дискуссионными и не выясненными в материалистической гносеологии из-за тех ограничений, которые накладываются недостаточностью уяснения, развития и применения принципов материалистичности и диалектичности, оснований, начал, логической формы и пр.

Ныне имеются различные точки зрения и по вопросу о сущности моделей, и по вопросу их роли и возможностей, и по вопросу их классификации, и по другим вопросам. А. И. Уемов в первой главе своей монографии «Логические основы метода моделирования» (изд. «Мысль», М., 1971 г.) при помощи математической логики проводит достаточно полный анализ различных определений понятий модели и моделирования, которые даются авторами, работающими в различных областях познания. В качестве результата этого анализа составляется так называемое «охватывающее понятие модели», содержание которого определяется теми признаками, в признании которых сходятся все авторы: модель — это «система, исследование которой служит средством для получения информации о другой системе» (там же, стр. 48). Это используется А. И. Уемовым в качестве основания для вывода о том, что логической основой метода моделирования являются выводы по аналогии как «выводы, в которых посылки относятся к одному объекту, а заключение — к другому» (там же, стр. 54). Исследованию проблем выводов по аналогии по сути дела и посвящаются все последующие главы этой монографии Уемова.

Но ведь содержание охватывающего понятия модели здесь определяется не из результатов изучения самой сущности мышления и развития его форм и их разновидностей

и специфических функций и возможностей в процессе познания, а из результатов сопоставления имеющихся точек зрения и выявления общего содержания для них. Это, конечно, может представлять определенный интерес для выявления точки зрения, получившей общее признание. Но следует учитывать, что так выявленное содержание «охватывающего понятия модели» находится в обратной зависимости от количества различных точек зрения, от количества разных определений. Один автор при этом блокирует возможность включить наиболее существенное, специфическое, глубокое или еще какое-нибудь истинное мнение; в смысл этого понятия, так как охватывающее понятие включает в себя лишь общепризнанное содержание. Поэтому чем среди большего числа разномыслящих ученых выявляется согласное мнение, тем более общим, менее подробным, менее глубоким и, следовательно, тем беднее является отображательное (смысловое) содержание этого мнения. А общепризнанность на некоторой стадии развития знания не является необходимым основанием для доказательства его истинности, глубины, существенности, совершенства и прочих превосходств. Во главу угла всего марксистского учения самим Марксом положено основание соответствия воззрений с действительностью и историей данных (см. В. И. Ленин. «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов», Полн. собр. соч., т. 1, стр. 195) и «не может быть догматизма там, где верховным и единственным критерием доктрины ставится — соответствие ее с действительным процессом» (В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 280 и т. 19, стр. 3). Марксистско-ленинская философия может оставаться наиболее истинной не потому, что она марксистско-ленинская, а потому, что вооружающиеся и руководящиеся ею партии и люди включают в ее содержание и признают лишь те воззрения, которые наиболее точно, глубоко, полно и совершенно соответствуют действительным отображающимся в них элементам, структурам и процессам реальности — даже если эти воззрения противоречат соответствующим высказываниям основоположников марксистско-ленинской или какой-то иной философии. Следовательно и истинность содержания понятия модели должна определяться не тем содержанием, которое разделяют все или большинство ученых, а соответствием мыслимого в дан-

ном понятии смыслового содержания реальному содержанию того, к чему соотносится данное понятие, что отображается в нем, что познается им. А существенность признаков понятия обуславливается глубиной проникновения познающего в суть самого важного в изучаемом предмете, правильностью определения его сущности и специфики и точностью выражения его в логике тех понятий, которыми определяется смысл данного понятия. Научные открытия, развитие знания происходят не путем голосования и не путем выявления того содержания мысли, которое имеется у большинства, которое признается большинством. И в наше время остается верной еще Анеем. Сенекой высказанная мысль, что «Развитие человечества не находится еще в столь блестящем состоянии, чтобы истина была доступна большинству».¹⁾ Если бы истинность идей гелиоцентрической системы определялась большинством голосов, то может быть и до сих пор они не были бы приняты. Всеобщее согласное мнение может быть всеобщим предрассудком и заблуждением. «Большое количество умов само по себе препятствует развитию событий. Когда должно совершиться нечто великое, то здесь могут и обязаны быть лишь немногие. Прочих же, массу, нужно всегда перетягивать на свою сторону, называйте это как хотите — убеждением или обольщением — все равно».²⁾ «Совершенно бесполезно подсчитывать голоса, — писал Р. Декарт, — чтобы следовать мнению, которого придерживается большинство авторов, ибо если дело касается трудного вопроса, то более вероятно, что истина находится на стороне меньшинства, а не большинства».³⁾ Давал примеры этому и Ленин. Положение, что истинность идей следует определять не соответствием ее с отображающейся в ней реальностью, а по согласному большинству ученых, могут отстаивать лишь те, кто стремится согласие ученых ставить и сохранять выше прогресса научного познания и истинности знания (по политико-идеологическим или утилитарным соображениям).

Ранее уже было выяснено и доказано, что всякое знание проявляется и находится там у актуально мыслящего его индивида, где происходят это реализующие процессы — в

1). «Антология мировой философии», М., 1969 г., т. 1, стр. 509.

2). Г. К. Лихтенберг. «Афоризмы», М., 1964 г., стр. 17.

3). «Антология мировой философии», М., 1970 г., т. 2, стр. 274.

умосознании или, вернее, в сфере я́ности, т. е. между сознанием и его окружающим, содержащим и воссоздающим веществом живого организма. И любое новое не очевидное знание (не такое как, например, знание о затмении солнца, получающееся у многих людей одновременно в результате непосредственных чувственных восприятий соответствующего явления) сначала появляется у какого-либо одного индивида, а не у большинства одновременно, значительно реже у нескольких. Появление такого нового знания сначала и одновременно у большинства можно было бы объяснить разве только наитием чего-то сверхъестественного, исходящим знания от обезличенного общества к индивидам и прочими вымыслами.

Наличие у людей общих интересов, потребностей, общих чувств и в особенности антиощущений должно определяться выявлением большинства ими обладающих; но познание ценности, полезности и разумной допустимой или потребной меры перечисленного для человека, выработка более глубокого и точного знания о всем, человека интересующего, и путей достижения удовлетворяемости любых интересов человека происходит в мышлении индивидов. Новые и тем более оригинальные идеи формируются сначала в одной голове; сто средних шахматистов не выиграют у чемпиона мира. И новому не очевидному знанию, появившемуся в уме одного или нескольких индивидов, предстоит еще получить обобществление. При этом следует учитывать, что новому учению нужно превзойти достоверность и полноту и преодолеть сопротивление старого. И в ходе завоевания своего господства и распространения новое учение вынуждено преодолевать сопротивление, обусловленное инерциональностью утвердившихся в обществе старых идей, обусловленное тем, что люди, овладевшие каким-то знанием, до некоторых пор, в некоторой мере и при некоторых обстоятельствах сопротивляются замене его новым. Игрет роль здесь и консервативность памяти людей, и тенденция придерживаться мнения большинства, которое в момент зарождения нового знания всегда будет на стороне старого, т. к. новое зарождается вначале у отдельных или у нескольких лиц, и характер влияния новых идей на реализуемость уже сформировавшихся интересов, и пр. А по мере того, как господствующее знание становится все массивнее и все основательнее, то и

трудности существенному обновлению его возрастают.

Признаки, содержащиеся в вышеприведенном определении охватывающего понятия модели, не являются достаточными. Среди них нет отличительного признака, позволяющего отличать познание методом моделирования от не такового, т. к. и в неполной индукции общий вывод о каком-либо классе предметов делается на основании изучения только части (а в некоторых случаях и только одного) однородных предметов. А следовательно, в неполной индукции и в выводах по аналогии любой единичный предмет данного класса может рассматриваться как «система, исследование которой служит средством для получения информации о другой системе». Во-вторых, если мы хотим глубже, полнее и точнее познать и выразить сущность и специфику модели, развить теорию моделирования, то не следует ограничиваться содержанием охватывающего понятия, выявленного охарактеризованным приемом. В-третьих, мы имеем здесь случай, когда слишком общее и широкое определение модели не вскрывает существенную специфику моделирования и в связи с этим оказывается необоснованным вывод о том, что логической основой моделирования являются выводы по аналогии. Одни выводы по аналогии далеко не являются основными и достаточными для моделирования. В-четвертых, в этом определении выпадает как не имеющий единства мнений такой существенный признак, который показывает В. А. Штофф, различая и разделяя все модели прежде всего «на два больших класса: 1) материальные (другие термины: действующие, реальные, вещественные) и 2) идеальные (другие термины: воображаемые, умозрительные, мысленные)»¹). В дальнейшем для выражения моделей первого класса будем пользоваться термином «реальные», а второго класса — «мысленные», в связи с тем, что термины «материальное» и «идеальное» в данной работе получили новый смысл.

Ведь есть реально существующие предметы и явления объективной и субъективной реальности и есть реально существующие организмы человеческих индивидов с чувствующим и мыслящим сознанием, которым управляют все осознанные реальные проявления этих организмов, создающих

1). В. А. Штофф. «Моделирование и философия», изд. «Наука». 1966 г., стр. 23.

заключенным в них сознаниям для каждого индивида субъективный мир и восприятиями и мышлением дающих каждому индивиду отображения и образы объективного мира. Есть знание об объективной реальности и есть знание о субъективной реальности. Есть предметы и объекты объективной и субъективной реальности, предварительное познание которых и экспериментирование над которыми человек использует для познания других реальных предметов, менее удобных и доступных для этого. И есть субъективное мышление, способное оперировать элементарно-структурным смысловым содержанием представления, способное мысленно производить (извлечением из опыта или формированием) знание, которое используется не только как результат, но и как средство в процессе познания соответствующего реального предмета или явления. Поэтому необходимо не только признать научную обоснованность разделения моделей на реальные и мысленные, которое проводит В. А. Штофф, и воздать ему должное за раскрытие этого для материализма существенного различия и за отстаивание этого диалектико-материалистического взгляда, но и идти дальше по этому пути и более глубоко и всесторонне раскрыть сущность, специфические особенности и возможности реальных и мысленных моделей в процессе познания.

Не видеть, или не принимать, или опускать различие между реальными и мысленными моделями — значит не видеть, или не принимать, или опускать и то существенное различие, с одной стороны, между выводами, в которых знание снятое с одного реального объекта (системы), переносится на другой реальный объект (систему), и, с другой стороны, между выводами, в которых на другой реальный объект переносится по особому организованное знание, полученное в результате особой формы мышления, которую мы называем мысленным моделированием, что и характерно для монографии Умова, в которой производится логический анализ выводов по аналогии без учета вышеуказанного различия моделей и выводов по переносу знания с модели на прототип (см. А. У. Умов. «Логические основы метода моделирования», стр. 161, 193, 194, 215, 236).

Ведь одно дело — выводы по аналогии, когда умозакljučают от сходства в части свойств к сходству в другой части свойств между двумя реально существующими объектами, и совсем другое дело, когда умозакljučают от знания к

знанию или когда умозаключают от мысленной модели к реально существующему объекту. Сущность различия этих выводов и возможности каждого из них нуждаются в более глубоком анализе. Здесь как раз и гнездятся гносеологические тайны и источники заблуждений и источники усиления эвристичности познания, о чем мы будем рассуждать ниже.

III

Как познающаяся людьми реальная действительность имеет в себе естественно-закономерные последовательности и упорядоченности своих процессов и развития, так и человеческому разуму в его процессах и в развитии свойственна тенденция к достижению естественно-закономерных последовательностей и упорядоченностей того мыслимого содержания, в котором отображается эта реальная действительность.

«Модель — это воспроизведение некоторой системы объектов с точностью до изоморфизма на материале некоторой другой системы объектов».¹⁾

Моделирование как особый результат развития форм мышления возникает потому, что в ходе развития человека, общества, практики и научно-технического прогресса обнаруживаются ограниченности эмпирического познания и ему соответствующих форм мышления, которые позволяют произвести лишь разрозненные фрагментарные структуры знания, без воссоздания всех тех воспритийным чувством недоступных сторон и уровней и того целостного элементарно-структурного и причинно-следственного механизма, который обеспечивает специфику проявления, поведения и развития, которыми обладает отображающийся в этом знании реальный объект познания. В процессе развития познания мышление преодолевает ограниченность чувственных форм познания и на некотором этапе своего развития достигает особой способности производить, формировать или организовывать знание в (форму мысленной модели.

В процессе моделирования имевшееся разрозненное знание о предмете познания собирается, согласовывается обобщается, очищается от ошибок и несущественных частных, пополняется мысленным воссозданием недостающих или

1) Б. В. Ахлибининский и Н. И. Храленко. «Чудо нашего времени». Л., 1963 г., стр. 93.

недоступных сторон, уровней и очагов, уточняется и углубляется, объединяется и фиксируется в так организованном целостно-обособленном элементарно-структурном и причинно-следственном знании, которое позволяет субъекту при соответствующих приемах, методике и напряжений мышления приводить это знание в динамическое, «живое» состояние и мысленно проследживать возможности изменения и развития его, опираясь при этом на известность и сохранение неизменными исходных состояний знания модели и окружающих ее условий и на известность мысленно вводимых или выводимых изменений.

В процессе практики знание в форме модели можно сопоставлять с соответствующими реальными объектами, данными человеку в его восприятиях. Мысленно проследживая структуру элементов и функционирование модели и рассматривая в восприятиях структуру элементов и функционирование реального объекта, обнаруживая несоответствие и сводя его к возможному минимуму через уточнение модели, можно доводить эту модель до некоторых совершенства, полноты, глубины и точности и достигать лучшего уровня соответствия, достигать полного изоморфизма и прочего. Этот вопрос процесса моделирования изложил в общем виде В. В. Чавчанидзе в своей статье «Модели науки и кибернетика» (см. сборник «Кибернетика, мышление, жизнь», М., 1964 г., стр. 392).

Мысленная модель — это такая особая форма организации и фиксации знания в представлении, при которой извлеченные из опыта структурные фрагменты мыслящегося смыслового содержания при необходимости преобразуются (дробятся, сочетаются и пр.) и взаимовыставляются в некоторые взаимоположения, а недостающие или недоступные органам чувств структурные элементы и фрагменты предмета познания восполняются творческим произведением их отображающих смыслов и введением в конструируемое мышлением системно-целостное, обособленное от иного и так элементарно-структурно и причинно-следственно организованное знание, что его смысловая структура оказывается доступной сознанию для умообозрения в представлении повсюду и со всех сторон, на всех тех уровнях сложности, которые охвачены процессом моделирования, что внешнее проявление этого модельного знания (в соответствии с в нем заложенной ло-

гикой смысловых элементов) по отношению к остальному знанию этого же умосознания может оказываться следствием, результатом количества и структуры исходных смысловых элементов (с такими их свойствами, которые связаны с ними памятью или мысленным произволом субъекта). И познающий субъект, мысленно вводя это системно организованное знание в знание об окружающих условиях, взятое мышлением из памяти или произвольно сформированное, может просматривать функционирование и поведение модельного знания в этих условиях и выявлять, таким образом, возможные варианты изменения и развития его и возможности своего практического влияния на этот процесс. Мысленная модель по своему существу есть мысленный образ той целостной и обособленной элементарно-структурной реальной системы соответствующего уровня сложности, к отображению которой она соотносится как более полное, глубокое, подробное, «живое», развивающееся в мышлении знание, позволяющее играть роль средства для познания возможных вариантов изменения, поведения и развития при мысленном варьировании исходными состояниями сущности, состава и структуры элементов обуславливающего и обуславливающегося. А когда в процессе практики человек обнаруживает совпадение условий, в восприятиях данных, с мысленными условиями, выслеженными и выясненными в мысленном моделировании, и если мысленная модель верно отражает собой сущность и проявление соответствующего реального объекта, то тогда будущие состояния этого объекта и возможности влияния на них становятся известными и человек со знанием дела может включаться в практику и активно преобразовывать действительность в желательном из возможных направлений.

Мысленная модель предоставляет удобство для экстраполяции содержащегося в ней знания на новые, ей соответствующие предметы и области, позволяет содержащееся в модели знание о классе однородных предметов отделить от того, что еще не получило отображения в модели, и этим создает возможность сконцентрировать внимание на специфическом и неизвестном, не задерживаясь на общем, содержащемся в модели и уже известном.

Построить мысленную модель объекта — значит более глубоко и подробно познать его сущность и строение, по-

знать его элементно-структурный состав и топохронофункциональный и причинно-следственный «механизм» внутренней и внешней жизнедеятельности, познать те свойства элементов, которые предопределяют эту структуру и порядок функционирования в составе целостности этого объекта, это значит перейти от форм эмпирического знания к одной из форм научно-теоретического знания, к разумной, наиболее развитой, совершенной и удобной для субъекта форме.

В противоположность предметам познания объективной реальности, которые изменяются и развиваются вне и независимо от мышления познающего их субъекта (ведь их отображения, как произошедшие и исходящие от них, так и образованные мышлением субъекта и в его представлении являющиеся, обратное воздействие на отображающийся в них предмет могут оказать лишь через иной реальный предмет соизмеримого уровня сложности и воспринявшего это отображение соответствующим изменением структуры своих элементов), «живая» целостность модельного знания изменяется и развивается лишь в мышлении, благодаря его усилиям и в соответствии с характером, приемами и методами этих мыслительных усилий, т. е. в соответствии с логической структурой процесса мышления, производящего, «оживляющего», уясняющего, прослеживающего и развивающего модельное знание. При этом, в том участке модели, который мышление оставляет и переходит на рассмотрение другого, прекращается и соответствующий процесс изменения и развития знания; и наоборот, мышление может опускать участки и эпохи развития знания, ускорять и приходить к имплицитным результатам так быстро, полно и всесторонне, как оно оказывается способным по своей сущности и по состоянию своего развития у данного субъекта.

Модельное знание, как и знание вообще, по своей онтологической сущности является реальным образованием из феноменов явности, мышлением (активностью умознания) произведенным из материально-идеальных элементов субъективной реальности и актуально проявляющим сознанию в представлении соответствующие стороны структуры своего смыслового (отображательного) содержания (антиощущения и границы-ничто между ними), изменяясь и преобразуясь под влиянием того активного напряжения и управления мы-

шлением, которое производится субъектом сознательно, а отчасти и бессознательно. Все это обеспечивается и обуславливается влияниями субъекта на возбуждение в памяти соответствующих элементов, на извлечение смысловых элементов из памяти и на структурные объединения их в образование смыслового содержания данного знания, на отсутствие и наличие, на введение и выведение тех отображательных элементов, которые изначально поступают в субъект через его восприятия, и на потребность в восприятиях, проявляющуюся и выявляющуюся в организме субъекта.

Истинность, соответствие же мышлением производного, выделенного и представленного сознанию модельного знания с соотносимым ему предметом познания или с какой-либо его частью, стороной и т. п., можно проверить и установить по результатам сопоставления его с восприятиями исследуемого предмета. Такое выведение знания моделированием из истинно и окончательно познанных начал и элементов, чувственным восприятиям недоступных, ведет нас к истинным результатам и может устранить всякие сомнения и удостоверять и успокоить наше сознание чувственным созерцанием этих результатов при выходе на чувствительности доступные уровни сложности познающейся реальности. Если мы выведением из восприятий невидимых начал и элементов получим, что тело живого организма разрушается от соприкосновения с очагом достаточно интенсивного самораспада органических веществ, т. е. с огнем, и если мы еще и на чувственном опыте удостоверимся в этом, то это и будет служить подтверждением истинности и выведенного, и выведения, и того, из чего выводится выведенное. Для исчерпывающего познания чувствам доступного опыта необходимо истинное и исчерпывающее познание его оснований, начал, причин, неизбежностей и возможностей иных его результатов, необходимо обрести разумом уясняющуюся умозрительность чувствам недоступного, необходимо познание видимого безошибочным выведением из истинно познанного невидимого, из истинно познанных реалий микромира, его начал и элементов.

IV

Можно указать следующие основные признаки и преимущества мысленной модели как специфической формы организации знания:

а) единство, структурно-системная согласованность и такая целостность связанного и зафиксированного в модели знания, которая легко выделяется и обособляется мышлением из иного знания и может представляться умознанию самостоятельно;

б) мышление оказывается в состоянии дать умознанию в представлении любые участки, стороны и уровни той структуры знания, которая фиксируется или уже зафиксирована в целостном единстве всех элементов модели и которая осмысливается или уже осмысленна мышлением;

в) возможность извлечения следствий, к которым ведет функционирование модели при помощи мышления формой моделирования и мысленных экспериментов. В мысленных экспериментах мысленную модель мысленно ставят в различные мысленные условия и получают следствия в результате мысленного прослеживания возможных при этих условиях состояний, поведения, изменения и развития модели. И если модель и условия мысленного эксперимента находятся в некотором соответствии с реальным объектом и окружающими его условиями, то полученные в мысленном эксперименте следствия будут возможными реальными следствиями существования и развития реальных объектов в реальных условиях. Степени достоверности этих следствий будет зависеть от степени соответствия мысленной модели реальному объекту и корректности, безошибочности мысленного эксперимента;

г) экстенсивная емкость познавательных способностей человека в настоящее время приближается к полному насыщению. Так называемый информационный взрыв, глубокая дифференциация наук и специализация ученых вызывают тревогу, порождают пессимистические выводы, тупиковые и парадоксальные ситуации, о чем сейчас много говорят и пишут. Известно, что переход от строительства домов из разрозненных кирпичей и предварительно неприспособленных стройматериалов к строительству методом сборки готовых блоков и элементов здания увеличил производительность труда. Нечто в грубом подобии производит и переход мышления в форму моделирования. Знание, организованное в модель, позволяет расширить возможности человеческого мышления. Моделирование и модельная организация знания позволяют корректно и истинно отобразить присутствующую при-

роде простоту и ее самоорганизацию в сложные образования со всеми разнообразиями их действий и свойств. Ведь природа в своих первоисточниках проста, что отмечали многие мыслители. Человек получает возможность при помощи мысленного модельного экспериментирования решать всякие практические и технологические вопросы. Появляется возможность так систематизировать и организовать знание, как самосистематизируется и организуется отображающаяся в нем реальность. Облегчается процесс овладения и пользования таким знанием. Можно мыслить моделями, блоками. Подобно тому, как изучая устройство и работу электронно-вычислительных машин, сначала изучают устройство и работу мелких исходных элементов (проводники, сопротивления, источники электротока, емкости, лампы, полупроводники, и пр.), затем изучают устройство и работу слагающихся из них более сложных схем и блоков (усилители, генераторы, мультивибраторы и пр.), затем изучают отдельные узлы и системы. И потом после познания общепринятых в электро-радиотехнике элементов, пользуются уже только принципиальными схемами, в которых обособленные блоки изображают в виде квадратов, «черных ящиков», с указанием их характеристикой только входящих и выходящих сигналов, не вдаваясь в рассмотрение уже известной работы той схемы, которая реализует такую-то обработку этих сигналов. Этим высвобождается мыслительная энергия и внимание сознания для познания структуры предмета между его более сложными элементами, для дальнейшего совершенствования процесса познания реальности и управления практикой. «Мы можем сделать на модели то, что не можем сделать в действительности. Можем даже забежать вперед и посмотреть «что будет, если...» Отсюда предвидение и целесообразное поведение».1)

д) мысленное экспериментирование позволяет задать такие темпы функционирования и развития модельного знания, какие способно наше мышление проследживать, местами пропуская целые «эпохи» и делая подстановки и перескоки, если эти «эпохи» и опущенные участки уже известны или уже проследживались. Реальные же экспериментирование и чувственное наблюдение жестко связаны с объективными

1). В. Ф. Турчин. «Сумасшедшие» теории и метанаука». Ж. «Вопросы философии» № 5, 1968 г., стр. 124.

скоростями движения, изменения и развития реальных объектов и с реальными трудностями в возможностях создать желательные условия реальной среды и исключить нежелательные. Модельное знание позволяет мысленно проследить прошлые и будущие состояния развивающейся модели и преодолевает ограниченность в этом отношении эмпирического знания и чувственного наблюдения;

е) модель и моделирование позволяет полнее использовать эвристически плодотворную активность мышления и преодолеть и ту трудность познания, которая обусловлена ограниченностью чувствительности и различающей (разрешающей) способности органов восприятия; позволяя познанию выйти за пределы чувствам доступного и выводить из невидимого видимое, о чем будет идти речь ниже; дают возможность обеспечить дальнейший прогресс научного познания, который (прогресс познания) определяется приращением глубины, подробностей, полноты и точности, истинности умонаглядного воспроизведения умознанием элементарно-структурного и причинно-следственного модель-представления, отображающего и объясняющего предмет познания в аспекте вопросов: из чего? почему? как? и что получается? какова закономерная тенденция развития предмета и чем она обуславливается? Модель и моделирование есть высшие форма организации знания и форма познавательного мышления, — формы опережающего отображения, т. к. при этом формируются смысловые модели и прослеживается их развитие, прослеживается развертывание последовательностей событий, в ходе чего выясняются предугадываемые последствия, возможности влияния на них и выбор наилучших для субъекта вариантов поведения и подготовка себя к предугадываемым последствиям. Моделями и моделированием осуществляются эвристическая, предсказательная и объяснительная функции познания, осуществляется синтезирование и интеграция знания; взаимослияние философских наук с науками естествознания и пр.

V

Модель, как и знание вообще, может производиться, актуализироваться и пребывать в области умознания, т. е. между и в результате взаимодействия сознания и окружающих его памяти и органов и образований, реализующих собой в этом организме процесс и результат мышления, про-

исходящим как в форме представления, так и в иных формах (понятие, суждение, умозаключение); т. е. ум может иметь и может не иметь той символ-структуры, элементы и фрагменты которой связаны в памяти с соответствующими элементами и фрагментами смысло-структуры; он может иметь модель-представление или модель-понятие.

В настоящее время некоторые авторы смешивают мысленную модель как смысловое знание с теми символ-средствами, при помощи которых его выражают (язык, знаки, математические формулы, наглядные схемы и чертежи, рисунки, жесты и пр.). Так в философской энциклопедии модель определяется как «условный образ (изображение, схема, описание и т. п.) какого-либо объекта (или системы объектов). Служит для выражения отношения между человеческими знаниями об объектах и этими объектами» (см. «Философская энциклопедия», М. 1964 г. т. 3, стр. 481, статья Ю. Гастьева «Модель»). Те символ-структуры, которыми только выражается смысловое содержание знания, не есть знание; они не входят в состав отображательного содержания модельного знания. Именно при помощи новых, уже достаточно уясненных понятий нечто и ничто умознание получает возможность умозерцать смысловые содержания понятий и оперировать смыслами, а не знаками. А т. к. смыслы этих понятий всеобщи и абсолютно истинны в своем всеобщем содержании, то взяв их за основания и появляется возможность для умозрительного исследования, для разгадывания тайн и для истинного отображения реальной действительности.

Следует различать: реальный предмет; ощущение или восприятие субъектом этого предмета; смысловую структуру представления об этом предмете, сформированную умознанием в результате мышления из антиощущений и границ-ничто между ними; символ-структуру в предоставлении с элементами которой соответствующим образом связываются соответствующие элементы смысло-структуры знания вообще и модельного в частности; символ-структуру в символических или производительных движениях субъекта; символ-структуру в восприятии; символ-структуру как структуру реального отображения какого-либо реального объекта; реальную структуру любого объекта объективной или субъективной реальности: реальный предмет. Круг замыкается. И

все это совершенно разные вещи, хотя все они составляют собой замкнутый круг процесса отображения и познания и пронизаны той или иной степенью соответствия структуры — ничто, проходящей через них.

Если субъект действительно живой и мыслит, то его мышление есть реальный процесс функционирования умосознания, т. е. сознания, памяти и остальных органов, элементов и образований, реализующих процесс и результат мышления. И если в результате такого мышления производится модель как специфическая форма организации знания, то и эта модель есть специфический, но реальный результат реального процесса функционирования умосознания, есть процессы и образования из материально-идеальных элементов тела органов мышления и тела всего организма данного субъекта со всей его субъективной реальностью. И здесь нет необходимости вводить что-то сверхестественное, непонятное духовное или идеальное в мистическом и мономатериалистическом смысле. Мысленное моделирование как особая форма мышления (как и мышление вообще) и мысленная модель как особая форма организации знания (как и знание вообще), не только не отделимы от реального процесса функционирования умосознания, но они и есть особая форма протекания этого процесса и особая форма его результата. Нельзя оторвать мысль и знание живого организма от мозга и организма; «безмозглых» мыслей у человека быть не может.

Во Вселенной нет ничего, кроме протяженных материальных нечто и непротяженных идеальных ничто, образующих собой всевозможные элементы реальности всевозможных уровней сложности и структур (с тем новым смыслом категорий «материальное» и «идеальное», который получил в данной работе достаточные разъяснения и определения). Так из чего же следует и можно выводить и чем объяснять мышление и знание, как не из этих начал? Многое, конечно, еще не вскрыто и остается для читателя непонятным, т. к. гносеологические лемеха логико-смыслового орала в самом начале данной работы были настроены на ту глубину, какой и идем до сих пор по ниве познания. В «Логах...» эти лемеха будут настроены смыслами и составом исходных понятий на глубину, предельно возможную для познавания мышлением. И читателю будет предоставлена возможность

промыслить повторно все эти вопросы с предельно глубоким и отчетливым проникновением в исчерпывающе глубинную суть и структурно-элементные и причинно-следственные механизмы образования, существования и развития соответствующих предметов познания.

Мономатериализм, изгнав идеальное из своего начала и пытаясь все вывести из одного материального, вынужден выкручиваться из тупика в познании процессов отображения объективного субъективным мышлением то отождествлением свойства материи с ее противоположностью, то введением идеальности (с неясным смыслом ее) лишь в области мышления, противопоставлением мыслящихся феноменов явности и материального, допущением идеального (с фиктивным смыслом его) только в пределах так называемого основного гносеологического вопроса о первичности материи или сознания, заранее считая сознание идеальным, не познав его и сути идеального.

Нет логической возможности и нет объяснительной необходимости в здесь развивающейся системе понятий объяснять, принимать мысль, идею или знание за что-то иное, чем процессы и результаты отражения, реализующиеся теми материально-идеальными элементами, которые образуются из всеобщих и исходных начал бытия и элементов сущего реальности, к окончательному познанию которых мы и идем, ибо чего-то иного во Вселенной и нет, и быть не может.

Логико-смысловой строй этих всеобщих исходных фундаментальных понятий дает разуму опору и направление мышления, дает возможность вывести ту сеть опорных смысловых узлов и направлений, ту смысловую схему, ту иерархию моделей, по которой при необходимости можно когда угодно воспроизводить процесс смыслового выведения и сведения (дедукции и редукции) с учетом соответствующих конкретных условий и получать истинные смысловые модели и результаты, освобождаясь от необходимости обращаться к соответствующей литературе. Истинность этих результатов обусловлена истинностью исходных понятий и логики выведения из них следующего. А убедительная сила и надежность такого знания обеспечивается простотой, отчетливой ясностью и абсолютной истинностью и легкостью запоминания состава и смыслов этих исходных понятий, ими обуславливающих логику, строй, лада мышления и умозри-

тельной просматриваемостью хода и результата этого мышления, тогда как нынешняя СНОЗ отвращает многих от познания наук из-за непонятностей и трудностей при их изучении.

Ставка же на одну память в делах изучения наук не ведет к развитию творческих способностей, творческого мышления человека и подавляет любознательность и интерес к познанию. Нине неразрешимая проблема, о которой д. ф. н. Л. П. Бугаева пишет так: «Как разрешить противоречие между ограниченным временем и практически не ограниченным ростом информации, необходимой для плодотворной и разнообразной деятельности, причем разрешить таким образом, чтобы, с одной стороны, избежать перенапряжения нервной системы, а с другой и не нанести ущерба развитию человека?», как раз и разрешается в результате развития, разработки, овладения и использования новой СНОЗ. А знание возможностей и путей творческого и истинного самостоятельного решения объяснительно-познавательных задач и натренированность разума в этом усиливает у человека веру в силы и возможности своего ума, веру в благотворное могущество знания, возбуждает в нем прогрессотворную активность и дает устойчивую целеустремленность на дальнейшее совершенствование себя и общества, на познание и практическое осуществление высших форм жизнедеятельности, дает человеку возможность концентрировать усилия на необходимом и возможном, достигать истинного и прогрессотворного блаженства и избавляться от всякой погани и вредотворного, от несбыточных иллюзий и утопизма, от вредотворных переоценок и паники и от прочих ошибок в вопросах о возможностях своего ума, организма, наук и техники. Новый логико-смысловой стиль мышления приведет к пересмотру некоторых нынешних представлений о бездарности и одаренности, т. к. на передний план выступает не память, а воображение, способность к умозрительному формированию смысловых моделей и к умозрительному прослеживанию их работы, поведения и развития. Т. к. достижения наши в познании зависят от возможностей и пределов развитости нашего воображения, от наших способностей умозрительно и безошибочно выводить сложные умозрительные логико-смысловые содержания из начал и опять сводить их к этим началам и прослеживать при этом интересующие нас возмож-

ные последования, то и нужно это познавать и всячески развивать (Каковы эти пределы? чем они обусловлены? каковы возможности для их развития у человека до предела?).

VI

Из всего совершенно ясно, что если говорят, что один человек передает свои мысли другому, что существуют средства для обмена мыслями между людьми, то это ничего иного не означает как то, что один человек производит обобщенные сигнальные движения и индуцирует в пространство их отображения, структура которых связана в его уме с соответствующими смысло-структурами. Учащий человек не передает свои мысли ученику; он при помощи определенных реальных движений и воздействий на окружающую его среду, — таких воздействий, которые или отображения которых достигают другого человека, воздействуют на него и дают ему соответствующие воспритийные данные, — вызывает, возбуждает или активизирует умознание и процесс мышления ученика и в меру своего умения управляет ими, влияет на них, добивается того, чтобы мышление ученика проеткало так, как оно протекает у учителя, и чтобы оно своим процессом пришло к такому результату, который соответствует мыслям учителя или который является целью обучения.

Формы обучения не являются формами мышления и формами организации знания в мыслящем его умознании; это только формы обращения символ-структур и демонстрационных отображений, которые предназначаются для перефигурации соответствующих частей и такостей смыслового содержания представлений у индивидуумов в форму выобобщенно обобщенных смысло-представлений. И прав здесь Фейербах, говоря, что «Демонстрация таким образом является только средством, при помощи которого я придаю своим мыслям форму моих мыслей для того, чтобы другой признал их своими собственными... Но сообщение мыслей не есть материальное, действительное сообщение; толчки и звуки, потрясающие мое ухо, свет — вот реальное сообщение; материальное я воспринимаю пассивно, я подвергаюсь воздействию, — духовное же я воспринимаю только посредством себя самого, посредством самодеятельности. Вот почему и то, что сообщает демонстратор, является не самой мыслью, а только средством: ибо он не вливает в меня свои мысли, как врачебные капли, ...Он обращается к мыслящим существам...»

хотя он и хочет привести меня к своим мыслям, но не как к его мыслям, а как к мыслям разумным вообще, стало — быть, так же и к моим»¹⁾).

Таким образом, мысли и мысленные модели существуют не между нами, а только у каждого из нас. Мысленная модель, следовательно, существует и функционирует лишь в процессе познавательной, мыслительной деятельности живого мыслящего человека и лишь столько, там, в такой форме и тогда, сколько, где, в какой форме и когда этот процесс протекает. Поэтому не следует смешивать так осмысливающую мысленную модель с теми символ-структурами, при помощи которых мысленные модели вызываются у других; например: письменные или звуковые знаки и составленные из них слова и тексты, чертежи, графики, рисунки и т. п. Таким же образом характеризует модель и В. А. Штофф: «Идеальные же модели могут воспроизводить те же материальные явления, что и материальные модели, существуя лишь в голове познающего, субъекта, и, несмотря на то, что они могут быть выражены и, как правило, выражаются в рисунках, чертежах или знаках, т. е. явлениях материальных, тем не менее они «работают» только благодаря мысленным операциям, которые над ними совершает этот субъект в процессе их конструирования и преобразования»¹⁾).

Структура мысленной модели, как и знания вообще, является в процессе осмысливания языковых выражений, если иметь в виду не самостоятельное формирование ее, а при помощи ее выражающих текстов. Но она есть особая форма знания. Это не объективированная языковая структура, не структура знаков, слов и схем, вынесенных за границы умознания, органов мышления и записанных на бумаге или зафиксированных в других средствах реального взаимодействия мыслящих субъектов, это даже не символ-структура в представлении, а смысло-структура в форме целостного модельного знания, образованного в результате процесса мышления индивидуального человеческого организма и в результате взаимодействия его с другими. Причем, не всякая реально существующая, актуально про-

1). Л. Фейербах. Сочинения. Госиздат, 1923 г., т. 1, стр. 14.

1). В. А. Штофф. «Моделирование и философия». Изд. «Наука», 1966 г., стр. 80.

текающая мысль, идея есть мысленная модель, но всякая мысленная модель есть реально существующее смысловое содержание мысли, идеи, есть определенным образом организованное знание. Мысленной моделью являются лишь те реально существующие у человека мысли, идеи, которые достигли особого уровня развития. А мысленным моделированием является тот реально протекающий мыслительный процесс, который в результате приводит к созданию мысленной модели.

Знание приобретает теоретический уровень по мере того, как из разрозненного восприятием снятого из реальности и из памяти извлеченного эмпирического знания формируется оно в целостные и истинные модели, позволяющие в результате обособленного рассмотрения и мысленного экспериментирования получать истинные следствия из исходных состояний знания, и по мере объединения таких моделей в некоторые особые области или системы, отображающие существенное, необходимое, общее и закономерное элементов и структуры той или иной области реальности. По своей сущности мысленные модели и являются формами организации теоретического знания, производящимся и эмпирическими, и рассудочными, и разумными формами познания, и неречевым, и речевым мышлением.

§ 2.

I

Податливость структуры модели произвольным преобразованиям в процессе мышления, возможность наделять смысловые элементы мысленной модели (антиощущения со своими границами-ничто) такими свойствами, движениями, взаиморасположениями и причинно-следственными взаимоотношениями и т. п., т. е. такими структурами, которые человек может реализовать в мышлении по своему волевому произволу, варьируя активностью своего умознания, и возможность отделения и отчуждения формы идеального в отображении от отображающегося в нем предмета и позволяют снять или взять отображение, соответствующее объективной структуре элементов реальной системы (предмета познания), и перенести его на отображаемые элементы мысленной модели, зафиксировать его ими, позволяют сох-

ранять соответствие структур при смене элементов, их реализующих, фиксирующих и переносящих. Причем эти снятия, переносы, перестановки и подстановки можно совершать не только в пределах систем одного уровня сложности, но и с элементами одного уровня сложности на другой. Здесь-то и реализуется способность мышления к «увеличению» образов, соотносимых к малым реальным объектам, или к «уменьшению» образов, соотносимых к большим реальным объектам. Эти снятия, подстановки, переносы и перестановки структуры ничто с образующих ее реальных элементов предмета познания на антиощущающиеся элементы в представлении, содержание которого извлекается из памяти или творчески формируется умосознанием, варьирующим свои активации и влияния на процесс и результат мышления, и фиксирует и содержит в себе отображение предмета познания, и дает возможность познания, отображения и объяснения субъективным объективного и субъективного.

Это получается не в результате прямого и непосредственного переноса материала или свойства с познающего предмета на его умозрительный образ, а оказывается возможным потому, что имманентные свойства элементов у реального предмета познания (объективной или субъективной реальности), существующего вне и независимо от мышления познающего их умосознания, задают собой те структуры, которые в данных условиях окружающей среды обеспечивают такую-то реальную целостность системы и такое-то реальное проявление ее как общий результат конкретных свойств и структуры составляющих ее элементов. В мысленной же модели мы соответствующими усилиями умосознания и средствами процесса мышления произвольно добиваемся такого-то поведения, проявления смысловых элементов умозрительной модели, произвольно наделяем их такими-то исходными свойствами, для того, чтоб затем из необходимого и достаточного набора этих смысловых элементов мышлением составить целостные образования уже в соответствии с этими свойствами этих исходных смысловых элементов и добиться организации их в мысленную модель структурой, соответствующей предмету познания. Умосознание человека оказывается способным посредством мышления выбрать и задать такое поведение того материала в умосоз-

нании (в сфере яйности), которым реализуется поведение мышлением выделенного смыслового элемента, какое оно пожелает из вообще возможных и подвластных ему, и этим самым соотнести, связать или закрепить за этим смысловым элементом соответствующие смысловые свойства. Форма и поведение смыслового элемента в сфере умосознания есть интегральный и эмерджентный результат специфического проявления количества, состава и структуры этого реализующего материала по отношению к сознанию и его окружающему и создающему организму и отличается от форм и индивидуальных поведений элементов его реализующего материала, подобно тому, как форма и поведение облака в небе отличается от форм и поведений его составляющих капелек воды и пр. элементов и субэлементов, а по очертаниям границ цветов и оттенков облако может иногда получаться похожим на некоторые предметы и образы.

Умосознание (= сознание, память, органы мышления, яйность и все то прочее, чем реализуются процессы и результаты мышления) живого организма содержит в себе формы существования элементов реальности низших уровней сложности обособлено от объективной реальности, влияет на них и обуславливая их движения, проявления актов их существования движениями и проявлениями субъективного управляет их поведением пока не включит в состав своего тела или пока не исключит из субъективной реальности в объективную; но исполняется все это так, что если бы эти элементы реальности низших уровней сложности находились в иных вещах и в таких же условиях, даже если бы эти иные вещи и были менее совершенными по сравнению с субъективной реальностью человека, то они вели бы себя так же, как и в умосознании человеческого индивида. Не мозг выделяет знание так, как печень выделяет желчь, а умосознание производит в себе смысловые элементы и усилиями органов мышления принуждает их к таким образованиям и к такому поведению, каково знание о предмете познания человек при этом мыслит. Мышление и мысль не могут быть оторванными от того реального вещества и тех реальных элементов, которые их реализуют и фиксируют. Лишь соответствие идеального и его соотносимость может отрываться от того предмета, которому оно соответствует или соотносится. И эта возможность основывается не на таком произволе, которому нет соответствия

в реальности, а именно в соответствии с возможностью, имеющейся в самой реальности: возможность отчуждения отображения и распространения его по каналам среды с сохранением в его структуре ничто себестождественного, а также возможность переноса формы структуры-ничто множествами элементов различных уровней сложности. Форма креста, например, может быть зафиксирована и удерживаться и атомами, и молекулами, и песчинками, и камнями, и солонинками, и деревянными или железными палками, и кучевыми облаками на фоне чистого неба.

У реального объекта познания некоторый набор и взаиморасположение элементов с их свойствами являются средством образования возможных устойчивых структур, целостных систем, а от условий среды зависит возможность или невозможность ее сохранения и функционирования как нового целостного образования. И при мысленном моделировании соответствующими средствами, усилиями и приемами умознания, являющегося окружением и средой для мыслящегося, добиваются того, чтоб исходные смысловые элементы мысленной модели наделить такими свойствами, которые взяли бы на себя или воспроизвели бы собой то, что снимается с реальных элементов предмета познания и переносится на соответствующие элементы мысленной модели. «Хотя операции, которые совершаются в голове человека при построении мысленных моделей, и подчиняются определенным правилам и требованиям, основанным на знании определенных законов природы, тем не менее эти операции протекают только в сознании и являются выражением работы человеческой мысли, воображения, памяти и т. п.»¹⁾

Следовательно, хотя и кажется нам, что наше умознание вроде бы произвольно варьирует условиями процесса мышления, но эта произвольность обуславливается, детерминируется целью достижения максимально-возможного соответствия между мышлением выделенными смысловыми элементами и мышлением мыслящихся в них свойствами и между соответствующими элементами и их свойствами предмета познания. А затем умознание процессом мышления составляет из них в представлении возможную целостность

1). В. А. Штофф. «Моделирование и философия». Изд. «Наука», М., Л., 1966 г., стр. 81.

модели и мысленно прослеживает те условия среды, которые необходимы для такого-то возможного в мышлении проявления и развития полученной мысленной модели.

В реалиях предмета познания среда определяет поведение и судьбу тех целостностей, которые могут образоваться в результате такого-то взаиморасположения таких-то элементов и таких-то стечений внешних обстоятельств; и в мышлении человек выявляет, познает ту среду, которая нужна для мышлением составленной модели. И если последнюю возможно получить или получают как следствие свойств и взаиморасположений составляющих ее смысловых элементов, то тогда есть возможность получить или получают ту мысленную среду, в которой прослеживают поведение мысленной модели и мысленно прослеживают интересующие последствия.

Свойства и состав элементов и слагающаяся из них элементно-структурная целостность предмета познания и окружающие его условия обуславливают изменение, поведение и саморазвитие этого предмета; и в мышлении элементно-структурная целостность мысленной модели и произволом умосознания творимые условия вокруг нее влияют и обуславливают мышлением производимое и контролируемое изменение, поведение и развитие знания, организованного в мысленную модель. Следовательно задача состоит в том, чтобы взять истинные смыслы исходных элементов и истинную логику введения из них последствий, вызывающихся особенностями свойств, составов и структур их объединения и их объединение обуславливающего.

В познающей субъектом реальной действительности элементам с такими-то исходными свойствами некоторая структура их позволяет сохранять устойчивые условия, негэнтропию, однозначную или менее многозначную предопределенность их последующих состояний, если среда обеспечивает сохранение неизменности этой структуры или сохранение такого-то направления изменяемости в процессе развития этой структуры элементов. В моделирующем мышлении сохранение неизменными свободой умосознания выбранных исходных смысловых элементов модели с такими-то исходными смысловыми свойствами их позволяет познающему субъекту умозрительно выявить ту структуру, которая таким-то объединением и взаиморасположением этих элементов обеспечивает предопределенность им необходимо свойственных

будущих состояний и благодаря чему в этой структуре сохраняется целостность так образовавшейся из этих элементов системы. А мысленное сохранение и продолжение этого процесса моделирования с выявлением и сохранением тенденций изменения и развития модели позволяет выявить возможные будущие состояния и необходимые для них условия внешней среды, что весьма важно для познания и практики.

Организованность истинного знания в модель позволяет сохранять его истинно развивающимся и истинно развивать его с сохранением ненарушаемости истинных исходных понятий и истинных правил вывода. Модель позволяет преодолевать ограниченность различающей способности чувств и приборов и вскрыть сущность и устройство и тех внутренних элементарно-структурных процессов предмета познания, которым соответствует итоговый результат правильного объединения не только чувственно данных структурных фрагментов опыта, но и результаты мысленной обработки и достраивания тех срезов, связей, областей и уровней сложности внутри модели, которые в предмете познания являются недоступны восприятиям субъекта или не принимались его восприятиями и соответствии которым открыто интуитивным или дискурсивным (рассудочным) конструированием модели в процессе творческого мышления, могущего недоступное восприятиям восстановить или восполнить антиощущениями (в том числе и другими, т. е. вызванными последствиями воспринимания ощущений от совершенно иных предметов) и вывести умо-зрительный образ строения и проявлений того в предмете познания, что доступно и что недоступно чувственным восприятиям. Моделирование позволяет выводить истинный образ видимого из умозрительных образов невидимого; но для этого, конечно, необходимо предварительно истинно познать невидимые начала всего и всякого видимого и невидимого. А для этого необходим выход за сферу чувственно доступного и истинное и окончательное познание всех тех всеобщих начал и элементов, из которых все образуется, состоит, разбивается и обуславливается и в которые все разлагается, и из знания которых и следует выводить объяснительное и прогнозирующее знание о соответствующих предметах.

Такая сущность и характер мышления и знания вообще происходят и возможны потому, что структура слагающих процесса мышления антиощущений так своеобразно выпро-

тивноположена по отношению к структуре слагающих процесса чувственного воспринимания ощущений, что реальные осознанные движения, напряжения и состояния тела органов чувств управляются результатами процесса мышления, а результаты мышления обуславливаются и управляются результатами реальных движений, напряжений и состояний соответствующих органов и участков всего тела и тела органов мышления в области, которые в некоторой мере и соответствующим образом подвластны сознанию и им обслуживающихся потребностям и интересам всего организма субъекта, что будет до предела глубоко раскрыто в «Логих...». А специфичность форм мышления и производимых ими результатов есть результат достижения тех специфических возможностей и способностей в развитии организма субъекта вообще и в развитии его мышления и тех возможностей и способностей, которыми влияет умосознание на процесс своего мышления и которые затем могут переходить и накапливаться в опыте как результат соответствующим образом оструктурирующихся восприятий, чувственностью снимающихся с тех процессов, движений, напряжений и состояний организма вообще и органов мышления, которые порождают и сопровождают этот процесс и результат мышления и которые оказались удовлетворившими интересы субъекта. Развитие у субъекта способностей познания реальности сопровождается и прогрессирует в результате развития у него самопознания себя и наоборот. А развитие истинного и истинности знания обуславливается развитием познания логики мышления и теории познания вообще и совершенствованием практики познавания.

II

Мысленная модель не только организует собой и в себе знание в особые целостные образования, позволяющие мышлению проводить и проследивать возможные изменения и развитие его, но и является средством получения нового знания в процессе формирования этой модели и в ходе мысленного экспериментирования с помощью этой модели.

Человек может размышлять и без помощи слов. Он может мысленно представить себе содержание и форму смысловой структуры умозрительного модель-представления и мысленно проследивать переходы ее в предшествующие или в после-

дующие состояния. Ошибки при этом могут быть исключены, если человек умозрительно рассматривает модель в истинной структуре истинных ее элементов, если он истинно мыслит свойства смысловых элементов (антиощущения с границами-ничто) по отдельности и структуру объединения их состава в этой модели, если он истинно знает или ведет ход развития этой модели и взаимообусловленности ее с внешними условиями, сопровождающими ее развитие.

При умозрительном выведении все более и более сложных моделей из истинных исходных начал и элементов мышление движется с одной низшей ступени на другую, высшую, моделями которой уже являются системы, выведенные из моделей-элементов предшествующего уровня сложности. Этот подъем и продвижение выведения требуют напряжения мышления прослеживающего все то, что же может получаться, складываться при таких-то составах и взаиморасположениях обуславливающегося и обуславливающего. Выведение и уяснение предшествующего открывает возможность для прослеживания последующих получаемостей. Истинность смыслового элемента, отображающего протяженность и форму границы сложной реалии, дающей это знать о себе и в результате чувственного восприятия, проверяется сопоставлением представления этого смыслового элемента с архитектурой восприятия этой сложной реалии и устанавливается наличием соответствия, а истинность тех смысловых идей, из которых выводится сложное смысло-представление или мысленная модель и в которых отображаются чувственным восприятием недоступные реалии, устанавливается наличием логически стройной выводимости из них объяснений, развития и предсказуемости того в предмете познания, что доступно чувственно-восприятийной проверке и что подтверждает истинность этих сложных смысло-представлений или мысленных моделей. Но умонаглядность смыслового содержания любого знания, любой идеи необходима, ибо только в нем и может фиксироваться и умосознанием уясняться отображение предмета познания. И если человек имеет в восприятиях ему данное фактическое состояние восприятийного вида реальной вещи, то по знанию о том, что необходимо для достижения такого вида в умозрительном образе мысленной модели из каких-то исходных состояний структуры

ее элементов можно делать истинные предположения о прошлом этой реальной вещи и окружающей ее среды; а опираясь на модельное знание о дальнейших возможностях развития такого-то умозрительного образа этой реальной вещи в зависимости от всех возможных состояний окружающей ее среды, человек может истинно угадывать какие необходимо создать вокруг нее реальные условия, чтоб получить такой-то желательный из всех возможных результат. И тогда все дело в том, в состоянии ли человек создать те условия, которые необходимы и достаточны для получения из этой вещи намеченного результата из возможных. Из знания элементов и структуры и из знания функционирования и развития предмета, а также из восприятийных данных о его нынешнем состоянии и об его окружающих условиях можно выводить возможные будущие состояния этого предмета в зависимости от вариантов предполагаемых или точно известных условий. Точность предсказания будет зависеть от точности всех указанных знаний и правильности вывода.

Прав Гоббс, говоря, что «ощущение и память дают нам лишь знание факта, являющегося вещью прошлой и непреложной, наука есть знание связей и зависимостей фактов. Благодаря такому знанию, исходя из того, что мы можем сделать в данный момент, мы знаем, как сделать что-нибудь отличное от этого или сходное с этим в иное время, если таково будет наше желание». 1) Ныне существующий и использующийся опыт прошлого дает достоверные сведения не только относительно именно тех единичных объектов и не только именно того периода времени, которые он охватывал, как это утверждал Юм, но и относительно всего множества тех единичных предметов, которые существуют, или существовали, или будут существовать на такой же стадии своего развития и в таком же состоянии и которые имеют между собой то общее, соответствие с которым зафиксировано в опыте и используется как извлеченное знание. Именно этим обосновывается перенос прошлого опыта на будущие времена и другие единичные предметы того же вида или рода. Что же касается основания для переноса опыта, чувственностью снятого с предмета на такой-то стадии его развития и в

1) «Анатология мировой философии». М. 1970 г., т. 2, стр. 330—331.

таким-то состоянии его, на будущие состояния и стадии этого же или такого же предмета, то таким основанием может быть только истинность развития знания из исходных данных прошлого опыта, чувственностью снятого из этого или из такого же предмета, до интересующих нас в будущем упрежденных стадий и состояний.

Смысловое содержание мысли строим, предупорядоченностью своих смысловых элементов, связанных с соответствующими символ-структурами, и субъективным выбором начала и хода изложения и обуславливает символ-структуру изложения. И поэтому правильное словесное выражение процесса истинного развития вещи обуславливает собой такую структуру и таких слов (такой общественный грамматический строй словосочетаний), которые при восприятии их человеком, правильно понимающим обобществленный смысл этих символ-структур (этих слов и словосочетаний), могут направлять процесс формирования и развития смысло-представления об изучающейся вещи и ее развитии.

Мысленная модель фиксирует и аккумулирует в себе знание не только тем, что в своих смысловых элементах отображает свойства соответствующих элементов предмета познания, но, кроме этого, в той мысленной структуре, которой умосознание субъекта мысленно объединяет и организует эти смысловые элементы модели в ее системную целостность, может отображаться соответствующая структура соответствующих элементов предмета познания. И эта мысленная структура смысловых элементов модели должна соответствовать реальной структуре образования и функционирования того сложного предмета познания, который отображается в модели. Поэтому мысленная структура смысловых элементов в мысленной модели должна предстать не только (и не столько) как объект для размышления, но и, главным образом, как структурные приемы, правила, усилия и напряжения, как законы реального процесса моделирующего мышления, образующего, составляющего, конструирующего модельное знание о предмете познания. Но т. к. к исходным мысленным смысловым элементам модели (=антиощущения и формы их границ-ничто) свойства прикрепляются умосознанием произвольно, для чего проявляются ведущие к цели различнейшие усилия, напряжения, движения и состояния умосознания и органов мышления, то этим же достигается и со-

провождается и формирование целостной модели и мысленное экспериментирование ею. Т. е. предохранителем от схождения мышления с правильного пути является стремление и цель сознания управлять и вести мышление так, чтоб формировать, выводить модель лишь из тех исходных смысловых элементов, которые взяты и определены вначале, и лишь при помощи тех свойств, которыми они произвольно определены мышлением, управляющимся осознающим цель умосознанием.

Иначе говоря, при мысленном моделировании следует всяческими, доступными для нас и возможными для процесса мышления вообще, усилиями, приемами, движениями и состояниями умосознания и органов мышления добиваться того, чтобы, во-первых, смысловые элементы мысленной модели соответствовали всем тем реальным элементам предмета познания, к которым они соотносятся для отображения, а также, во-вторых, чтоб структура смысловых элементов модели имела соответствие с реальной структурой соответствующих элементов предмета познания; и этого первого и второго соответствия следует добиваться по возможности глубокого, полного, точного и по элементам структуры, и по структурным элементностям, в разрозненных простых подробностях и в целостной сложности. Ведь в логике уже является общепризнанным, что результаты нашего мышления будут соответствовать действительности при соблюдении двух условий: исходные посылки должны соответствовать реальной действительности и приемы и законы мышления, правила выведения должны быть логически правильными. Но чем же определять правильность законов и приемов мышления, мысленного выведения, если не соответствием их с теми способностями к внешнему проявлению реальных элементов предмета познания, которые изначально и имманентно свойственны в заданных условиях и благодаря которым они вступают во взаимодействие и образуют сложные системы и их развития как следствия? Истинно познающее мышление не может и не должно противоречить действительному движению им познающегося предмета. Чтобы сложные представления или идеи были истинными, требуется, чтобы они были так мысленно составлены и из таких смысловых элементов, как это может быть в предмете познания между соответствующими его элементами. «Наши сложные идеи

субстанций, — писал Джон Локк, — будучи созданы все в отношении к существующим вне нас вещам и предназначены быть представлениями субстанций, как они есть в действительности, реальны лишь постольку, поскольку они являются такими сочетаниями простых идей, которые реально соединены и существуют совместно в вещах вне нас. Наоборот, фантатическими будут те, которые образованы из таких совокупностей простых идей, что никогда не бывали соединены в действительности, никогда не находились вместе в какой-нибудь субстанции¹⁾. А для сохранения истинности называемого знания, к тому же еще, необходимо наличие соответствия не только между элементами и отношениями знания и познаваемого, но и между изменениями и переходами элементов и отношений знания и познаваемого в иные состояния и в иные элементы и отношения. Необходимо исключить всякое несоответствие, с одной стороны, между реальными свойствами и реальной структурой объединения элементов в реальную целостность и функционирования их в составе целостности предмета познания и, с другой стороны, между берущими на себя функцию репрезентации мысленными смысловыми элементами знания со структурой их исходного взаимоотношения и последующего процесса мысленного развития модельного знания выведением его последующих состояний из исходных в соответствующих условиях.

Но реальный объект познания, его элементы и структура и то, его элементно-структурное, что доступно ощущениям познающих его органов, в архитектурной структуре восприятий даны истинными. Следовательно, все смысловое содержание модель-представления и некоторые ее структурные фрагменты, которые мышлением выводятся из исходных смысловых элементов, в том числе и из тех и таких, в которых отображаются чувственным восприятием недоступные реалии (уровни сложности) предмета познания, следует сопоставлять и приводить в соответствие с неискаженным эмпирическим опытом или с данными чувственных восприятий. Таким выведением включается, восполняется и делается мысленно обозримым и все то из восприятий недоступного в предмете познания, что необходимо и достаточно для получения полной и цельной модели, истинно отображающей

1). «Антология мир. философии». М. 1970 г., т. 2, стр. 425.

все те элементы и структуры, которые образуют, развивают и обуславливают этот предмет познания, и всех тех уровней сложности, которые этим выводением и моделированием охвачены.

Следовательно, не из восприятий необходимо выводить, не восприятиями необходимо объяснять сущность элементов, строение, работу и проявление предмета познания, а из мышлением истинно познанной, разгаданной, открытой и уясненной сущности глубинных исходных элементов выводить возможную структуру и возможные целостности при данных условиях и тем самым получать проявления и поведения этих целостностей как следствие мысленного вывода и экспериментирования и приходить к получению в представлении таких структур, которые соответствуют, подобны некоторым чувственно воспринимающимся структурам. Этим и будет выведено и объяснено в восприятиях данное, что как раз и важно для практики, для познания и для предвидения. Ведь объяснить — значит понятно и правильно вывести объясняемое из достоверно истинного. Нельзя правильно понять вещь, если не представить ее себе как следствие, как результат образования и развития ее из составляющих ее и уже как-то известных элементов и структуры. Доказательство в том и состоит, чтобы убедительно и достоверно раскрыть необходимость таких-то последующих состояний предмета или его элементов, единственно и необходимым образом следующих из предшествующего состояния его и окружающих его условий, или чтобы убедительно и достоверно раскрыть возможность таких-то состояний предмета, единственно и необходимо следующих из предшествующего состояния его при возможности таких-то условий. А те вещи, чей сущностный состав и механизм существования и развития мы познали, — эти вещи мы можем и производить, если реально располагаем соответствующими средствами. Именно в результате такого познания вещи появляется возможность истинно предсказать поведение вещи в известных или заданных условиях или выяснить, узнать те условия, которые необходимы для заданного или известного поведения вещи.

Чтоб окончательно и безошибочно познать «по каким созидаются вещи законам» (Лукреций), необходимо открыть, разгадать, творчески сформировать такие истинные смыслы и состав исходных понятий, чтоб ими обуславливающаяся

логика выведения из них последствий давала бы разуму возможность выведением получать истинное знание о сути состава, о строении и работе, о развитии и о возможностях предмета познания, вследствие чего и произойдет слияние философии, логики и естествознания. Именно нечто и ничто позволяют мышлению вскрыть общее в любых элементах, независимое от их конкретного содержания, взять истинный, необходимый и достаточный смысл существенных противоположностей любого элемента и, что особенно важно, наименьшего, отобразить и зафиксировать его в системе знания в качестве исходного, фундаментального и всеобщего знания, отличать их и не путать между собой и выяснить при помощи их все остальное, необходимое для окончательного и полного познания тех начал и элементов, из которых затем вывести истинное знание о любом, что может получаться из этих начал и элементов в виде образов-моделей, выяснять, распознавать и всячески исследовать их.

«Понять предмет — значит раскрыть необходимость его содержания, оправдать его бытие, его развитие; понятие не обходимым и разумным не есть чуждое нам: оно сделалось ясною мыслью предмета; мысль сознанная и понятая принадлежит нам и сознается нами...»¹⁾. И если она истинна и правильно понята разумом, то она и одна (и как в такой-то мере своей истинности, и как в одноэкземпляльности ее реализатора в разуме данного индивида); но она может размножиться через усвоение многими столь же разумными людьми и может отображать в себе то общее у многих предметов, что у них одинаковое. Ибо и в мышлении из одинакового и одинаково истинного исходного знания при во всех отношениях одинаково правильном выведении следует одно и то же, т. е. одинаковое. Общее не существует само по себе: оно есть как одинаковое у множества индивидуальных предметов и отображается одинаковым в исходных от них отображениях и в представлениях познающих их индивидов. Из признания возможности умозрительного отображения общего в очертаниях антиощущений, из состава и структуры которых формируется любое смысловое содержание любого представления, вовсе не следует признание

1). А. И. Герцен. «Антология мир. философии». М., 1972 г., т. 4, стр. 181.

того, что отображающееся в нем общее для многих индивидуальных предметов познания существует в виде самостоятельной вещи (дом вообще, лошадь вообще и т. д.), как это утверждает В. П. Бранский¹⁾.

III

Здесь следует иметь в виду и следующее. Как нам известно, данные опыта субъект получает в результате запоминания восприятий реальной действительности, а реальность в восприятиях дается ему такой, какова она есть и единственно только и может быть в данное время и при данном состоянии субъекта и окружающих условий. Поэтому ложность данных опыта в их исходном состоянии настолько исключается, насколько они свежие, насколько они не изменились при запоминании и хранении в памяти и при воспоминании и насколько субъект не допускает ошибки в соотношении их именно к тому предмету, который и проявляет в чувствительности субъекта такую-то архитектуру своей структуры. И поэтому если знание превращается в опыт (а это может происходить в результате того, что представление точно совпадает по форме своего содержания с содержанием архитектуры восприятия и, сливаясь с последним, получает восприятию-чувственное подтверждение и запоминание), то это настолько говорит об истинности этого знания, настолько не было или нет ошибки и в том, к какому предмету и к каким окружающим его условиям соотносилось или соотносится этим субъектом это представление. Т. е. нельзя сказать, что любое знание является истинным всякий раз, когда так мыслящемуся его смысловому содержанию имеется точное соответствие в реальности; для истинности знания необходимо, кроме этого, и истинность соотношения. Например, структура орбитальной модели элементов может быть истинной при соотношении ее к нашей солнечной системе, но при соотношении ее к атому она не истинная. Поэтому, знание, получая чувственное подтверждение в практике субъекта, может превращаться в опыт (например, архитектура восприятия рисунка или макета орбитально-планетарной модели атома запоминается и переходит в опыт); но если при этом

¹⁾ В. П. Бранский. «Философское значение «Проблемы наглядности» современной физике». Изд. ЛГУ, 1962 г., стр. 85.

была ошибка в соотнесении, то и опыт при этом закрепляет в себе эту ошибку и впоследствии может быть источником заблуждений.

Из предшествующего известно, что понятие как форма речевого (обобществленного) мышления фиксирует в себе и содержит сохраняющимся знание о существенных и отличительных признаках предмета; а суждением и умозаключением в процессе общения индивидов осуществляется ориентация и алгоритмизация структуры процесса мышления (действия с или над понятиями). В результате чего смысловые содержания понятий изменяются, появляются новые понятия, образуются более сложные из простых, разлагаются сложные на простые и пр. В начале формирования понятия его символ-структура может вызывать у каждого индивида смысловое представление, фиксирующее собой далеко не все богатство содержания отображающегося в нем предмета; она может вызывать смысловое представление, фиксирующее собой отличительные признаки одного и того же предмета, но разные у разных индивидов и часто не самые существенные. И лишь в результате общения и взаимообучения индивидов происходит уточнение, выобщение и развитие смыслового содержания понятия. Моделирование осуществляется мышлением в форме понятий, и суждениями, и умозаключениями, и вообще любыми формами мышления, которые обеспечивают собой модельную организацию смыслового содержания мыслей и мысленное экспериментирование посредством модельного знания. Поэтому оно является такой формой мышления, которой реализуется как фиксация и сохранение знания, так и изменение и развитие его; которой реализуется объединение и устойчивых, относительно неизменных смысловых элементов или понятий и структуры (логики) мышления, и возможность сохранения старого знания, и возможность получения нового, и сохранение простых элементов знания и образования из них в соответствующей структуре сложного знания о частях и о целостностях предмета. Моделированием реализуется познание иерархии уровней сложности и внутри предмета и вовне, познание и внутренних элементов, и структурных форм (механизмов), и внешних результативных проявлений и свойств, и внешних условий, и изменений во внешних условиях и в предмете, и характер взаимобусловленности внешнего и внутреннего

Само развитие мышления и переходы его от одной формы к овладению им другой более сложной, развитой и совершенной формой мышления, показывает, что в ходе этого развития оно следует соотносясь с ходом и формами развития познаваемой им реальной действительности. И задача истиннистской логики состоит в том, чтоб содержание понятий и формы мышления привести в такое предельно полное соответствие с элементами и структурой реальной действительности и формами ее существования и развития, какое вообще возможно для предельно развитого человеческого мышления. Необходимо разумом создать такие исходные понятия и так сохраняющие и так изменяющие свое смысловое содержание, какие есть те исходные элементы, которые общие для всего существующего в реальности, из которых все произрастает и образуется. Необходимо разумом познать и овладеть такими приемами и формами мысленных усилий и действий, такими формами мышления, которыми смыслы этих исходных понятий приводились бы разумом и в разуме в такое же движение, взаимосочетание и взаимопроявление, как и простейшие первоэлементы реальной действительности, — такими формами мышления и такими переходами и изменениями их, какие необходимы и достаточны для того, чтобы из истинных исходных понятий безошибочно выводить истинное знание о всем том, что, как и какое было, есть и может быть в реальной действительности и чтобы затем со знанием дела концентрировать и направлять усилия на необходимом из возможного. А т. к. любой предмет познания состоит из структуры элементов, каждый из которых является протяженностью его составляющего материального нечего (т. е. чего-то того, что в нем есть как его составляющее) с границей-ничто между ним и иным нечего, а любое смысловое содержание любого представления (мысли, идеи, знания), отображающее этот предмет познания, также состоит из структуры смысловых элементов, каждый из которых составляет протяженностью таковой антиощущения с границей-ничто между ним и иным антиощущением, то поэтому и оказывается возможным разумом в этом смысле полностью, окончательно, истинно познать (смысловыми модель-представлениями отобразить) все имеющееся в реальности и выразить его в логике истинно и умонаглядно осмысленных понятий. Это же и дает нам гносеологически обоснованное

право брать именно такой смысл некоторых исходных фундаментальных понятий новой СНОЗ (но этот смысл будет еще уточнен и развит), ибо и мышление наше предрасположено мыслить именно такой смысл (= протяженность как-то чувственно окрашенного антиощущения и форму его границ-ничто с иным антиощущением), и те элементы ареальности, к отображению которых соотносятся эти понятия, не могут не иметь протяженности каких-то своих нечто и границ-ничто их с иными нечто. Ни в объективной реальности, ни в субъективной реальности нет ничего, кроме уже уясненных и далее уясняющихся материальных нечто и идеальных ничто. Более того, это же и есть то самое главное, самое существенное, самое фундаментальное в любом элементе реальности, чем и реализуются всякие его свойства, передвижения и пр. Но это же и есть именно то в любом реальном элементе сущего, мысленное прослеживание за состояниями, изменениями, перемещениями и пр. чего и дает его познаваемость, отображаемость.

И поэтому ясно, что в здесь развивающейся логико-понятийной системе невозможно пользоваться таким смыслом понятия идеального, каким ныне пользуется монистический материализм, полагая, что материя, пересаженная в голову, перерабатывается в идеальные мысли, идеи, не являющимися материальными. И ясно, что вопрос о том, материальное или идеальное первично, этфективно выполнять функцию различения и размежевания противоборствующих идеологических лагерей, механизм чего раскрыт в предшествующих частях (особенно в первой части) «Прологов...», не может. Понятно также, что если не ничто принять за идеальность, являющуюся всеобщей прямой и полной противоположностью любого материального нечто, то тогда вообще ничего противоположного по отношению к материальному нет и быть не может. И тогда мышление вынуждено будет находиться в рамках монистической, логической формы материализма и вымучивать фиктивные выведения фиктивной противоположности для правдоподобного объяснения реальной действительности и процессов отображения, отчуждения образов и прочих вопросов, — в рамках такой монистической логической формы, согласно которой допускается возможность одновременного утверждения и отрицания одного и того же: в мире есть только и только материя и в мире, кроме мате-

риального; есть и идеальное. Пример использования такой логики реакционерами описывает И. Тарутин в газете «Правда» за 30 июля 1980 г., реплика: «Логика предательства».

§ 3.

Моделирование и познание предметов, экстенсивно более сложных по сравнению с субъектом.

1

Когда, где и в какой мере тело организма субъекта во всей его целостности не проявляется иначе, не участвует в ином движении, чем движение элементов, тел и систем той среды, которая его окружает и пропитывает и с которой он соприкасается поверхностью своего тела, а движение и проявление последних не отличается от движения и проявления тела этого субъекта, то тогда, там и в той мере тело организма этого субъекта является элементом или частью системы высшего уровня сложности, а не самостоятельной системой. И лишь тогда, там и в такой мере целостное тело субъекта является самостоятельной системой, когда, где и в какой мере оно иначе проявляется, участвует в ином движении и испытывает воздействие и взаимодействие элементов, тел и систем среды вследствие инакости тех движений и проявлений последних, которыми они отличаются от ставшего телом субъекта. Так, например, насколько человек не проявляет иного движения, чем суточное или орбитальное движение Земли, настолько он является ее элементом. То же самое и относительно систем еще высших уровней сложности: солнечная, созвездия, галактика и т. д. Вследствие этого насколько человек является элементом системы высшего уровня сложности, настолько он не может получить в ощущениях и в восприятиях ее самостоятельное проявление как системы по отношению к себе. И лишь в той мере, в какой человеку удавалось обнаруживать иное движение себя или Земли относительно себя и других небесных тел, в этой мере он и получал соответствующие восприятия и мышлением восстанавливал целостную картину, модель проявления изучаемой системы, включая туда и взятые из наблюдения структурные фрагменты восприятия и прибегая к уже уясненным нами формам и приемам (переноса, уменьшения и пр.), на которые способно наше мышление вообще (и моделирование в том числе).

Воспринимавшиеся или воспринимающиеся наглядные архитонические формы структур мышлением используются то в качестве фрагментов сложного творчески сформированного представления, то в качестве ориентира и проверочного результата при выведении сложного модель-представления из исходный элементов модели, то прочим образом используется. Но по мере того, как человек переходит к познанию систем более высоких уровней сложности, его самостоятельные проявления и движения в ней становятся настолько малы по сравнению с движениями и проявлениями той сложной системы, которую он пытается познать, что они теряют свое значение в процессе познавательного мышления в качестве опорных материалов (данных) восприятия происхождения, а за некоторыми пределами они вообще становятся чувственно не обнаруживающимися и не воспринимающимися. И тогда все познание сложных систем вынуждено довольствоваться лишь возможностями и способностями творческого мышления со всеми его преимуществами и недостатками, со всей его свободой и «невесомостью», с отсутствием того ограничения, той опоры и тех ориентиров, которые дают воспринимающиеся или воспринимавшиеся формы, видения (образы) структур, структуре выводимого или творчески формирующегося смыслового содержания представления,

Из чего же, из каких исходных начал можно тогда формировать модели систем тех уровней сложности, проявление которых как систем не доступно восприятиям? Может быть из тех структурных картин, образов, которые все же хоть мал-мало доступны нашим восприятиям? Но они, во-первых, весьма относительны и не позволяют определить что или какое тело из двух, изменяющих свое взаимодействие и взаиморасположение, является причиной; во-вторых, такие данные восприятий в лучшем случае могут оказать помощь в создании картины, отвечающей на вопрос, как происходят изменения чувствами обнаруживающегося, но почему так происходят и какие еще возможны изменения — этого только восприятиями познать невозможно. Классическая небесная механика не объясняет и не может объяснить причин движения планет по эллиптическим орбитам; она только описывает, показывает как движутся планеты, констатирует, что есть всемирное тяготение как-то себя проявляющее; а то, что оно собой представляет, что и как его порождает, почему

чем и как оно действует, остается неизвестным. Заменой же названия «силы притяжения» на название «силы гравитации» ничего же не объясняется. В-третьих, сами восприятия и ими воспринимающееся должны быть объяснены, а следовательно, должны быть выведены из всеобщих, неизблемых и достовернейших начал. В-четвертых, внешнее проявление как свойство сложной системы должно быть тем, из чего при некотором количестве их (систем) как элементов следует выводить структуру и итоговое проявление еще более сложной системы, т. к. целостное проявление последней есть результат взаиморасположения и взаимодействия первых, являющихся для нее элементами (например: звездные системы в созвездиях или в галактиках). Кроме того, мы не можем проверить истинность выводов о поведении звездной системы путем сопоставления их с восприятиями данными, т. к. не можем этого воспринять не перестав быть элементом ее; а наши способности к изменению своего положения относительно всей целостности, например, созвездия, мизерные и результаты таких изменений мы воспринимаем (если еще способны воспринимать) не по отношению к целостности этой во много раз экстенсивно более сложной системы, а по отношению к тем ее частям, которые нами как-то еще воспринимаются. Но часть системы не есть система; она обладает своими свойствами и лишь в совокупности и в структуре всего состава системы обуславливает таковы проявления ее целостности.

Таким образом, нет иного более надежного пути к познанию систем высших уровней экстенсивной сложности, как посредством движения мысли от познанных свойств и проявлений систем низших уровней сложности и через выведение из некоторых множеств и взаиморасположений этих низших систем к получению результатом выведения моделей возможных структур высших систем, способных обеспечивать ту их целостность и проявление вовне, которые в доступных наблюдению фрагментах подтверждаются и восполняют недоступное чувственным наблюдения субъекта. Но системы низших уровней сложности в свою очередь нуждаются быть выведенными из еще низших и т. д. И все познание впирается в вопрос о наличии возможности истинного познания тех исходных начал и простейших элементов, из которых можно было бы все истинно вывести, объяснить и познать.

Для более глубокого и точного познания общественных систем, уровень сложности которых также является высшим по сравнению со структурно составляющими их человеческими индивидами, также необходимо прежде всего познание — с предельно возможной точностью, глубиной и полнотой — того в человеке, чем обуславливается, поддерживается и воспроизводится его живость и здоровье, его хорошие настроения, его возможности и предпочтительности дальнейшего развития и совершенствования, необходимо познание тех смыслов и ценностей его жизнедеятельности, тех его главных потребностей и тех возможных путей их достижения, которые наилучше ведут людей к прогрессу. Необходимо познание и развитие у каждого той, нужной всем, мудрости, которой достигаются и сохраняются здоровье, продление жизни, любовь и прочие благородные цели; необходимо познание того, куда и зачем идет, развивается человечество, куда и зачем оно может и должно идти, развиваться, чем, куда и как направлять и регулировать его развитие. Все это особенно необходимо знать в эпоху проблем переустройства общественного строя и научно-технической революции, когда чувство превосходства человека над предыдущими поколениями, навеянное недавним успехом науки и техники, сменилось осознанием того и озабоченностью от того, что технические достижения сами по себе не только не решают коренных проблем жизни человека, но даже ставят новые проблемы и трудности. Известно также какое большое разнообразие жизнеповедений, формирование которых обусловлено соответствующими обстоятельствами и наследственными особенностями и которыми человеческие индивиды реализуют свои интересы (далеко не всегда прогрессотворные для них самих), находят успокоение и радость (например: труд, накопление денег, чувственные наслаждения, развитие ума, развитие силы, приобретательство вещей, слепое удовлетворение всяких похотей телесных, забота о себе, забота о потомстве, забота о других, путешествия и пр., и пр.). Но от чего лучше развивается человечество? и что значит лучше? и что значит человеческое в человеке? — вот вопросы, которые нужно исследовать, выяснять и без обманов и безошибочно высвечивать и раскрывать для каждого.

Ясно что человеческие общественные системы (как и любые системы) не могут образоваться и существовать без и до их слагающих человеческих индивидов, не могут существовать не ими, не через них. Качества сложных образований, в том числе и общественных систем, и их специфичность должны быть объяснены сведением, говоря словами Л. Б. Баженова, «к нижележащим и более фундаментальным уровням, причем таким образом, чтобы было возможно теоретическое «выведение» более сложных уровней. Редукционизм и есть доктрина, утверждающая, что качественную специфичность сложных материальных образований надо не постулировать, не произвольно вводить на основе поверхностных наблюдений и поверхностной констатации отличия одной предметной области от другой, а уметь понять как результат закономерного усложнения более простых материальных образований, объяснить, теоретически вывести, исходя из фундаментальных законов более простого и общего уровня материальной организации»¹⁾. Далее Л. Б. Баженов верно пишет «о необходимости преодоления упрощенческой критики механицизма, ведущейся якобы под флагом отстаивания качественной специфики высших форм движения, а на деле представляющей метафизическую абсолютизацию этой специфики» (там же).¹⁾

И поэтому именно из сущности свойств, тенденций, возможностей и желательностей проявлений и развития человеческих индивидов как элементов общественных систем следует выявлять и мысленно формировать, развивать и совершенствовать такую научную модель общественной системы, практическое использование которой наилучшим образом вело бы к тому, чтоб люди жили продолжительнее, становились бы умнее, здоровее, добрее и совершеннее, и чтоб блаженства достигали, и чтоб в делах потомков надежды предков расцветали — вело бы к прогрессивному развитию людей и общества. Вещь те результаты в развитии человека и те формы жизнедеятельности и поведений, которые достигнуты за всю предшествующую историю, не есть все то, чего могут вообще достигнуть в своем развитии люди. Реально историческое развитие

1). Л. Б. Баженов. «Строение и функции естественнонаучной теории». М. 1978 г.; стр. 183.

любого предмета, а человека и общества в особенности, не есть то оптимальнейшее и максимально ускоренное и простое, которое вообще возможно и познание чего возможно логическим путем. Общественные системы могут проходить свое развитие более ускоренно, минуя кое-какие этапы и формации, избегая множества ошибок и отклонений в сторону от путей, ведущих к наиболее прогрессивному и совершенному, если руководители их руководствуются высшими достижениями безошибочно научного познания и мировой цивилизации, прогрессотворными достижениями всех стран и авангарда социального прогресса человечества. Примеров этому можно привести много.

III

Такости и особенности внешних проявлений реальных систем высших уровней сложности, те их новые свойства, которые не присущи их слагающим элементам, являются итоговым результатом структуры всех их слагающим элементов. Эти новые свойства, появляющиеся как результат образования и проявлений системы из элементов низшего уровня сложности, будем называть эмерджентными. Истинное знание о них можно и должно выводить мышлением из знания элементов, образующих эти системы, в соответствии с тем, что и в реальности от соответствующих соединений и взаиморасположений элементов и частей образуется целостная система с теми новыми интегративными свойствами или качеством, которые получаются у нее в результате этого, которые реализуются, проявляются ею как новым, более сложным образованием (= эмерджентные свойства) и которые несвойственны ее образующим элементам и компонентам. И так же, как эмерджентные свойства сложных систем не могут быть реально сведены к формам проявлений целостностей низших элементов (ведь от реального разложения, разделения системы на составляющие ее элементы и части от нарушения той структуры, которая объединяет их в эту и такую целостность, исчезают и те такости проявлений этой целостности вовне, которые она проявляет до и без этого разделения, разложения и нарушения), то и неверно будет пытаться мысленно выводить формы проявлений элементов из той системы, которую они образуют, т. к. они могут проявлять и другие свойства и образовывать системы с иными проявлениями и качествами. Форму движения более сложной ре-

альной системы не может взять на себя и реализовать собой реальная система низшего уровня сложности, т. к. она потому и является более сложной, потому и отличается от простой, что реализуется множеством систем низших уровней сложности и не может реализоваться одной системой этого низшего уровня сложности.

Кое-что из своих эмерджентных формы и свойств реальная система может отобразить и в данных чувственных восприятий, а именно то в ней, что доступно чувственности и что отображается в архитектонике соответствующих восприятий ее; а в мышлении же эмерджентные свойства можно получить в качестве результата выведения соответствующего смыслового содержания и мысленного экспериментирования, что и позволяет получать истинное синтетическое (по Канту) знание. То, что состоит из элементов и существует ими, не может возникнуть и существовать не ими. Более сложное в реальности есть результат объединения менее сложного и последующего развития этого объединения по линии развития его элементов и структуры, сопровождающегося соответствующими влияниями среды. Подобно этому и мысленное выведение знания более сложного необходимо начинать из знания более простого и вести к образованию из него более сложного, вести соответствующими усилиями умознания и умозрительным прослеживанием самополучного развития его элементов и структуры.

Одной из важных причин того, что Карлу Марксу удалось раскрыть и в соответствующей мере верно выразить сущность капитала, является то, что он применил соответствующий метод: начал исследование из относительно простого элемента — товара, а затем развивал исследование и изложение в соответствии с содержанием и развитием реального предмета познания. Закономерность, что всякое более сложное и развитое реальное образование образуется из каких-то менее сложных исходных элементов, является общей и для природы и для общества. И если мы хотим истинно отражать сущность, строение и развитие реальности, то эта закономерность должна быть общей и для познающего реальность мышления; она, уже как логическая закономерность моделирования, должна собой подчинять, управлять, ориентировать мышление на соответствующий подход и путь исследования и изложения. Значит и модельно организованное знание о

более сложных системах следует выводить из модельно организованного знания элементов и частей, эти системы образующих путем выявления той структуры, которая может образоваться из них и обеспечить целостность и качество этой сложной системы, а не выводить знание об элементах (о человеке, например) из знания о системе (из общества, например), как это делали некоторые наукословы ранее и ныне пытаются некоторые делать, пытаясь изобразить общество каким-то обезличенным общечеловеческим существом, на манер гегелевской Абсолютной идеи, маскируясь терминологией пытаются провести философию монистического идеализма.

Фихте, например, вот на что наводит: «не индивид, а единая, непосредственная, духовная жизнь есть создатель всех явлений и самих являющихся индивидов. Поэтому-то наукословие строго требует, чтобы эту жизнь представляли чисто и без всякого субстрата. Разум, общее мышление, безусловное познание, выше и больше, чем индивид». «Индивид мыслит не сам по себе и не посредством своей силы, но как Единое и уничтожением своей индивидуальности». Сознание индивида, по Фихте, есть «сознание жизни, вмещающей в себя и уничтожающей всякую индивидуальность». «Индивид действует в действительности не как индивид, а как Единая жизнь: его самоопределение к деятельности есть... отказ от индивидуальности, основывающемся только на свободном понятии, и отдача себя объективной внешней силе, которая есть сила Единого». 1) Эти идеи, как известно, подхватывает Гегель и разрабатывает систему монистического идеализма. Этой философией пользовались и все еще пользуются фашисты. А некоторые и наши философы «развивали» и продолжают «развивать» философию в том же несотсоятельном направлении:

В. П. Копнин: «Человек — это человеческое общество. Человек — это обобществленное человечество, человеческое общество с определенными орудиями и средствами производства, экономическим строем и формами надстройки. Вне общества нет и не может быть человека. Индивидум, имеющий все антропологические признаки современного человека, пол

1). См. «Антология мир. философии». М., 1971 г., Т. 3, стр. 228—230.

ностью оторванный от человеческого общества, по существу не является человеком».2)

Э. В. Ильенков: «Но человек при этом понимается не как отдельный индивид с его мозгом, а как реальная совокупность реальных людей, совместно осуществляющих свою специфически человеческую жизнедеятельность, как «совокупность всех общественных отношений», складывающихся между людьми вокруг одного общего дела, вокруг процесса общественного производства их жизни».3)

IV

«Кто же не знает, что существование видов складывается из отдельных индивидов, но не из одного индивида, а всех в целом; и если виды образуются из них, то при их упразднении должно упраздниться и образуемое. Следовательно, при упразднении всех индивидов упраздняются и виды. А если нет последних, то не будет и родов, ибо как виды образуются из индивидов, так и роды — из видов. Значит, он (Аристотель) справедливо назвал индивид сущностью главнейшей, первичной и преимущественной, которая является причиной образования видов и родов... и для существования привходящих признаков необходимо, чтобы были их носители, ибо сам привходящий признак в отдельности никогда не бывает...» (Аноним, VI век)4).

«Сперва существуют индивиды, а лишь затем из индивидов образуются виды... Кто говорит, что индивиды образуются из вида, а вид — из рода, тот не знает истины...» — Ваграм Рабуни (XIII в.)1).

«Индивид есть подлинная, первичная и главнейшая сущность. Род не может образоваться без вида, а вид — без индивида... Для того же, чтобы существовал индивид, не требуется их существования...» — Иоанн Воротнеци (XIV в.)2).

Общество является результатом развития взаимообменов

2). В. П. Копнин. «Введение в марксистскую гносеологию», К., 1966 г., стр. 62.

3). Э. В. Ильенков. «Проблема идеального». Ж. «Вопросы философии», № 7, 1979 г., стр. 158.

4). «Антология мировой философии». М., 1969 г., т. 1, стр. 639—640.

1). «Антология мировой философии». М., 1969 г., т. 1, стр. 650.

2). Там же, стр. 653.

и взаимодействий нескольких индивидов, без которых оно, как ни крути, не получается, что разъяснял и К. Маркс в письме к П. В. Анненкову.³⁾ А человек является результатом развития взаимодействий его организма, умосознания и знаний не только с сообществом себе подобных (без чего у индивида не развивается или плохо развивается лишь все то, развитие чего вызывается, стимулируется обуславливается и направляется обществом), но не в меньшей степени и с прочими реалиями неживого и живого, непрерывно его окружающими, пропитывающими и обуславливающими его развитие. От разложения индивида общество не получается. А общество распадается, разлагается, расходуется на его слагающих индивидов; и индивиды, на которые распалось какое-то общество или которые по каким-либо причинам оторвались от общества, остаются людьми и часто могут быть более совершенными, чем некоторые индивиды, входящие в состав какого-нибудь сообщества. В. И. Ленин: «Начинать с вопросов, что такое общество, что такое прогресс? — значит начинать с конца. Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, когда вы не изучили еще ни одной общественной формации в частности, ...не сумели даже подойти к объективному анализу каких бы то ни было общественных отношений?»⁴⁾.

И на примере из техники ясно же, что создать ЭВМ и так изучить устройство и работу, чтоб уметь устранять ее неисправности и ошибки и совершенствовать ее, невозможно без знания всех слагающих ее элементов, деталей и частей, как невозможно было бы и составление таблицы Менделеева без предварительного познания ее составляющих элементов.

Путь выведения знания высшего из знания низшего, знания о сложном из знания о простом вовсе не исключает, а предполагает не только последующее рассмотрение влияния высшего на низшее, системы на элемент, но и такое предварительное познание высшего, которое позволило бы играть роль ориентира в процессе выведения знания о нем из низшего, держась которого можно было бы отбрасывать возможные ответвления выведения как не ведущие туда, что

3). К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 402.

4). В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 141.

мы желаем познавать и знать. Из всего выходит, что для исчерпывающего истинного познания интересующего нас сложного образования необходимо знание о нем получить выведением из истинного и несомненного знания о том низшем и менее сложном из чего складывается и чем реализуется образование, существование и развитие познающегося. И Кант ломал голову над вопросом о том, как возможно выведение синтетического знания. А выводить его только так и нужно и возможно, как появляются в реальности новые образования со своими новыми качествами из ее всеобщих исходных начал и элементов. И человеческие организмы образуются и состоят из атомов и из всего того, из чего образуются, развиваются и состоят атомы. Человек не сотворил атомы, а сам сотворился из них и из их составляющего и окружающего, хотя теперь люди и могут синтезировать атомы, руководствуясь знанием о них и о всем прочем.

Ведь и звездные системы и галактики взаимодействуют между собой через атомы и через все то, из чего состоят атомы и все их окружающее и пропитывающее. Так же и в общественной системе: взаимодействие ее составляющих людей и прочих элементов осуществляется через атомы и через все то, из чего они и их окружающее состоит. И поэтому невозможно исчерпывающе и истинно познать глубинные причинно-следственные механизмы развития и взаимодействия всего этого без открытия и уяснения истинных окончательных смыслов и состава всеобщих и фундаментальных понятий новой СНОЗ, к чему мы продвигаемся и уже приближаемся.

Значит для формирования и выведения мысленных моделей более глубоко, подробнее и истиннее отображающих сложные образования (космические или общественные системы) сначала необходимо истинно и окончательно познать эти всеобщие начала и элементы (эти исходные «клеточки» или «кирпичики», это основание или фундамент мира и Вселенной) и те возможные структуры, которыми они объединяются в системы, а затем уж идти к рассмотрению этих и всевозможных сложных образований. Именно таким началом в ходом объяснения достигается убедительное опровержение ложных и регрессоточных концепций о сотворении и сохранении мира силой сверхестественного мистического существа (духа, бога и пр. без раскрытия и доказательства истин-

ного смысла их). Для того, чтобы познать, что происходит с сознанием или с душой после смерти человеческого организма, необходимо сначала познать что это такое (сознание и душа), из чего и как они образуются, а затем познать то, что происходит с тем, что их образует и поддерживает в живом организме, в результате чего этот организм умирает и что происходит от его умирания. Следовательно, исходной базой для выведения знания об общественных системах должно быть исчерпывающее и истинное знание человека, его умосознания, его живости, здоровья и возможностей самоздоровления, его возможности, пути и средства развития и совершенствования, что возможно и необходимо познать выведением из истинного знания всеобщих исходных начал бытия и наименьших элементов сущего.

§ 4. Моделирование и познание систем низших уровней сложности, находящихся за пределами различающей способности чувств субъекта.

I

Как же познать элементы и структуры систем тех уровней сложности, которые настолько малы, что в отдельности не чувствуются ни органом чувств, как-либо специализировавшимся, ни частью, ни всей целостностью тела и организма субъекта (например, элементы субатомных уровней сложности)? Ведь ни элементы таких систем, ни составленные ими системы в своей целостности (указанных уровней сложности) не могут ощущаться, а следовательно, и свойства их, и форма границ их, и пространственно-временная и причинно-следовательная структура объединения элементов в системы не могут выявиться непосредственным восприятием и непосредственно отобразиться в восприятийных данных. А такость, размер и форма границы элементарных восприятий, вызывающихся у субъекта множествами неизвестно каких и неизвестно как взаимооструктуренных элементов таких уровней сложности, есть эмерджентный результат их множества и взаимооструктуры, не присущий ни одному из элементов этого множества в отдельности.

История человеческого познания показывает нам, что человек не удовлетворился познанием лишь доступных непосредственным восприятиям уровней сложности, хотя и

начал познавать мир именно с познания последних. Исчерпав познание тех зависимостей, структур, причинно-следственных связей, свойств, качеств и пр., которые выявляются непосредственными восприятиями или творческим формированием тех смысловых структур представления, которые еще верифицируются восприятиями, и убедившись, что чувственные данные не позволяют понять, непротиворечиво объяснить и предвидеть происходящее в воспринимаемом мире (что и явилось условием для распространения убежденности в наличии каких-то потусторонних, сверхестественных сил и для формирования религиозного мировоззрения), мыслители проникали своими мыслями вглубь и стремились познать те элементы нечувствующихся уровней сложности и их структуры, следствием проявлений множеств которых в некоторых структурах является происходящее в видимом (воспринимаемом) мире. Опыт предшествующего познания и авторитеты теории познания убеждали, что нет более правильного, эффективного и полезного для практики пути познания сложных предметов и явлений как пути правильного выделения простых элементов и частей сложного и познание свойств и качеств их в обособленном их состоянии, а затем познание того пространственно-временного и причинно-следственного порядка взаимоотношения и взаимодействия этих элементов и частей в целостность сложного предмета и выведение свойств и возможных проявлений этого сложного предмета в качестве следствия структуры образующих его элементов и частей и внешних условий.

«Природа любой вещи лучше всего обнаруживается в ее мельчайших частях» (Аристотель, «Политика», кн. 1, 1, стр. 162). И Ф. Бэкон отмечал, что «вещи мелкие и незначительные дают нам больше для познания великих вещей, чем великие — для познания мелких»¹⁾). Аристотель природу государства ищет прежде всего в семье и в простейших формах социальных связей, которые встречаются в любой хижине. К. Марк выводит сущность и механизм капиталистической системы из потребностей отдельного человека и труда и товаров как необходимых условий его существования. Иголки помогли раскрыть магнитные свойства железа, а не большие его куски и залежи, как точно замечает Ф. Бэкон.

1). Ф. Бэкон. Соц. в 2-х томах. М., 1971 г., т. 1, стр. 162.

И этот опыт, подтверждающий эффективность пути познания от простого к сложному, образовался под влиянием того, что, организованная в иерархию структурных уровней сложности элементов и систем реальность для истинного познания себя субъектом вынуждала его и мыслить соответствующим образом. Если мы хотим получить истинное знание, то структура процесса мышления, создающего из исходных смысловых элементов смысловую сложность мысленной модели, истинно отображающей предмет познания, должна соответствовать реальной взаимоотноструктуре элементов этого предмета познания.

Для дальнейшего развития гносеологии исследование ее истории имеет значение именно для выяснения вопросов о том, какие изменения форм мышления вели к ускорению познания. Один из важнейших выводов гносеологии в том и состоит, что эффективность и ускорение познания повышались от изменения смыслов понятий, логики и форм мышления: изменения их именно в сторону приведения в соответствие с предметом познания. А от строгого подчинения мышления старым формам и методам существенного роста эвристичности мышления и истинности знания не получить.

Конспектируя «Науку логики» Гегеля, В. И. Ленин отмечает следующее: «Гегель гениально угадал в смене, взаимозависимости всех понятий, в тождестве их противоположностей, в переходах одного понятия в другое, в вечной смене, движении понятий именно такое отношение вещей, природы». 1) «Отношения (= переходы = противоречия) понятий = главное содержание логики, причем эти понятия (и их отношения, переходы, противоречия) показаны как отражения объективного мира. Диалектика вещей создает диалектику идей, а не наоборот» 2). Таким образом, сама логика как наука о формах, о структуре мышления, «Логика и теория познания должна быть выведена из развития всей жизни природы и духа». 3) И если она сейчас в какой-то мере не есть истинный результат такого вывода, то нужно ее соответственно изменять, развивать и выводить. Изменять в направлении максимального устранения несоответствия между структурой элементов и систем реальной дей-

1). В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 179.

2). Там же, стр. 178.

3). Там же, т. 25, стр. 80.

ствительности и структурой смысловых элементов в содержании представлений и идей, производя для этого соответствующие приемы и порядок в ходе процесса мышления, осуществляющегося соответствующими формами (формы речевого мышления, формы речевого мышления: понятия, суждения, умозаключения, модели и пр.) и производящего соответствующим образом организованное знание. Движение смысловых элементов знания должно как можно точнее соответствовать движению отображающихся в них элементов предмета познания.

Если структура отношений и переходов, приемов и методов процесса мышления, познающего реальный предмет, в настоящее время в какой-то мере не соответствует (не точно и не во всем отображает) сущности и структуре элементов этого предмета реальности, то менять и развивать нужно и возможно (в целях достижения более точного отображения, познания) именно смысловое содержание представлений и идей (ибо только в нем и отображаются предметы познания) и структуру приемов, методов и форм его производящего мышления, а не приспособлять объяснения познающего мира к субъективным мнениям отдельных авторов, исторически закрепившихся в текстах, излагающих теорию и логику познания. Недостаточно заниматься обобщением и систематизацией эмпирических экспериментальных данных, а основной целью при исследовании познавательных психических процессов и форм следует считать нахождение (научное открытие, уяснение и разъяснение другим) всего того, что необходимо для улучшения; для дальнейшего развития познавательных способностей человека, ибо развитие последних еще не закончено, т. к. и поскольку максимально возможное соответствие по глубине, полноте и точности еще не достигнуто.

«Глубокие структурные особенности объекта, — отмечает И. В. Кузнецов, — не постигаются никаким иным способом, кроме как через знание, организованное так, что его структура оказывается стоящей в определенной связи, в определенном соответствии со структурой объекта».¹

«Если мы знаем что-либо о Вселенной..., — писал П. А. Кропоткин, — если... наука о Вселенной возможна, это значит,

1). И. В. Кузнецов. «Структура научной теории и структура объекта». Ж. «Вопросы философии», I, 1968 г., стр. 75.

что между этой Вселенной и нашим мозгом, нашей нервной системой и нашим организмом вообще существует сходство структуры... Вот почему не только является противоречием называть непознаваемым то, что известно, но все заставляет нас, наоборот, верить, что в природе нет ничего, что не находит себе эквивалента в нашем мозгу — частичке той же самой природы, состоящей из тех же... элементов, — ничего, следовательно, что должно навсегда оставаться неизвестным, т. е. не может найти своего представления в нашем мозгу».2)

Кроме того, несмотря на многочисленные особенности и различия между элементами, системами и структурами реальности различных уровней сложности, имеется и что-то общее в элементах и структурах всех уровней сложности и всех их пронизывающее собой. Таким общим для всего и всякого и является наличие того материального нечего, которое образует его протяженность и является реализатором и носителем соответствующих качества и свойств, и наличие в нем той идеальной границы-ничто, которой оно оканчивается, прерывается и за которой начинается иное нечего, которой фиксируется форма протяженности этого нечего и которая по своему содержанию (а не форме, конечно) одинакова у любого нечего и на любом уровне сложности, ибо она ничто. Логика познавательного мышления (приемы, правила, направления мыслительных усилий и содержание того, что этими усилиями обрабатывается) реализуется элементарно-структурными образованиями умознания, которые являются тоже материально-идеальными (в таком же смысле этих терминов) и формируются, изменяются и развиваются под влиянием поиска истинности, соответствия мыслимого субъектом знания с предметом познания, вследствие чего и вырабатывается логика, теория познания и научное знание. Без этого соответствия наши действия не могли бы быть хорошо организованными и эффективными, а наше мышление было бы неспособно оценивать реальные условия и предвидеть последствия наших действий.

«...Чтобы сказать, что то, что находится «за пределами» современной науки, непознаваемо, — писал П. А. Кропоткин, — нужно быть уверенным, что оно существенно отличается

2). П. А. Кропоткин. «Современная наука и анархия». П. — М., 1921 г., стр. 309.

от того, что мы научились знать до сих пор. Но тогда это уже является громадным знанием об этом неизвестном... «(там же, стр. 308). Да и может ли то, что еще не познано, не быть в сущности своей каким-то нечто и до конца известным нам ничто? И разве невозможно познать его в этой сущности?

II

Справедливо возражают анализу как методу познания тем, что он, раздробляя целое на части, разрушает те свойства, носителем которых является это целое, и не снимает их отображений в знание. Но к этим вызванной утере знания приходят, если анализ берется односторонне, без обратного движения мысли, вновь синтезирующей целостное знание о целостном из исходных элементов знания, полученных в результате анализа. Анализ и синтез должны применяться в таком единстве и в такой раздельности, чтоб максимально точно и глубоко познать внутреннее устройство и «работу» элементов сложного целостного предмета. И тогда они становятся необходимыми и высокоэвристичными методами истиннистской логики мышления. И. П. Павлов говорил об этом методе и дает пример успешности применения его в познании: «...Метод изучения системы — человека тот же, как и всякой другой системы: разложение на части, изучение значения каждой части, изучение связи частей, изучение соотношения с окружающей средой и в конце концов понимание, на основании всего этого, ее общей работы и управление ею, если это в средствах человека».1) И в другом месте он пишет: «Организм состоит из массы крупных отдельных частей и из миллиардов клеточных элементов, производящих соответственно массу отдельных явлений, однако между собой тесно связанных и образующих объединенную работу организма. Теория рефлексов дробит эту общую деятельность организма на частные деятельности, связывая их как с внутренними, так и внешними влияниями и затем снова соединяет их друг с другом, через что делаются все более и более понятными как целостная деятельность организма, так и взаимодействие организма с окружающей средой.»2)

Н. К. Кольцов: «Моим стремлением всегда было довести

1). И. П. Павлов. Полн. собр. трудов. М., Л., 1949 г., т. 3, стр. 454.

2). И. П. Павлов. Избр. произведения. Госиздат, 1951 г., стр. 373.

эти слагаемые до простоты химических и физических процессов, протекающих в молекулярных структурах. За это меня порой называли «механистом», но, по-моему, совершенно неправильно, так как при анализе нельзя не быть «механистом», упрощенцем. Каждый желающий сказать свое слово исследователь должен стремиться довести упрощение до конца. И он совершенно прав, если только не забывать при этом о необходимости синтеза, который снова должен воссоздать из физических и химических слагаемых сложную картину жизни со всеми ее качественными особенностями».³⁾

Представления о дроблении гена..., «казавшиеся противоречащими основам генетической теории, в настоящее время сами стали основой этой теории, отнюдь не ставя под сомнение другие прочно установленные факты...»⁴⁾. Известно также, что познание выиграло от применения методологии атомистики, корпускулярности и к уяснению электричества, выделив электрон как элемент электрического тока, хотя он (то, что называли электроном) все еще и остается в нынешней СНОЗ очень неясным и непонятным.

Анализ и синтез оказываются плодотворными потому, что позволяют использовать и объединить преимущества чувственных форм познания и форм познания мышлением: восприятие предмета в целостности дает возможность получить и запомнить архитонику отображений его внешних состояний и проявлений, которые являются результатом какого-то объединения каких-то его частей и элементов; затем, реальным дроблением на части и мысленным анализом проникают внутрь, разлагая целостность на части и элементы, познают элементы и части врозь; затем, где мысленно, а где реальным сложением, собирают, синтезируют ранее разложенную и запомненную целостность. И если происходит совпадение и соответствие исходной целостности (запомненной в результате восприятия ее перед анализом или такой же другой) и полученной в результате мысленного или фактического синтеза, то предмет и оказывается познанным в результате и в меру познания его элементов и структуры.

3). Н. К. Кольцов. Организация клетки. М. — Л., Биомедиздат 1936 г., стр. 7.

4). В. Л. Рыжков. «Что старого в новой генетике». ж. «Вопросы философии» № 3, 1976 г., стр. 90.

Свой путь к познанию истины мышление начинает от чувственных восприятий, в результатах которых оно должно и определяться и очищаться в своих погружениях за пределы чувственности доступного и в своих выведениях знания о невидимом приведением его к видимому и проверкой его с ним. «В действии человек не может ничего другого, как только соединять и разъединять тела природы. Остальное природа совершает внутри себя», — писал Ф. Бэкон (Соч. в 2-х томах. М. 1972 г., т. 2, стр. 12). Это следует учитывать и в логике мышления: разъединив смысловое содержание представления, отображающего в себе соответствующий предмет познания, на составляющие его смысловые элементы, каждый из которых только и может быть антиощущением с границей-ничто, фиксирующей собой форму его протяженности, и истинно взяв или сформировав последние, познающий должен произвести и проследить в мышлении такое объединение их в целостность, какое является следствием тех свойств, которыми обладают эти элементы и все их окружающее сами по себе, т. е. так активно мыслить, чтоб осторожно, без ошибочных примесей и недомыслов и без вводящих в заблуждение произвольностей следовать умозрительно за процессом самообъединения этих элементов в целостность в соответствии с их свойствами и средой и за процессом саморазвития так образовавшейся целостности в (каких-то условиях среды, исследуя и познавая при этом возможное и невозможное и способы получения желательного.

III

Так, стремясь объяснить видимое, мыслители пытались выйти за пределы чувственно воспринимаемых уровней и творческим мышлением выделяли в представлениях умозрительные смысловые элементы и формирующие их из них смысловые структуры и пытались дедуцировать некоторое знание и тем самым познать, понять и объяснить восприятий-но очевидное и предсказать его будущее. Но до сих пор это делалось преимущественно путем переноса некоторых структурных фрагментов эмпирического знания, снятых из чувственностью воспринимаемых уровней сложности (хотя частично и преобразованных при формировании их в представлении) на низшие (восприятиям недоступные) уровни сложности без соответствующей переработки, достаточной для

достижения соответствия этих фрагментов знания с им соотносящимися элементарно-структурными фрагментами познаваемой реальности, без истинного познания того, почему, чем и как возможно получение сложной целостности из элементов. Например, мысленная орбитальная модель атома сформирована по подобию солнечной системы, тогда как оснований для умозаключения по аналогии (перенос информации с одного предмета или модели на другой) от планетной системы к атому нет (общих свойства нет; размеры совершенно несоизмеримы; строение, уровень сложности и состав и структура элементов разные). М. А. Макаров пишет: «Мы идем в микромир с макроскопическими классическими представлениями, несмотря на то, что классическая теория не может сама по себе объяснить тех новых закономерностей, с которыми мы имеем дело в атомной физике»¹⁾. Да и некоторые авторитеты теории (познания) вместо того, чтобы искать путей познания простого и идти затем от знания простого к познанию сложного, навели мышление на путь движения от сложного к простому, который если и может быть плодотворным, так лишь в узком интервале уровней сложности, составленных подобными элементами или системами. Верно писал Рене Декарт, что: «Совершенно несомненно, что тела, ощущаемые посредством чувств, состоят из частиц, не поддающихся чувственному восприятию»²⁾. Но он допустил роковую ошибку, делая отсюда крайне реакционный для логики познания вывод; «...Ни один разумный человек, я думаю, не станет отрицать, что лучший философ тот, кто судит о происходящем в мельчайших тельцах, недоступных нашим чувствам единственно в силу своей малости, по примеру того, что происходит в телах, доступных нашим чувствам, и тем самым отдаст себе отчет... обо всем имеющемся в природе; а не тот, кто для объяснения этих вещей станет измышлять нечто, не имеющее никакого подобия с ощутимыми частицами, как, например, изначальная материя, субстанциональные формы, как великое множество качеств, применяемых некоторыми, хотя каждое из них познать труднее, чем те вещи, которые пытаются объяснить посредством их» (там же, стр. 269).

1) М. А. Макаров. «О природе материи». Изд. «Наука», М., 1976 г., стр. 23—24.

2). См. «Антология мир. философии», М., 1970 г., т. 2, стр. 268,

Но разве это не очевидное заблуждение? Разве можно принять перенос структур более сложных образований реальности на менее сложные как научно обоснованный метод? Разве единичные отдельные системы низших уровней сложности могут собой реализовать те структуры и свойства более сложных систем, которые образуются лишь из множества низших и проявляются на базе и как эмерджентный результат структуры множества низших? А потом еще: разложили вещество на атомы, сформировали модель-представление атома, а то, как объяснить возможность обратного объединения атомов в молекулу, и до сих пор не известно. Говорят, что недостаток и избыток электронов вокруг ядра делает атомы положительно и отрицательно заряженными, чем и пытаются объяснить возможность их объединения в молекулу. Но как, чем и почему, скажем, отрицательный ион обнаруживает, что другой ион является положительно заряженным, что у положительно заряженного иона не хватает электронов, и почему, как и чем связываются ионы между собой? Бедь оба эти ионы обнаруживают друг друга прежде всего внешней поверхностью своих «электронных оболочек», которые у каждого из них отрицательны и по закону они должны бы отталкиваться друг от друга. К тому же, очевидно, что модель атома в нынешней СНОЗ, из которой (модели) следует очень большая зависимость свойств и природы атома от количества электронов и их местонахождения и состояния в нем, не объясняет того и не соответствует тому, что несмотря на известную массовидность «движения электронов» во всех процессах (электроника, радио, биоэлектроток, электромагнитные колебания и все прочее) это все же почему-то не вызывает в соответствующих пределах столь заметных изменений в веществе, так щедро выделяющем из себя электроны, или включающем их в себя, или проводящем их через себя. Кроме того, электрон предлагают мыслить не в виде умоаглядного представления, а свели его смысл к вероятности появления чего-то (сами не знают чего) в данном пространстве; а путаница в остальном смысловом содержании нынешней модели атома такова, что картина движения электрона в атоме по какой-либо траектории лишена теперь какого-либо смысла. Вот и начинают здесь выдумывать и эклектически пристегивать разные псевдообъяснения, или сводят их к описательству и обобщениям восприятийных данных, как и во времена расцвета механицизма.

И по мнению итальянского философа В. Матье, как это пишет Т. И. Ойзерман: «Понятие электрона отнюдь не констатирует экспериментально установленные факты, данные наблюдения, экспериментов, предположения, логические выводы...»¹⁾ Т. е. понятие электрона в старой ныне всеми используемой СНОЗ — это название используемое для привязывания к нему различных математических формул да вымысел, не имеющий логической выводимости из несомненно истинных всеобщих и фундаментальных оснований этой старой СНОЗ и не дающей логически безупречного объяснительного знания тех реальных микромира, которые непосредственному (и даже опосредованному) восприимчивому наблюдению недоступны, но для объяснительного отображения которых и употребляется безуспешно это понятие (электрона).

Разве при переходе от познания более сложных уровней к познанию менее сложных, при продвижении от макрообъектов к микрообъектам и субмикрообъектам структура смыслового содержания представления или понятия этих объектов не должна становиться иной и более простой?! Может ли элемент реальности, входящий в состав системы, быть более сложным по своему составу и строению, чем составляемая им вместе с другими элементами система? Конечно нет, т. к. он со всей своей сложностью входит в состав составного объекта, хотя бы и с частичной видоизмененностью в своем составе, в своих свойствах, в своем поведении. К этому же следует стремиться и в мышлении. Может ли представление или понятие атома по составу и структуре всегда своего смыслового содержания быть более сложным, чем полное смысловое содержание представления или понятия молекулы, включающее в себя и все смысловое содержание со всеми подробностями представлений или понятий составляющих эту молекулу атомов? Нет! Может ли полный и подробный смысл понятия нуклона или электрона быть сложнее, чем столь же полное и подробное смысловое содержание понятия целого атома? Нет! Так же обстоит дело и при дальнейшем продвижении в глубь строения реальной действительности. Что для истинного познания изначальных элементов познания необходимо было пройти долгий и трудный путь — спору нет;

1). Т. И. Ойзерман. «Международный форум философов: мировоззренческий спор». См. (ж. «Вопросы философии», № 5, 1984 г., стр. 39.

по прогресс познания будет достигнут именно переворотом пути движения от знания сложного к знанию простого на путь движения от знания наипростейшего к слагающемуся, выводящемуся из него знанию всего и всякого сложного. Это необходимо для того, чтоб иметь возможность предельно истинно познавать и убедительно объяснять все нас интересующее. Это и возможно, и изложено в «Логох...»

Ведь знание о каком-либо реальном объекте должно быть стражением последнего в сознании человека и обладать какой-то степенью и формой соответствия. И эта степень соответствия не может находиться в обратной зависимости от уровня сложности объекта, т. к. познание в этом случае было бы невозможным, что противоречит реальной практике познания. Здесь может быть только прямая зависимость; более простому (по составу материально-идеальных элементов и по их взаимоотношениям) реальному объекту должно соответствовать более простое по смысловому содержанию представление или понятие о нем; мера простоты и сложности научного знания должна обуславливаться мерой простоты и сложности того реального, которое познается и отображается в этом знании. «Чем больше исследование склоняется к простым природам, тем более все будет ясно и очевидно, ибо исследование переходит от многообразного к простому, от несоизмеримого к соизмеримому, от невидимого к учитываемому, от бесконечного и смутного к конечному и определенному, подобно тому как мы видим это в элементах письма и в тонах созвучий».¹⁾ Но творческие способности человеческого интеллекта слишком долгое время были направлены больше на мысленное конструирование образов и моделей, предназначенных для преобразования окружающей среды на уровнях, доступных непосредственным чувственным восприятиям (строительство домов, дворцов, соборов, машин и пр.), чем на мысленное конструирование моделей микрообъектов, что наряду с прочим и обусловило тенденцию применения образов и моделей, снятых с макромира. Например, представление волны, снятое с наблюдающихся явлений макромира (с водяной поверхности) переносится в субмикромир.

Почему же в естествознании сложилось такое положение,

1). Ф. Бэкон. Соч. в 2-х томах. М., 1972 г., т. 2, стр. 90.

что по мере перехода к изучению объектов низших уровней сложности, по мере погружения в микромир и в «полевое состояние материи» отдельные объекты этих уровней сложности предстают все более трудными для понимания? Почему для выражения этих понятий прибегают ко все более сложным и трудным для понимания математическим формулам, вводят различные величины, операторы, тензоры и пр.? Не для закрытия и заглаживания ли тех противоречий и переходов, которые и образуются именно вследствие порочного метода переноса структур высших уровней сложности на низшие? Не подобно ли это тому, как птолемеевская (геоцентрическая) объяснительная система объясняла мир, накручивая циклы на мегациклы и все усложняясь по мере открытия новых астрономических тел и явлений, стремясь сохранить незыблемость своего геоцентризма и с ним связанных заидеологизированных идей? Почему все более трудно человеку, изучающему современную физику микромира, дойти до «переднего края» в познании глубинных уровней сложности, дойти до границы между познанным и непознанным? Ведь на низших уровнях объекты должны быть проще, чем на высших?! Ведь элементы, составляющие собой систему какого то уровня сложности, не могут быть сложнее ими сложенного! И утверждение об обратном есть лишь неправомерная попытка выйти из затруднений, из антиномий, которые есть результат применения субъектом тех приемов путей и методов мышления, которые не соответствуют естественному ходу саморазвития реальности, самоорганизующейся при наличии соответствующих условий в более сложные системы из простых.

Это можно объяснить лишь тем, что метод познания не соответствует предмету познания и что в исходных и основоположных понятиях современного знания о познаваемом, о познающем и о познании, кроме истинных элементов знания, ютятся также и ложные, ошибочные. «Ведь если бы заблуждения не перенимались в первых понятиях, то не могло случиться, что некоторые правильные открытия не исправили другие — превратные». — Ф. Бэкон там же, стр. 75. А в процессе вывода знания из этих начальных и основоположных понятий содержащиеся в них ошибки (в том числе и ошибки, вызванные применением образов, снятых с предметов макромира, к объяснению предметов микромира) и неточности

приумножаются, что приводит к необходимости вводить новые понятия, которые может быть и не отражают своим содержанием каких-то реальных объектов, а вводятся мышлением произвольно для того, чтобы заполнить бреши, согласовать, сформировать или спасти общую систему, что приводит к усложнениям, к лавинообразному нарастанию сложности и к появлению и развитию путаницы, противоречий и несовместимостей в особенности на глубинных уровнях и на стыках с другими науками, изучающими иные уровни сложности, иные области, иные срезы реальности. «Как это ни парадоксально, трудности современной теории элементарных частиц являются в какой-то степени следствием необычайного успеха «золотого века» физики, подавившего чувство бедительности исследователя эффективностью «сумасшедших теорий», воспитавшего убежденность во всемогуществе уравнений и формальных рецептов и погасившего чувство необходимости тщательного критического анализа фундаментальных физических понятий и принципов».1) «Тщательно оживить большого прибавления в знаниях от введения и прививки нового к старому. Должно быть совершенно обновление до последних основ, если мы не хотим вечно вращаться в круге с самым ничтожным движением вперед», — Ф. Бэкон, там же, стр. 17. «Старому рост не под силу, смертью оно изменяется, старое надо разбить, в этом лишь к новому путь» (Ян Райнис, «Антология мировой философии», т. 4, 1972 г., стр. 557). Да и сама организация всей системы современного знания находится в таком состоянии, что не способствует ни легкости изучения и освоения уже достигнутого, ни дальнейшему развитию творческого мышления. Нужна радикальная реорганизация его. Ясно, что полагаться при этом на старые принципы, даже если они очень общие и общепризнаны, нельзя. Примесь ошибочных или неясных смысловых элементов в исходных и основоположных понятиях современного объяснительного знания наличествует потому, что эти понятия формировались преимущественно из тех эмпирических, восприятия данных элементарно-структурных фрагментов опыта, которые сформировались под влиянием отображения реальности восприятиям доступных уровней сложности, которые являются более сложными, чем те в восприятиях не-

1). Ю. И. Кулаков. «Структура и единая физическая картина мира». т. «Вопросах философии» № 2, 1975 г., стр. 18—19.

посредственно не отображающиеся объекты, к познанию которых затем начало двигаться познание (из макромира в микромир), в то время как из истинного знания элементов и структур низших уровней сложности следует и единственно возможно вывести и понять системы более сложных уровней.

Кроме этого, содержание смысла понятия, снятого из сложного объекта, фиксирует в себе в большей мере отображения тех проявлений, свойств и качества этого объекта, которые порождаются эмерджентным результатом процесса взаимодействия всех элементов, соответствующей структурой составляющих этот сложный объект, и в меньшей мере фиксируют в себе те отображения, которые порождаются свойствами отдельных элементов вне процесса составления ими сложных объектов. Сложность реальных объектов тех уровней, с которых снимались исходные и основоположные (хотя в какой-то степени и уточнявшиеся, но сохранившиеся как снятые с объектов этих уровней) понятия научных объяснительных систем современного естествознания, и в особенности физики, строящей фундамент для других наук, и предшествующее или сопутствующее этому снятию отсутствие точных понятий об элементах и частях, составляющих собой эти сложные объекты, увеличивающиеся по мере перехода к низшим уровням, вглубь сложного, обуславливают собой один из источников неточности начальных и основоположных понятий и вырастающих на этой почве заблуждений, трудностей, парадоксов, тупиков и ограниченностей нынешней старой гносеологии и СНОЗ. Применение научной системы, построенной на этих исходных и основоположных понятиях, к объяснению явлений мегауровней (планетарный, звездный, галактический, метagalактический и пр.) за некоторыми пределами также приводит к обнаружению ее несостоятельности и ограниченностей, т. к. космические объекты вступают во взаимодействие и дают нам знать о себе не непосредственной своей цельностью, а опосредованно, через находящуюся между ними и нами среду и через соприкосновения поверхностей соответствующих целостных образований. Но и среда, и взаимодействующие поверхности целостных образований в конце концов могут быть поняты при рассмотрении строения, существования, свойства и взаимодействий составляющих их микроэлементов, знание которых и не схватывается такой системой понятий.

Таким образом, при продвижении познающего, вооруженного старой СНОЗ, в которой объяснительное знание выводится из вышеохарактеризованных понятий, снятых из доступных восприятиям макрообъектов, в микромир и в мегамир неизбежно должны обнаруживаться и обнаруживаются несостоятельности и ограниченности этой системы понятий и необходимость ее радикального обновления — после исчерпания эвристических и объяснительных потенций и возможностей, обусловленных ее фундаментальными понятиями и логикой.

Некоторые всячески пытаются ориентировать исследователей на методологию макроскопического эмпиризма, отвлечь, бросить тень сомнений или дать псевдообоснования возможности иных путей успешного и истинного познания мира. Но разве мы не можем построить такие модели, которые истинно отображали бы собой реалии микромира, в том числе и самое глубинное его? Разве тот факт, что мы существо макроскопическое и что «В развитии нашего организма не было «жизненной» необходимости для органов чувств «выйти», во всяком случае, далеко за «рамки» ощущения [микромира]»¹⁾ — как это пишет М. А. Марков, — фактически обрекает нас на то, что бы мы и в будущем продолжали мыслить представлениями, снятыми нашими органами чувств с доступных им уровней сложности объектов, с макрообъектов? Ведь мы можем же менять, перестраивать и варьировать свои представления!? Если «макроскопическое существо — человек — пока не знает никакой другой формы познавательной деятельности, кроме макроскопической» (М. А. Марков, там же, стр. 29), опосредованной приборами, то это не значит, что он и впредь не будет знать этого и не должен стремиться узнать это. Напротив, неудачи и ограниченности использующейся им гносеологии должны активизировать его творческие способности на обновление и создание новой гносеологии, освобождающей человеческий разум от препятствий, чинимых ему недоразвитостью, путаницей и заблуждениями ныне использующейся гносеологии, — на создание новой гносеологии и СНОЗ, дающих разуму возможность познавать все, его интересующее, так исчерпывающе, глубоко и истинно, как это вообще возможно, и направляющих его на это.

1). М. А. Марков. «О природе материи». М., 1976 г., стр. 25.

Итак, в то время как естественный ход саморазвития реальности протекает в результате структурного объединения элементов в более сложные системы и в результате выживания и усовершенствования одних и разрушения, видоизменения и распада других — в зависимости от характера исходного элементного состава и структуры образовавшейся системы и реальных условий внешней среды, — мышление и организация производимого им знания еще не достигли подобного состояния, еще не полностью переведены на такую методологию, чтобы знание организовывалось мышлением и мысленные модели благодаря объединению простейших исходных смысловых элементов в смысловые системы различных уровней сложности с соответствующими структурами и чтобы умосознание получило возможность принуждать его к развитию в соответствии с содержанием, характером и направлением развития отображающейся в нем реальности и умозрительно проследить такое его развитие. Необходимо произвести это согласование. Содержание, движение и развитие знания должны соответствовать содержанию, движению и развитию познаваемой реальности, в самом фундаменте которой заложены тенденции объединения элементов низших уровней сложности в целостностные системы, могущие существовать отдельно. Иерархия уровней сложности различных структур, систем и элементов реальности требует и соответствующей логики мышления и организации знания в иерархию мысленных моделей различных уровней сложности, выводящихся из низших уровней. Конечно, движение мысли по вертикалям иерархии смысловых целостностей обособленных структур, осуществляющееся умосознанием в ходе выведения и уяснения сложных образований из исходных простых, требующее субординации родовых и видовых уровней обобщенности, требует больших мыслительных усилий и энергетических затрат, чем проследивание межиндивидуального, межвидового или межродового, т. е. «горизонтального», взаиморасположения и взаимоследования эмпирических данных, осуществляющееся на одном уровне сложности и обобщения, что подтверждается и экспериментально¹⁾. Но целью научного познания является его прогресс, а не экономия мыслительной энергии.

1). См. Л. М. Веккер. «Психические процессы». ЛГУ, 1976 г., т. 2, с. 310.

Познание реальности человечеством и фиксация, накопление и сохранение знания при помощи языка начиналось с результатов познания объектов ближайших к человеку уровней сложности, дающихся ему в восприятиях; ведь связывание в памяти смысловых и символических структур начинается в ходе остенсивных определений (например: говорят, что «это есть роза», и указывают на то реальное, что называют розой),

II. Коперник, давший истории научного познания образец борьбы против консервативных, закостенелых, лженаучных гипотез и положений образец научного переворота и борьбы за установление более истинного учения о строении окружающего нас реального мира, разработал гелиоцентрическую (правда, не грицинно-объяснительную, а описательную) картину мироздания, не выведением ее элементов и структуры из знания простейших всеобщих фундаментальных начал реальности, а в результате поиска и нахождения в процессе мысленного моделирования более логически и научно стройного согласования элементов и пространственно-временной структуры чувственно-восприятийных наблюдений взаиморасположений и перемещений астрономических объектов, опираясь при этом на достижения соответствующих наук своего времени: механика, геометрия, астрономия и пр. И зарождавшееся и развивавшееся знание и методология основывались на понятиях и методах эмпирического происхождения, вооружившись которыми познание продигалось дальше и пыталось выходить за пределы чувственно доступного. И хотя электронная микроскопия необычайно расширила область познания статистических структур строения вещества (клетки, митохондрии, органеллы, кристаллы и пр.), но все эти и до этого добытые чувственно наблюдающиеся данные о строении вещества не дают возможности понять, отчетливо и истинно представить причинно-следственные механизмы строения и работы процессов самосборки и саморазвития (образования) из вещества, т. к. именно всеобщие и исходные начала и элементы и остаются в нынешней старой СНОЗ неизвестными. «Как правило, на смену трудностям, присущим современной теории, — говорят В. С. Барашенков и М. Г. Мещеряков, — в этих схемах (множества различных обобщений современной квантовой теории) приходят другие, не менее серьезные, не говоря уже о том, что все подобные обобщения

связаны со значительным усложнением математического аппарата. Все исследовавшиеся до сих пор обобщения современной теории в конечном счете приводили не к уменьшению, а, наоборот, к увеличению затруднений. Это, по-видимому, указывает, что для построения новой теории нужны радикально новые подходы, а не простое усложнение и переплетение ранее высказанных идей»²⁾ А многие наукословы то слепо идут в хвосте за вслепую блуждающим естествознанием, то заботятся о сохранении непознанного, то отвлекают от новых идей и поисков, то отстанывают отжившее старое, то под видом борьбы за чистоту марксизма проповедуют полужнание, эмпиризм, бесконечность познания и недостижимость окончательной познаваемости и пр.

В развивающейся и излагающейся «Прологами...» и «Логами...» новой СНОЗ философия снова связывается с естествознанием, а все основные объяснительные науки естествознания — с философией: на базе всеобщих фундаментальных понятий так, что «Эта связь, основанная на взаимной потребности, на внутренней необходимости, — как предсказывал Л. Фейербах, — будет продолжительнее, счастливее и плодотворнее, чем тут мезальянс, который до сих пор был между философией и теологией»¹⁾, и который есть ныне между философией и естествознанием. «Естествознание включает в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включает в себя естествознание: это будет одна наука»²⁾ — писал К. Маркс. И путь к этому таков: опираясь на человечеством уже достигнутые знания реальной действительности, опираясь на логику, которую задают неопровержимые и несомненно истинные новые смыслы материального и идеального, Вселенной как абсолютное все и других фундаментальных понятий, некоторые из которых будут уточнены, углублены и добавлены, мысленно разделять любое сложное до того простейшего и последнего, до которого его можно разложить вообще, и в результате всяческого выяснения его окончательно и предельно глубоко, истинно и

2). Журнал «Вопросы философии» № 2, 1968 г., статья «Физика элементарных частиц: некоторые итоги и тенденции дальнейшего развития», стр. 43.

1). Л. Фейербах. /Соч. М. — П., 1923 г., т. I, стр. 75.

2). К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956 г., стр. 596.

исчерпывающе познать и выяснить сущность этих всеобщих исходных начал, точно уяснить и определить смыслы всех их отображающих понятий и, взяв их в качестве фундамента, выводить все из них получающееся в соответствии с ими задающейся логикой и с познающей реальностью, саморазвивающейся из своих глубинных всеобщих начал. Простой и естественный процесс самодвижения и саморазвития реального мира из начал нужно мысленно воспроизвести в виде простого и естественного процесса самодвижения и саморазвития знания о нем из соответствующих смысловых начал. Подобно тому, как кваша, исчерпав броженнотворные способности своей закваски, перестает бродить и начинает разлагаться, или сохнуть, или прочим образом портиться, так и ныне господствующая стихийно исторически сложившаяся парадигма СНОЗ достигла такой стадии своего развития, что исчерпался ее эвристический и объяснительный потенциал, обусловленный смыслом и составом ее фундаментальных понятий (запутанных и неясных) и стилем и формами логики мышления. И не оставляют ее лишь по неведению новой и лучшей СНОЗ.

«Доказательство имеется тогда, когда умозаключение строится из истинных и первых (положений), или из таких, знание о которых берет начало от тех или иных первых и истинных (положений). Истинные и первые положения — те, которые достоверны не через другие (положения), а через самих себя».¹⁾

В новой СНОЗ, которая излагается в «Прологах...» и больше в «Логах...» (в развитии из старой), такими первыми и абсолютно истинными положениями или началами — истинными не через другое, а через самих себя — берутся: материальные нечто, иные материальные нечто и идеальные границы-ничто между ними, смыслы которых еще будут существенно уточняться и уясняться и в «Логах...» Ими и выведениями из них и достигнуто истинное и исчерпывающее отображение глубинно-донных фундаментальных всеобщих начал бытия и первых наименьших и всеобщих исходных элементов всякого реального действительности. Нахождение, выяснение, обоснование и определение этих начал новой СНОЗ достигнуто в результате логики спора и критически-творчес-

1) Аристотель. Соч., М., 1976 г., т. 2, стр. 1349.

ких анализа и синтеза и обновления фундаментальных понятий старой СНОЗ, в результате выхода в иную смыслологическую систему — выхода из старой монистической антропоцентрической, координатной и приборогенной системы и входа в новую СНОЗ, с немонистической логической формой, свободной от вредных для истинного и полного познания координатогенных и приборогенных премыслов и привнесений, до дна вглубь исчерпывающе и истинно отображающей всеобщий фундамент всей реальности и все из него получающееся, развивающееся, выводящееся. И достигается это не в результате отождествления мышления и мышлением мыслящегося знания с объективным бытием и сущим, а в результате абсолютно истинного отображения всеобщими началами знания всеобщих начал бытия и сущего.

КОНЕЦ пятой части текста «Прологи новой СНОЗ». Продолжение следует.

Если Вы, уважаемый читатель, желаете приобрести и шестую часть или предшествующие части «Прологов» или и последующие части текста «Логи новой СНОЗ», то заказы на это высылайте по адресу: 251010, Украина, Черниговской обл.; г. Бахмач, ул. Чапаева, дом 17, Неволько Г. И.; или по адресу: 344025. г. Ростов-на-Дону. 37 линия, д. 42, кв. 4, Неволько Г. И.

И соответствующие, заказанные Вами, книги «Прологов...», а потом и «Логов...», будут высылааться Вам (почтой с наложенным платежом) по указанному Вами адресу, — по мере опубликования и наличия их у автора.

ОГЛАВЛЕНИЕ

О содержании этой книги	3
-------------------------	---

Глава I

§ 1. Уяснение форм и путей дальнейшего развития познания	5
§ 2. Определение и дальнейшее уяснение опыта и знания, их сущности, происхождения и развития	16
§ 3. Дополнительные и полемические рассуждения к предшествующему	28

Глава II

§ 1. Продолжение уяснения источника и возможностей произведения нового истинного знания неречевыми формами познания	33
Об упрежденной и интегральной истинности знания	39
§ 2. Об ограниченностях восприятия и возможностях их преодоления мышлением	53
§ 3. Про типы мышления	60
§ 4. Об авторитетах	68
§ 5. К вопросам неотеологии	78

Глава III

Дополнительные и полемические рассуждения	89
§ 1.	89
Про пустые слова и мысли	91
О познании будущих состояний предмета	100
§ 2.	103
Сопоставление	115
§ 3.	116

Глава IV

§ 1 Моделирование как форма мышления и модель как форма организации знания	126
--	-----

§ 2.	151
§ 3. Моделирование и познание предметов экстенсивно более сложных по сравнению с субъектом	169
§ 4. Моделирование и познание систем низших уровней сложности находящихся за пределами различающей способности чувств субъекта	180
Конец пятой части «Прологов...»	200

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ НЕВОЛЬКО

**ПРОЛОГИ
НОВОЙ
СИСТЕМЫ
НАУЧНОГО
ОБЪЯСНИТЕЛЬНОГО
ЗНАНИЯ**

Сдано в набор 3. 05. 95. Подписано к печати 19. 06. 95. Формат 60х84 1/16.
Бумага газетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Услови. печ.
листов 12,75. Учетно-изд. листов 12. Тираж 2000. Изд. № 33. Заказ 1195.
Цена договорная. Заказное.
Областной комитет по делам печати и информации.
250000, Чернигов, проспект Октябрьской революции, 62.
Менская районная типография.
251600, Мена, Красноармейская, 23.